ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

ГОВОРЫ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ВОЛОГДА 2014

Печатается по распоряжению и.о. ректора ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» доц. Т.А. Пояровой при финансовой поддержке Вологодского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в соответствии с условиями договора № Б-68-2013 от 20.06.2013 на организацию диалектологических экспедиций по проекту «Народная речь Вологодского края».

Рецензент: О.Н. Крылова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Словарного отдела
Института лингвистических исследований РАН

Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Монография / С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчёва, Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова; научн. ред. – Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2014. – 160 с.

В монографии характеризуются лингвистические особенности современных белозерско-бежецких говоров, представленных на территории Кирилловского района Вологодской области. Материалом для наблюдений служат образцы звучащей речи, зафиксированные в ходе диалектологических экспедиций 1988 – 2013 гг. Исследование может быть адресовано специалистам-диалектологам, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся особенностями народной речи на Русском Севере.

© ВОО РГО
© ВГПУ: С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчёва, Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. **Говоры Кирилловского района Вологодской области**
§ 1. История заселения Белозерского края
и формирование диалекта (*Н.Г. Михова*)
§ 2. Говоры Кирилловского района Вологодской области
в контексте лингвистического описания севернорусских
диалектов (*С.А. Ганичева, Н.Г. Михова, Е.Н. Ильина*)
§ 3. Фонетические особенности живой речи жителей
Кирилловского района Вологодской области (*Н.Г. Михова*)
§ 4. Природа глазами жителя Кирилловского района
(на материале лексики говоров) (*С.А. Ганичева*)
§ 5. Наблюдения над особенностями диалектного
словообразования в говорах Кирилловского района *(Е.Н. Ильина)*

Глава 2. **Речевой портрет жителя**
Кирилловского района Вологодской области
§ 1. Анна Алексеевна Шаброва (*Е.Н. Ильина*)
§ 2. Аполлинария Виссарионовна Харитонова (*Е.Н. Ильина*)
§ 3. Нина Арсентьевна Исакова (*Ю.Н. Драчёва*)
§ 4. Николай Павлович Шабров (*С.А. Ганичева*)

Заключение

Список литературы

ВВЕДЕНИЕ

Исследование лингвистической специфики говоров Вологодской области имеет давние традиции и представлено в истории русской диалектологии именами фонетистов О. Брока и Л.Л. Касаткина, лексикологов Ю.И. Чайкиной и Т.Г. Паникаровской, исследователей грамматики говоров С.П. Обнорского и Л.Г. Яцкевич, специалистов в области народной речевой культуры В.И. Трубинского и Л.Ю. Зориной, создателей диалектных словарей М.К. Герасимова и П.А. Дилакторского, а также многих других ученых. Основу их наблюдений составили записи народной речи, начало которым положил первый в России диалектный «Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом» (1757). Уже более двухсот лет ведутся подобные записи: со временем менялась форма фиксации диалектного материала, но по-прежнему внимательным и бережным остается отношение диалектологов к фактам звучащей речи.

Во второй половине XX века усилиями ученых различных научных центров России и, прежде всего, Вологодского государственного педагогического университета и Череповецкого государственного университета был собран весьма значительный объем записей народной речи. Контекстуальные иллюстрации диалектных слов представлены в «Словаре вологодских говоров» (1983–2007). Ответы на вопросы «Лексического атласа русских народных говоров» легли в основу его карт и комментариев к ним. Материалы бесед с информантами – жителями различных районов Вологодской области – составили лингвистическую базу многих диссертационных исследований. При этом образцы звучащей речи не вполне доступны заинтересованному слушателю – лингвисту, учителю-краеведу, специалисту в области региональной культуры. Это обстоятельство определило актуальность изданий серии «Народная речь Вологодского края», публикуемых при поддержке Вологодского регионального отделения Русского географического общества.

Первый опыт подобного рода издания состоялся в 2012 году. Книга включала в себя пять речевых портретов носителей вологодских говоров, жителей восточных районов Вологодской области: Междуреченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. Фрагменты народной речи, представленные в книге, весьма интересны в жанровом и тематическом отношении: это и мемуарная проза, посвящённая судьбам своего поколения и родной деревни, это и записи народных частушек, и примеры бытовой речи, иллюстрирующие крестьянское отношение к труду, к природе и к обществу. Кроме того, комментарии к каждому из разделов решают серьезные лингвистические задачи. Это реконструкция региональной системы русского речевого этикета, анализ региональных особенностей мемуарной прозы, исследование диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина посредством описания отдельных трудовых ситуаций, выявление универсально-жанровых и локальных особенностей бытования фольклорных текстов, комплексное описание диалектной языковой личности.

Движение от звучащей речи через комментарий к решению научных задач позволило выявить и описать наиболее интересные явления, иллюстрируемые информантами. Но это определило некоторую эклектичность работы, отсутствие в ней базовой лингвистической информации, которая могла бы послужить основой для многоаспектного анализа диалектной речи. В связи с этим в настоящем издании мы сосредоточили свое внимание на говорах одного административного района, рассмотрев их локальные особенности с точки зрения фонетики, лексики и грамматики. Материал для данного исследования собирался в Кирилловском районе Вологодской области специалистами из Вологды и Череповца в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг.

Монография «Народная речь Вологодского края», посвященная говорам Кирилловского района, включает в себя две главы. Первая из них рассказывает об истории заселения края, содержит информацию о специфике кирилловских говоров в контексте диалектного членения русского языка,

включает в себя очерки фонетики, лексикологии и грамматики изучаемых говоров. Во второй главе представлены речевые портреты уроженцев Кирилловского района Вологодской области. Это люди различного возраста и уровня образования: рабочая рыболовецкой артели, сельская учительница, работница горно-металлургического комбината из Мончегорска, командир воздушного судна из Вологды. Их объединяет то, что все они в той или иной мере сохранили в своей речи черты белозерско-бежецких говоров, а также то, что они хорошо знакомы с бытовой и духовной культурой родного края.

Авторский коллектив проекта «Народная речь Вологодского края» выражает признательность рецензенту монографии – старшему научному сотруднику Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН, кандидату филологических наук Ольге Николаевне Крыловой за важные замечания и пожелания, высказанные в процессе знакомства с рукописью. Мы благодарим за участие в судьбе проекта Вологодский государственный педагогический университет и благодарим за финансовую поддержку Вологодское областное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», а также депутата Государственной Думы Российской Федерации, Председателя Попечительского Совета Вологодского областного отделения Русского географического общества Вячеслава Евгеньевича Позгалева.

ГЛАВА 1. ГОВОРЫ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры Кирилловского района Вологодской области находятся на территории древнего Белозерья. В первой главе нашего исследования рассматривается история заселения этой территории славянами, комментируются особенности формирования местного говора, его место в диалектном членении русского языка, а также особенности изучения локальной специфики местной речи в истории русской диалектологии.

§ 1. История заселения Белозерского края и формирование диалекта

1.1. Основные этапы формирования Верхней Руси

До IV – V века н.э. территория северо-запада России была заселена неславянскими народами. Об этом свидетельствует смешанный характер памятников дьяковской культуры. В памятниках письменности упоминается о финно-угорских племёнах (чудь, весь, меря, мордва), населявших данную территорию. Исследователь Ю.А. Лимонов говорит о том, что летописи выполняли функцию географических атласов. Монахи – создатели летописей – имели достаточно чёткое представление о расположении государств. Следовательно, летописцы давали комментарий описываемым событиям и народам. Историк отмечает, что «наиболее известны были владимирскому летописцу названия, связанные с угро-финскими народностями. Они употребляются даже чаще, чем название «немцы» [Лимонов, 1987: 178].

На территории, окружённой озёрами (Ладожским, Онежским, Белым и Ильменем), проживало племя ***весь***. Именно с ним столкнулись славяне в процессе расселения в районе Белоозера. Мнения историков расходятся в вопросе о датировке этих событий. Некоторые исследователи (Макаров Н.А.) считают, что этот процесс начался не ранее VIII века и продолжался до X столетия. Другие (А.Н. Башенькин) полагают на основании археологических источников, что «время первоначального появления славян в Белозерье следует относить <…> ко второй половине V – началу VI в. н.э.» [Башенькин, 1992: 16]. Согласно его точке зрения, первыми славянскими поселенцами на данной территории были кривичи, пришедшие со стороны юго-запада с территорий новгородских земель.

Первоначально отдельные общины поселенцев – славян – создавали «чересполосицу» поселений с местным населением в наиболее освоенных областях. Это позволило очень быстро образовать единую общность, говорившую на славянском и финно-угорском языках и имевшую общую

культуру. Впоследствии это сыграло большую роль в процессе ассимиляции (славянизации) народов, или внутренней колонизации, которая проходила параллельно процессу принятия христианства.

Следует отметить, что достаточно редко древнерусские поселения развивались на основе прежних финских памятников. Складывание древнерусской народности, государственности и культуры – это сложный процесс взаимодействия местного, финно-угорского, и пришлого, смешанного в этническом отношении, населения. В период IX – X вв. этносоциальные границы изменяются под влиянием политического фактора.

С середины X века местное финно-угорское население начинает принимать активное участие в процессе формирования древнерусской народности. Только во второй половине XI века начинается переселение крестьян – земледельцев в массовом порядке на территории финно-угорских земель для дальнейшего их освоения. В это время основное движение колонизации идёт с юго-запада. Цель этого процесса – политическая. Каждый князь стремился к полному закреплению территории, оформлению чётких границ своего княжества.

Историки В.П. Глазов, Е.А. Рябинин, А.Е. Леонтьев сходятся во мнении о том, что «в материалах западного региона ощутимо присутствие выходцев из северных и северо-восточных районов Новгородской земли, где проживало в XII – XIII вв. смешанное славяно-финское население. В центральной группе фиксируется присутствие выходцев из центральных, «низовских» районной Ростово-Суздальской земли при явных ещё следах новгородского присутствия» [Седых, 2001: 432].

Культурно-этническое единство русичей не исключало различий в регионах, где проходила граница поселений русских и других народов. Отличия были разными по своему характеру и восходили к дофеодальному или раннефеодальному этапам истории. Это подтверждают археологические находки, которые свидетельствуют о том, что среди племён восточных славян были различия как в сфере материальной, так и духовной культуры.

Данные особенности возникали при взаимодействии славян с местным населением, в процессе освоения русскими новых земель и вливании других народов в единое государство.

IX – X вв. – период формирования историко-географической общности, называемой Верхней Русью. Термин «Верхняя Русь» выделяется исследователями на основе летописных данных и определяется как «Русь Рюрика». В памятниках письменности достаточно чётко зафиксированы её границы и основные центры: от первоначального объединения со столицей в Ладоге и затем стабилизацией политического пространства в Новгороде. Границы доходили до Изборска и Белозерска, а при дальнейшем расширении на западе до Полоцка, на востоке – до Ростова Великого.

Исследователь Г.С. Лебедев отмечает: «Внутренняя целостность этого пространства прослеживается и в объединённом древнерусском государстве. Во всяком случае, политические тенденции, проявившиеся при Рюрике (862–879), получили непосредственное продолжение и окончательное закрепление в 1020 – 1030 гг. с основанием Ярославом Мудрым двух новых, пограничных городов Верхней Руси – Ярославля на Волге и Юрьева (Дерпт, Тарту) в западном Причудье» [Лебедев, 2001: 31].

Русь Рюрика – это зона раннего и стабильного взаимодействия славян с финскими племенами и варягами (скандинавами). Финно-скандинавское взаимодействие предшествовало включению славян в этнические и культурные процессы историко-культурной зоны этой территории. Процесс аккультурации народов, прежде всего, отразился на языке. Например, известный советский диалектолог Р.И. Аванесов говорит о том, что одним из результатов смешения языков в период колонизации славянами новых территорий стало усвоение цоканья. Под «цоканьем» понимают неразличение аффрикат <ц> и <ч’> при произношении мягкого [ц’]. По его мнению, именно слияние славян и финно-угров привело к возникновению данного языкового явления. Необходимо отметить, что возникающие диалектные особенности затрагивали в большей мере фонетический и

лексический уровень языка. Однако, несмотря на появление диалектных особенностей, общий строй языка сохранялся.

Археологические данные позволяют представить период (не менее века), о котором не сохранилось письменных сведений. В это время историко-культурная зона, обозначенная как «Русь Рюрика», развивается в процессе взаимодействия славян, финно-угров, скандинавов. Этот процесс периода VIII – IX вв. историки прослеживают по материалам памятников, курганов, сопок, городищ (их соотношению и локализации). В течение IX – XII веков и последующих столетий процесс ассимиляции народов будет продолжаться и найдёт своё отражение в развитии новых археологических культур.

Исследователями отмечается, что активность внешней политики государства того времени проявилась в отношении к привозным товарам. Археологические находки свидетельствуют, что скандинавский «импорт» VI – XI вв. (украшения, оружие, технологии ремёсел, погребальные обряды), а также арабское серебро, поступавшее из Халифата в обмен на пушнину, имело широкое распространение.

В середине X века Русь Рюрика представляет особый этап. Данная историко-географическая общность послужила основой для формирования Новгородской земли XI – XV вв. и объединила изначальные земли расселения славян и финно-угорских племён. По материалам Повести временных лет северный союз племён занимает обширную территорию и «выступает ареной первых славяно-финско-скандинавских контактов середины IX в. (варяжская дань, изгнание варягов, призвание варяжских князей)» [Лебедев, 2001: 31].

Г.С. Лебедев говорит о том, что в период с 862 года данное историко-географическое пространство является цельным политическим образованием, во главе которого стоит князь Рюрик и его ближайшее окружение. Во второй половине X столетия эта архаическая целостность исчезает: происходит самостоятельное развитие периферийных областей, формируются первоначальные государственные территории Новгородской, Псковской,

Смоленско-Полоцкой и Ростово-Суздальской земель, оформляются племенные территории финских народностей. Следовательно, изначально территория Верхней Руси полностью охватывала зону взаимодействия восточных славян и финнов.

Весь на равных правах со словенами входит в военный союз, когда в Белоозере стал править брат Рюрика – князь Синеус. В X – XI веках финно-угорское племя вместе со словенами высылает своих колонистов на восток. Археологические находки позволяют говорить о последовательной славянизации, о сложении традиций общерусской ранней городской культуры. Исследования сопок и погребений, а также другие археологические находки позволяют проследить распространение славянского пашенного земледелия и древнерусской государственности в пределах формирующейся Верхней Руси.

Летописные данные дают возможность отметить определённую последовательность вовлечения в политическое единство основных центров: 862 – 864 – Ладога, затем Изборск, **с 862 г. Белоозеро**, 864 г. – Новгород, Ростов, Муром, после 864 г. Полоцк, 882 г. – Смоленск, 907 г. – Псков, Витебск, Юрьев, до 1030 г. Ярославль. Основу Руси Рюрика составляют земли современной Ленинградской, Новгородской, Псковской областей Российской Федерации, поскольку здесь сохранились черты внутрирегионального членения, зафиксированные в летописях.

Историки рассматривают регион Верхней Руси как «макроИКЗ» (ИКЗ – историко-культурная зона), в структуре которой можно выделить соподчинённые единицы, имеющие основной центр и соответствующий ему субрегион. Таким образом, выстраивается определённая иерархическая структура всей системы историко-культурных зон.

В научной литературе выдвинута гипотеза о том, что «создатели сопок IX – X вв., вероятно, как и их непосредственные предшественники, а видимо, и представители первой (условно, досопочной, любщанской) волны словен, распространяли в лесной зоне новый тип хозяйства, основанный на широком

использовании пашенного земледелия с эксплуатацией пойменных почв и лугов, комплексным дополнением земледельческого уклада – скотоводством, промыслами и ремеслом, быстро развивающейся торговлей» [Лебедев, 2001: 41]. Тип хозяйства определил специфику и последовательность славянских поселений на северных землях.

Вероятно, что некоторые процессы межкультурного взаимодействия на территории Вологодской области проявились в более ранних и ярких формах, чем в соседних западных областях. Г.С. Лебедев отмечает: «Русь Синеуса, где союзниками словен и варягов выступает летописная весь, объединившаяся под властью легендарного соправителя ладожско – новгородского князя, вслед за Русью Трувора на Псковщине выступает реальной составляющей Руси Рюрика. Стоит особо отметить, что финноязычный этнокультурный массив, сложившийся в этой историко-культурной зоне, сохраняется в наши дни как народ вепсов» [Лебедев, 2001: 46].

Исследователи сходятся во мнении о том, что «Верхняя Русь в целом – это следствие многовекового процесса этнической дифференциации, интеграции, взаимодействия всех основных компонентов Северной Европы, северных индоевропейцев и финно-угров, саамов, финнов и балтов, скандинавов и славян. Уникальность региона в европейской истории, континентальное значение протекавших здесь процессов определяются именно этим, тысячелетним взаимодействием» [Лебедев, 2001: 52].

1.2. Соперничество Ростово-Суздальского и Новгородского княжеств. Заселение Белоозера

В начале XII века на северо-востоке Руси происходит интенсивное развитие ремесла, торговли, активная колонизация земель ростово-суздальцами и новгородцами, сопровождавшаяся строительством городов. Возведение новых валов было связано с проблемами внутренней и внешней

политики. Торговые связи, освоение новых территорий, расселение народа, а также угрозы со стороны соседей – всё это требовало укрепления государственности на Ростово-Суздальской земле. Ю.А. Лимонов отмечает: «Накануне похода волжских болгар в 1107 году были укреплены населённые пункты страны. Создавались валы и около Суздаля» [Лимонов, 1987: 20]. Историк приводит в качестве аргумента текст новгородской летописи, в которой описывается набег киевского князя в пределы Ростовского княжества. «Тои же зиме приде Изяслав Новугороду, сын Мьстиславль, ис Кыева, идее на Гюргя Ростову с новгородьци; и мъного воеваша людье Гюргево, и по Волзе възяша 6 городок, Оли до Ярославля полустиша, а голов възяша 7000, и воротишася роспутия деля» [Лимонов, 1987: 24].

Суздальское княжество в это время занимало обширную территорию: междуречье Оки и Волги, земли от Белого озера и далее по Шексне до Волги. Торгово-экономические связи были не только с соседями, но и с Европой, а по Волге – с Каспием, Средней Азией и Византией. Успешная торговля была одной из причин соперничества соседских областей. Каждая правящая верхушка стремилась заполучить «доходное место». Поэтому, несмотря на тесные торговые связи, Новгород являлся постоянным врагом Ростова. Желание князей расширить свои владения за счёт чужих территорий приводило к военным действиям. Исследователи отмечают, что «… угроза со стороны Новгорода на протяжении первой половины XII века была постоянной» [Лимонов, 1987: 24].

С сороковых годов XII века ростовские рати практикуют следующую военную тактику – набеги на пограничные территории Новгородского княжества. Новгород, со своей стороны, стремился расширить свои владения и укрепить власть на местах, поэтому не скрывал своего враждебного настроя и при любой возможности выступал против Ростова. Историки, реконструируя картину прошлого, приводят фрагменты текстов письменных памятников, которые рассказывают о княжеских распрях. В 1147 году «Иде

Гюрги воевать Новгорочкои волости, и пришед взя Новыи Торг и Мьсту всю взя» [Лимонов, 1987: 24].

Освоению свободных земель способствовало создание монастырей. Отмечено, что в период XII – XIII вв. было основано сорок восемь монастырей на территории Суздальской земли. Они располагались как в центральных городах, так и на периферии. Цели строительства были политические – отметить рубежи владений и распространить христианство (а также местную власть) на периферии. Княжеским повелением целые потоки крестьян и ремесленников направляются на север для освоения новых территорий.

Белозерский край был заселён сравнительно поздно. Освоение славянскими переселенцами данной территории проходило неравномерно. В X веке на данной территории живут славяне новгородские, о чём свидетельствуют ранние политические связи Белоозера и Новгорода. Исследователь Л.А. Голубева говорит о том, что в освоении этих земель участвовали и кривичи. В дальнейшем, после включения Белоозера в состав Ростово-Суздальского княжества, кривичское население будет преобладающим.

А.В. Насонов считает, что Белоозеро могло войти в непосредственное подчинение Ростову в первой половине XI века. Учёный говорит о том, что значительную роль в этом сыграла деятельность Ярослава, правившего в конце X – начале XI века в Ростове. В 1024 году князь Ярослав приезжает из Новгорода для усмирения восстания волхвов в Суздальской земле и «устави землю ту» [Насонов, 1961: 178]. Возможно, Ярослав устанавливал здесь свои погосты и дани.

В конце XI в. территория Ростово-Суздальской земли «… охватывала Поволжье от устья Которосли до устья Медведицы и тянулась по Шексне до Белоозера» [Насонов, 1961: 180]. В первую очередь люди заселяли речные долины, удобные для земледелия и скотоводства, осваивали волоки, ведущие с Шексны в систему Северной Двины и Белого моря. Движение славян на

Белоозеро носило народный, крестьянский характер. Об этом свидетельствует облик поселений, не имевших земляных укреплений. Свободных земель было достаточно, поэтому ряд славянских поселений XI – XII вв. возник в долине.

Процесс хозяйственного освоения края сопровождался расширением границ феодальных владений – сначала из Новгорода, затем из Киева. Уже к концу XI столетия процесс развития феодальных отношений в крае привёл к значительному социальному расслоению, усилилось давление на местное, финно-угорское, население. Со второй половины XII века распространяется влияние ростовских князей на Заволочье, где они встречаются с новгородцами, издавна приходивших в эти места. Ростовские полки перехватывали в Белозерье новгородские отряды, ходившие на Двину. Историки приводят данные летописи 1169 г. об ожесточённой битве между ростовцами и новгородцами за власть на территории Белоозера [Голубева, 1973: 195].

Д.К. Зеленин в работе «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» отмечает: «Въ исторіи колонизаціи Вологодскаго края русскими безспорны два различных теченія: Новгородское и Суздальско-Ростовское. Первое преобладало на cѣвѣре, второе – на югѣ» [Зеленин, 1913: 436]. Новгородцы приходят на территорию нашей области по реке Ваге из Заволочья. Двигаясь по водному пути с севера на юг, они заселили бассейн реки Кокшеньги (Тотемский район). Другой путь новгородцев проходил по Двине к югу. Ссылаясь на заметки историков, Д.К. Зеленин говорит о том, что здесь находились главные новгородские колонии. Города Сольвычегодск и Лальск населены, по народным преданиям и мнению местных исследователей, новгородцами, бежавшими сюда во время разгромов Новгорода Иваном III и Иваном IV.

Автор приводит гипотезу историка В. Попова о том, что Ростовские князья, имея право на небольшую территорию, объявляли своими исконными владениями и соседние районы. Москва, к которой в дальнейшем примкнули ростовцы, воспользовалась этими «правами», чтобы предъявить свои требования Новгороду. В основе лежали политические мотивы: московские князья стремились завладеть богатой Двинской областью и затем присоединить остальные новгородские земли. Историки отмечают, что территория Белозерья была причиной спора Ростова (а затем и Москвы) и Новгорода. Наблюдалось политическое влияние той или другой стороны, а преобладающим населением на этой территории было финно-угорское племя *весь.*

Современные исследователи говорят о том, что «движение с Северо-Запада, видимо, осуществлялось не из центральных, коренных земель новгородских, а с северных и северо-восточных окраин. <…> В этом движении, кроме скандинавов, принимали участие западные финны – весь и кривичи, возможно переселившиеся на Северо-Запад с территории Поднепровья» [Седых, 2001: 429].Следовательно, территория, занимаемая современным Кирилловским районом, вполне вероятно, не была заселена новгородцами, но входила в состав Новгородского княжества.

С XIII века на территории Белозерья начинается строительство монастырей. Одновременно проходил процесс феодализации земель и сокращения крестьянских владений. Эти факторы ускоряют ход ассимиляции финно-угров со славянами. Исследователь Л.А. Голубева утверждает, что «…часть веси в лице вепсов сохранила этническую самостоятельность до наших дней» [Голубева, 1973: 56]. В этот период Белоозеро – один из важнейших городов Ростовской земли. К этому времени складываются все предпосылки для выделения самостоятельного Белозерского княжества. Первым Белозерским князем стал внук великого князя Константина Всеволодовича Глеб Василькович в возрате двух лет. Об этом историческом факте свидетельствует «Никоновская летопись» 1238 г. Именно эта дата

(1238 г.) считается возникновением самостоятельного Белозерского княжества.

Историки считают, что в XVI столетии переселенцы приходили на Белоозеро преимущественно из центральных районов России. К этому движению колонистов относят и тех москвичей, которые были отправлены в этот район Иваном III при завоевании Новгорода.

Ослабление древнерусского государства, начавшееся в конце XI века и усилившееся в течение следующих столетий, сопровождается бурным экономическим развитием и укреплением отдельных княжеств. При этом происходит ослабление связей между ними. Переход к феодальной раздробленности на Руси способствовал усилению различий говоров. Русское централизованное государство первоначально занимало территорию Владимиро-Ростово-Суздальского княжества, где был распространён северный субдиалект. Р.И. Аванесов отмечает: «Длительная самостоятельность Новгорода сказалась в том, что северные говоры, восходящие к старым говорам Владимиро-Суздальской и Новгородской земель, и сейчас существенно отличаются» [Аванесов, 1986: 27].

Таким образом, в процессе исторического развития древние новгородский и ростово-суздальский диалекты на разных частях территории их распространения переживали различные изменения, связанные с особыми историческими и языковыми условиями. В конце XV столетия Новгород теряет свою независимость и попадает под влияние Москвы. С этого времени усиливается влияние ростово-суздальского диалекта на северных территориях России.

Современные говоры Белозерско-Бежецкой и Вологодской групп расположены на территории древней новгородской колонизации. Достаточно рано вологодские говоры теряют связь с новгородскими и становятся обособленными, получая возможность самостоятельного развития. В создававшихся условиях хорошо сохранялись архаические черты, но в то же

время возникали предпосылки для появления особенностей, характерных только для этой территории.

Ростово-суздальское влияние позднее, чем новгородское, проникает на северные земли. Это происходит в период становления Московского государства. Усиление распространения особенностей в произношении, характерных для жителей Ростовского княжества, происходит после XV века, т.е. сразу после того, как новгородские земли вошли в состав московских владений. Активное распространение ростово-суздальских (а затем и московских) диалектных черт на восточных землях Белозерского края имело место до XVII века. На протяжении этого периода времени языковое влияние было различным по своему характеру, некоторые черты, присущие древнему новгородскому или ростово-суздальскому диалекту, сохранились в живом языке до настоящего момента. Постепенно начинают отражаться общенародные тенденции, т.е. процесс взаимодействия диалектных систем становится слабее.

§ 2. Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания севернорусских диалектов

2.1. Опыты диалектного членения русского языка в истории русской диалектологии

Вопрос о диалектном членении русского языка является в науке достаточно сложным. Исследователи отмечают, что классификация говоров может «не раз подниматься» в истории диалектологической науки в связи с появлением новых данных [Захарова, Орлова, 1970: 7].

Первые опыты описания территориальных различий русского языка были сделаны ещё М.В. Ломоносовым и В.И. Далем, однако системное изучение русского языка в его «географической проекции» начинается во второй половине XIX века. И.И. Срезневский в статье «Замечания о

материалах для географии русского языка» указывает на необходимость изучения местных говоров и о создании карты языков, наречий и говоров [Срезневский, 1981]. Во второй половине XIX в. в России появилось несколько отдельных карт, посвященных говорам ограниченных территорий или отражающих распространение конкретных языковых явлений (диссимилятивного аканья и др.) [Аванесов, 1949: 297]. Первое систематическое изучение особенностей лингвистического ландшафта русского языка и появление первой карты диалектного членения русского языка связано с деятельностью Московской диалектологической комиссии (МДК). МДК была создана по инициативе А.А. Шахматова в 1903 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук. Ее председателем стал Ф.Е. Корш. В состав комиссии входили такие известные учёные как А.А. Шахматов, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков, Н.Н. Соколов, Р.Ф. Брандт, В.К. Поржезинский, А.Д. Григорьев, Б.М. и Ю.М. Соколовы и др. Основной задачей МДК было составление диалектологической карты русского языка. Члены комиссии разработали «Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка» (в 2-х частях, изданных в 1909 и 1911 гг.). На основании ответов на вопросы этой программы Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков и Н.Н. Соколов подготовили «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» [Дурново, Соколов, Ушаков, 1915].

Особенностью этой карты является, в первую очередь, то, что она охватывает территории распространения сразу трех восточнославянских языков: русского, украинского и белорусского. В пределах русского языка составители карты выделили два наречия: северновеликорусское и южновеликорусское, между которыми, подтверждая ранее высказанные предположения И.И. Срезневского, определили зону переходных средневеликорусских говоров. Выделение северновеликорусского наречия основывалось на изоглоссах оканья, произнесения взрывного [*г*] в соответствие фонеме <г>, произнесения твердого [*т*] в окончаниях глаголов

3 лица (*везёˊ[т]*, *несуˊ[т]*) и употребления форм родительного падежа местоимений *меняˊ*, *тебяˊ*. Для южновеликорусского наречия, напротив, характерно аканье, произнесение фрикативного [γ] в соответствие фонеме <*г*>, мягкий [*т’*] в окончаниях глаголов 3 лица (*везёˊ[т’]*, *несу[т’]*) и формы родительного падежа местоимения *мене´*, *тебе´*. В пределах северновеликорусского наречия ученые выделяют Поморскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодско-Вятскую и Владимиро-Поволжскую группы говоров, преимущественно ориентируясь на то, как в различных фонетических позициях произносятся в этих говорах гласные, соответствующие этимологическому [*ê*]. Ведущим признаком, дифференцирующим группы южновеликорусского наречия, являются различные типы яканья.

Карта 1915 г. неоднократно подвергалась критике, поскольку при выделении диалектных объединений учитывались только отдельные, в первую очередь, фонетические черты говоров. Кроме того, она была сводной и не отражала территорий распространения отдельных языковых явлений. Не случайно вскоре после публикации этой карты стали высказываться мысли о необходимости создания диалектологического атласа русского языка. Практическая реализация этой задачи началась во второй половине 30-х гг. XX в. Появлению общерусского атласа предшествовали подготовка и издание в 1949 г. «Лингвистического атласа района Озера Селигер» (М.Д. Мальцев, Ф.П. Филин). В годы Великой Отечественной войны в Вологде прошло всероссийское диалектологическое совещание, на котором Ф.П. Филин призывал научную общественность регионов активно включиться в сбор материала для общерусского диалектологического атласа. Этот сбор начался в 1945 г. после публикации «Программы собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (под редакцией Р.И. Аванесова). Изначально предполагалось, что атлас охватит всю территорию распространения русского языка в Европейской части СССР и будет включать 11 региональных томов. Однако в результате было создано

5 томов, из которых опубликован только «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957). На основании материалов этих томов в 1971–1980 гг. был подготовлен сводный «Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР» (ДАРЯ). Атлас состоит из 3-х выпусков: I – «Фонетика», II – «Морфология», III – «Синтаксис и лексика». Область картографирования ДАРЯ охватывает территорию древнейшего русского заселения, на которой шло формирование национального русского языка и его основных диалектов.

В ДАРЯ нашли практическое воплощение концепция диалектного языка и теория лингвистической географии Р.И. Аванесова, которые развивались параллельно с созданием атласа. Они составили теоретическую базу Московской школы лингвогеографии (Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, Л.П. Жуковская, И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко, В.Г. Орлова), изложенную в коллективном труде «Вопросы теории лингвистической географии» [Вопросы теории, 1962].

Концепция диалектного языка Р.И. Аванесова включает ряд положений.

1. *Диалектный язык представляет собой систему, включающую как общие для всего русского языка черты, так и черты, по-разному представленные в говорах*. К первой группе черт могут быть отнесены общая часть словарного фонда, общие черты в организации фонемного строя и т. д. Примерами черт второй группы служат оканье и аканье, различные по говорам формы слова *свекро´вь* (*свекро´вь*, *свекро´вья*, *свекро´вя*, *свекро´ва* и т. д.) и др.

2. *Говор рассматривается как частная диалектная система, характеризующаяся целостностью и единством.* Говор, как и литературный язык, следует описывать как самостоятельную систему (а не только характеризовать черты, отличающие его от литературного языка). Не случайно программа ДАРЯ построена так, что ответы на ее вопросы позволяют охарактеризовать важнейшие черты разных языковых уровней

системы говора (вокализм, консонантизм, особенности морфологической системы и др.).

3. *Выделяется понятие междиалектного (межсистемного) соответствия как единицы диалектного языка*. Среди звеньев диалектного языка, имеющих территориальное ограничение, есть: 1) непротивопоставленные диалектные различия – языковые черты, содержащиеся в одних говорах, но не имеющие эквивалентов в других (например, в некоторых русских говорах есть синтаксическая конструкция, со значением неизбежности: *быть тому случиться* ‘то неизбежно должно случиться’); 2) противопоставленные диалектные различия – языковые черты, имеющиеся во всех или во многих говорах, но представленные в них по-разному. Вторая группа черт образует междиалектные, или межсистемные, соответствия. Как правило, разные члены такого соответствия взаимно исключаются в системе одного говора. Примерами такого соответствия могут служить противопоставления звуков [*г*] и [*ɣ*] как реализаций фонемы <*г*>, аффиксальные различия в словах *треск – трескоток – трескотень*, противопоставление форм родительного падежа типа *у сестры´ – у сестре´* и др.

4. *Существует два аспекта описания диалектного языка: структурный и территориальный*. Структурный аспект предполагает рассмотрение того, какими способами представлено междиалектное различие в разных частных диалектных системах. Территориальный аспект предполагает изучение территориального распространения отдельных диалектных явлений или разных членов междиалектного соответствия (подробнее см.: [Аванесов, 1965]).

ДАРЯ является одним из важнейших источников материала для описания русских территориальных диалектов и изучения истории формирования русского диалектного языка. В 1964 г. К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова предложили новую группировку русских говоров, выстроенную на основе изучения всех изоглосс, представленных в ДАРЯ.

Группировки говоров (наречия, группы говоров, зоны) выделены по пучкам изоглосс. Самими крупными территориальными объединениями являются северное и южное наречие. Каждое из них характеризуется большим количеством признаков на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Переходную зону составляют среднерусские говоры, в пределах которых пересекаются изоглоссы северного и южного наречий. В пределах наречий и среднерусских говоров, также на основании пучков изоглосс разных языковых явлений, выделяются группы говоров. Кроме того, ареалы языковых явлений позволяют выделить такие территориальные объединения как зоны. Деление на зоны накладывается на основное членение диалектного пространства на наречия и группы говоров [Захарова, Орлова, 1970].

Группировка говоров, предложенная К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, основывается на изучении диалектов в территориальном аспекте. Структурный аспект изучения говоров представлен в структурно-типологической классификации Н.Н. Пшеничновой, также созданной на материалах ДАРЯ [Пшеничнова, 1996]. Говоры (частные диалектные системы) были классифицированы на основании сходств и различий между ними по признакам, представленным в ДАРЯ; территория при этом не учитывалась. В результате были выделены диалектные типы разных уровней. Самыми крупными из них являются севернорусский и южнорусский диалектный типы. Эта классификация также имеет картографическую проекцию, однако в данном случае карта выполняет вспомогательную роль: показывает, на каких территориях распространены разные диалектные типы.

2.2. Говоры Вологодской области в контексте диалектного членения русского языка

Современная Вологодская область в ее современных территориальных границах была образована в 1937 г. и в данный момент состоит из 26

районов. Характеристика диалектных особенностей говоров Вологодской области во многом зависит от истории заселения края, его более ранних вариантов административного членения, а также от ряда экономических и социокультурных условий проживания людей в более раннее время.

Исторически сложилось так, что внутри Вологодской области достаточно заметно дифференцируются восточные и западные говоры. Вологодская губерния была образована в 1796 г. и к началу XX в. насчитывала в своем составе десять уездов: Вологодский, Устюженский, Вельский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский, Усть-Сысольский, Устюжский, Яренский. В первые десятилетия Советской власти в территориальном членении края произошли значительные изменения: восточные территории, преимущественно населенные коми-зырянами, в 1921 году вошли в состав Коми АССР; к Архангельской области отошли земли Вельский, Сольвычегодский районы, часть Яренгского уезда; в западной части к Вологодской области присоединились районы, исторически относившиеся к Олонецкой (Вытегорский район) и Новгородской (Устюженский, Кирилловский, Белозерский, Череповецкий, Бабаевский, Чагодощенский и др.) губерниям.

Все говоры Вологодской области относятся к севернорусским. Они характеризуются таким набором диалектных черт, как полное оканье (*к[о]рова, м[о]локо*), звонкий задненебный согласный [*г*] в сильной позиции (*но[г]а*), заударное ёканье (*вын[о]с, оз[о]ро*), отсутствие [*j*] в интервокальном положении и стяжение гласных (*делаэт, делат*), произношение [*мм*] на месте [*бм*] (*омман*), упрощение групп согласных в абсолютном конце слова (*мос, хвос*), произношение твёрдого [*т*] в формах глаголов 3 лица (*пашэт, пашут*), различение гласных в безударных личных окончаниях глаголов 3 л. мн. ч. I и II спряжений (*пишут – дышат*), различение окончаний в формах род. – вин. и дат. – предл. падежей личных и возвратных местоимений (*меня – ко мне*), использование севернорусских лексических локализмов (*молотило* ‘цеп’, *уповод* ‘период работы без перерыва’ и др.).

Наиболее крупным диалектным объединением на территории Вологодской области является Вологодская группа говоров.

Вологодская группа говоров – это самостоятельное диалектное объединение, представленное в центральной и восточной частях Вологодской области, а также в южных районах Архангельской области, исторически относившихся к Вологодской губернии. Граница Вологодской группы говоров условно определяется пучками изоглосс диалектных явлений: на западе – примерно по 39° вост. долг.; на юге – примерно по 59° сев. шир. Вологодская группа говоров входит в северо-восточную диалектную зону русского языка, является одной из самых значительных по территории распространения групп диалектов первичного формирования. По данным карты 1915 г., территория современных вологодских говоров была частью *Восточной группы* говоров *Северновеликорускогo наречия*. На севере вологодские говоры граничат с Архангельскими (Поморскими), на юге – с Костромскими и Чухломскими, на западе – с Белозерско-Бежецкими и Лачскими, на востоке – с Вятскими говорами. Диалектные черты вологодских говоров определяются спецификой их формирования, а также особенностями проживания носителей русского языка на исследуемых территориях.

Формирование говоров вологодской группы исследователи связывают с процессами относительно раннего активного взаимодействия новгородских и ростово-суздальских говоров, а также с обособлением говоров вологодских земель в результате их удаленности от административных и торговых центров государства. В результате этих процессов в говорах вологодской группы сохранялись многие архаические черты севернорусского наречия: архаический тип мягкого цоканья, различия в произношении звуков в соответствии с исконными [э] и [*ê*], [*о*] и [*ô*], сохранение архаического типа склонения существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов м. – ср. р. (*де´душко, де´душка* и т.д.), сохранение безударного *-ти* в формах инфинитива с основой на согласный (*кла´сти*, *е´сти*), наличие мягких

согласных в постфиксах возвратных глаголов (*мо´еш*[*с'е*], *мо´еш*[*с'о*]) и др. Вместе с тем обособленность вологодских говоров, их удаленность от административных центров и зон активных междиалектных контактов определила возможности для своеобразного развития некоторых тенденций, как новгородских по происхождению, так и общерусского характера. Это, в частности, развитие произношения [*l*] среднего (возможно, под влиянием иноязычного окружения), наличие инфинитивного показателя *-ти* в глаголах с основами на заднеязычный согласный (*пекти´,берегти´*), развитие системы двойных предлогов (*по-за глаза, по-над болоту*) и др. [Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, 1970: 141–281].

Среди характерных для вологодских говоров лексических черт исследователи выделяют местные слова: *валёк* 'палка для выколачивания белья', *кадца* 'ручка цепа', *туес* 'сосуд из бересты для жидкости' и пр. Языковые особенности вологодских говоров фонетического и грамматического уровней отражены в приведенной ниже таблице.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Семифонемный вокализм с /е/ и /ê/, /о/ и /ô/,	*вуол'а, м'êсто*	Непоследовательно
2	Изменение качества гласных под ударением и в первом предударном слоге между мягкими согласными:	а) *гул[ ]ли, гл[е]д м*), б) *в[ ]тер, р[и]к .*	
3	Употребление одной аффрикаты *[ц']* (мягкое цоканье)	*ц' до, ц'элов'э́к, ц'асы́, кол'ц'*	Ср. также онежские говоры
4	Употребление *[l]* перед гласными непереднего ряда и *[л']* перед гласными непереднего и переднего ряда.	*бol то, кol д'эц, потol к, молод й, мол' тва, пол' на*	Исторически характерно для русского языка; [w] – до падения редуцированных
5	Чередование *[l]* и *[в]* с *[w]* в абсолютном конце слова и перед глухим согласным	*па́wка* (палка), *ла́[w]ка* (лавка)	
6	Долгий шипящий может произноситься как [*ш'ч', шч', шч*] наряду с *[ш:]*.	*ш'ч' ка, йэшч' , д шч* (дождь)	*[ш:]* - более поздний вариант
7	Ассимилятивное прогрессивное смягчение заднеязычных согласных	*до[ч'к']а*	
8	Произношение отдельных слов: *что, когда, дыра, помню и др.*	*[шч']о* или *[шт']о, ко[вды́]* или *ко[лды́]; д[и]ра́, по́м[л']у*	
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Общая форма тв. и дат.п. сущ. мн.ч.	*с пустым вёдрам*	Севернорусская диал. черта
2	Формы с ударным личным окончанием в дат. и пр. п. сущ. 3 склонения	*на лошад ,* *по гряз*	
3	Формы прилагательных с двусложным	*у моло[ды́йа],*	Ср. также

	окончанием род.п. ед.ч. ж. рода	*бол’[шы́йа], у как[е́йа]*	белозерско-бежецкие говоры
4	Формы род. пад. ед. числа мест. и прил., в которых отсутствует согласный звук:	*мо́о* (моего), *ко́о* (кого),	
5	Формы сравн. степени с суффиксом *-айэ-*	*доб[р’а́]йе* (добрее), *ско[р’а́]йе* (скорее)	Ср. онежские говоры
6	Формы указательных местоимений в род. пад.	*тойо́, тыйо́, тыйе́, тыйа́, однойо́, одныйе́.*	Ср. ладого-тихвинские говоры
7	Употребление возвратного постфикса *-с’э // -с’о*	*умы́л[се], умо́йеш[с’о]*	В ладого-тихвинских *-си /-сы*
8	Формы инфинитива глагола на *-ч*	*печи́, стеречи́* или *пекчи́, стерегчи́*	Северо-восточная диалектная зона
9	Употребление глаголов 2-го лица мн. числа с ударением на конечном гласном окончания	*сиди[ме́], сиди[м’о́]* (сидите), *несе[ме́], несе[м’о́]* (несёте)	Северо-восточная диалектная зона
10	Отсутствие морфонологических чередований в личных формах глагола	*спю́, колотю́, просю́*; *пек шь, берег шь, ля́гёт.*	
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Уподобление постпозитивной частицы финалям грамматических форм слов	*от ц-то, б ба-та, д вку-ту, б бы-те*	Ср. также ладого-тихвинские говоры
2	Распространение безличных предложений с главным членом — страдательным причастием и объектом в форме вин. пад.	*всю карто́шку съе́дено*	Черты северной диалектной зоны

Ладого-тихвинские говоры распространены в крайней западной части Вологодской области (Чагодощенский и Бабаевский р-ны), а также в восточной части Ленинградской области и в северной части Новгородской области. Эта группа говоров входит в ареал северо-западной диалектной зоны и по ряду языковых черт противопоставляется восточным севернорусским говорам Вологодской и Костромской групп. Общее происхождение от древненовгородского диалекта роднит ладого-тихвинские говоры с другими диалектными объединениями северо-западной диалектной зоны – среднерусскими Новгородскими и Гдовскими говорами, представленными на территории Новгородской и Псковской областей Российской Федерации. По классификации 1915 г. ладого-тихвинские говоры входили в состав Западной (Новгородской) группы Северновеликорусского наречия. Черты ладого-тихвинских говоров встречаются в говорах межзональных объединений северного наречия, а также в говорах Архангельской области.

Территория распространения ладого-тихвинских говоров находится в ближайшем соседстве с Приильменьем – древнейшим историческим центром древненовгородского диалекта. События политической истории Средневековья (утрата независимости Новгородской республики в XV в., перемещение русского населения в конце XV – начале XVI вв. в районе озера Ильмень) привели к тому, что ладого-тихвинские говоры в большей мере сохранили языковые черты древненовгородского диалекта, чем говоры современной Новгородской группы. Результатом этого развития, а также активных контактов с носителями финно-угорских языков стали такие изменения, как переход от семифонемной к пятифонемной системе вокализма; завершение перехода *[ĕ]* в *[и]*; отсутствие перехода *[а]* в *[э]* как в других севернорусских говорах; формирование системы согласных фонем, парных по твердости-мягкости; переход от системы с губно-губным спирантом к системе с губно-зубными фонемами; формирование различения аффрикат и отвердение /*ч*/; сужение ареала распространения шепелявых свистящих и ареала *[w]* на месте /*л*/ в конце слога и слова; сохранение твердых губных в конце слова и др. Другие характерные черты данной группы говоров представлены в таблице.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1. Произношение гласных, соотв. этимологическим /*е*/, /*ĕ*/, /*а*/, после мягких под ударением			
	А) перед твёрдыми согласными	*н’[о]с, б’[ú]лой, п’[á]той*	
	Б) перед мягкими согласными	*д[е]н’ зв[и]р’, п’[а]т’*	
	В) на конце слова (*[и]*, восходящее к /*ĕ*/):	*на стол[ú], к себ[ú], гд[и]*; *тот — ти (как в Онежской группе говоров)*	
2. Произношение гласных, соотв. /*е*/, /*ĕ*/, /*а*/, после мягких в первом предударном слоге			
	А) перед твёрдыми согласными	*н’[е]сý* и *н’[о]сý*; *р’[и]кá* (и *р[е]кá пр’[а]дý*	
	Б) перед мягкими согласными	*н[е]сú* или *н[и]сú*; *р[и]кê* или в *р[е]кê*; *пр’[а]дú*	
	В) на конце слова (*[и]*, восходящее к /*ĕ*/):	*на стол[ú], к себ[ú], гд[и]*; *тот — ти (как в Онежской группе говоров)*	
3	Различение твёрдых звуков *[ч]* и *[ц]*:	*[чы]тáт’, [чá]сто*	Северо-западная диалектная зона
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Отсутствие согласного на конце флексий 3-го лица	*нес'[ó]* (несёт), *дéла[йо]* (делает)	Ср. онежская группа говоров
2.	Употребление йотированных форм местоимений 3-го лица	*йон, йонá, йонú*	Западная диалектная зона

3.	Употребление *[э]* и *[о]* у гл. I спр. в формах 3 л.ед. ч. и 1 л. мн. ч.	*нес’[é]т* и *нес’[ó]т*, *нес’[é]м* и *нес’[ó]м*	
4.	Употребление мест. *она* в вин.п.	*йей*	В южн. части - *йейу́*
5	Формы дат. и пр. п. ед. ч. с окончанием *-и(-ы)* у существительных ж.р. на *-а*:	*к земл[и́]*, *к жон[ы́]*, *на рук[и́]*	Северо-западная диалектная зона
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1.	Употребление деепричастий прошедшего времени в качестве сказуемого:	*по́езд ушо́вши*	Западная диалектная зона
2.	Употребление предлога *с* / *з* вместо *из*	*прие́хал з го́рода*, *вы́лез с я́мы*	
3	Прямое дополнение при инфинитиве в форме им. пад. сущ. ж.р. окончанием *-а*	*пошёл коси́ть трава́*, *копа́ть карто́шка*	В восточной части
4	Употребление форм диалектного перфекта в функции сказуемого	*у меня́ воды́ принесено*, *у меня́ коро́ву подо́ено*	Северо-западная диалектная зона

Жители Вытегорского района Вологодской области являются носителями **онежских** и **лачских говоров** (ареал их распространения определяется территорией вокруг Онежского озера и озера Лаче). Среди характерных черт Онежских говоров ученые называют произношение *ê* под ударением *[лêс]* в соответствии с безударным *[и]*: *в [л’ис’и]*, непоследовательный переход *[а]* в *[э]* между мягкими *[гр’эс’]*, наличие сложных долгих шипящих *[шч’]*, *[шт’]* и *[ждж’]*, *[жд’]*: *[шчука]*, *[прийэзжд’ай]*, произношение [ŷ] в конце слова и перед глухим согласным в соответствии с *[л]*: *быŷ*, *жыŷ*, *паŷка*, употребление звука *[γ]* в окончаниях: *доброγо*, *тоγо*; присутствие окончаний прил. ж.р. род. и дат.п. с [э]: *молодэй*, синтаксические конструкции с частицей *да: сын дров нарубил да*, *живёт сын да дочь да*. Непоследовательно в этих говорах представлены остатки цоканья, мягкость шипящих, следы «второго полногласия»: *столоб*, *холом*, употребление мягкого согласного в окончаниях форм глаголов 3 лица: *[ход’ит’*, *знайэт’]*. Лачские говоры (Ковжозеро, Кемозеро, восток Вытегры) также реализуют характерные черты севернорусских говоров западной диалектной зоны.

Между восточной и западной диалектными зонами, образуемыми пучками изоглосс в пределах северного наречия, располагаются межзональные группы говоров. Наиболее значительную из них по территории распространения в Вологодской области составляют **белозерско-**

бежецкие говоры. Они распространены на территории современных Кирилловского, Белозерского, Вашкинского, Кадуйского, Череповецкого и частично Бабаевского районов Вологодской области. Формирование белозерско-бежецких говоров определила судьба древнего Белозерья, исторически связанного с Новгородской и Ростово-Суздальской землями [Макаров, 1997]. В говорах этой группы отмечаются такие черты, как тяготение к екающему произношению гласных в первом предударном слоге: *[с'эстры, в л'эсу, п'аток – н'эс'ом, б'эл'у / б'ил'у, гл'ад'и]* и сохранение заударного ёканья: *[вын'осу, оз'оро, д'эр'эвн'ой, д'ад'ой]*, употребление *ч* и *ч'* (*[ч'ай, п'эчош]*), нестяженное окончание прилагательных [*краснуйу, б'элуйу*] в сочетании с выпадением интервокального *[й]* на стыке основы и окончания глаголов: [*работаэш*], безударный постфикс *-сы* в составе возвратных глаголов: [*бойалсы*], некоторые лексические локализмы: *певун, пеун* «петух», *мырчать, мыркать* «мычать», *будать* «бодать» и др. (подробнее см.: [Бувальцева, 1955; Галинская, 2002; Михова, 2006; др.]).

Научная систематизация материала дала диалектологам возможность классифицировать говоры исторического Белозерья как межзональные северного наречия [Карта № VI ДАРЯ «Диалектное членение русского языка»; Захарова, Орлова, 1970: 120]. Особенность межзональных говоров заключается в том, что на территории их распространения имеет место взаимоналожение ареалов противоположных (с географической точки зрения) зон. На территории Кирилловского района Вологодской области наблюдается взаимовлияние северо-восточной и северо-западной диалектных зон. Языковые явления, характерные для того и другого объединения, сосуществуют на общей территории и могут быть распространены в разной степени. Исследователями отмечается, что для межзональных говоров характерно «наличие ареалов некоторых явлений, в основном распространённых на других, далёких от неё территориях» [Захарова, Орлова, 1970: 116]. Важно отметить следующее: для межзональных говоров некоторые черты, определяющие специфику северного наречия, встречаются

здесь наиболее последовательно. В то же время встречаются и отличительные особенности, присущие только этой группе говоров. Многие из этих особенностей привлекали внимание диалектологов в контексте описания фонетических, лексических и грамматических особенностей русского диалектного языка.

2.3. **Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания севернорусских диалектов**

Фонетические особенности говоров Кирилловского района Вологодской области впервые были системно изучены в связи с подготовкой «Диалектологического атласа русского языка». Для местной интеллигенции были высланы анкеты – опросники с точными указаниями по сбору материала. Работа проводилась учителями, врачами, живущими в данной местности. Возможно, что на некоторые пункты анкеты были получены скудные ответы. Свидетельством этого служат те карты ДАРЯ, где при лингвогеографическом описании диалектных явлений присутствуют «белые пятна» на территории современного Кирилловского района. Соседние Белозерские говоры были описаны К.В. Горшковой [Горшкова, 1968] и Н.М. Бувальцевой [Бувальцева, 1955]. Используя данные, собранные в середине XX века, исследователи отмечают яркие особенности живой речи, объясняют функционирование тех или иных диалектных особенностей с позиции исторического развития русского языка. Наиболее последовательно в диалектологических исследованиях описаны явления *консонантизма говоров* исследуемой территории: качество звонких губных согласных ([*в*], [*в’*], [*w*] или [*ў*]), качество и функционирование аффрикат [*ц’*] и [*ч’*], особенности произношения долгих шипящих, качество [*л*] в различных фонетических позициях, специфика произношения сочетаний [*дн*], [*бм*], утрата конечного согласного в сочетаниях [*ст*] и [*с’т’*], а также выпадение

[*j*] в интервокальной позиции [Зеленин, 1913; Аванесов, 1949; Орлова, 1959; Горшкова, 1972; др.].

Лексика говоров Кирилловского района интересовала исследователей в связи с подготовкой диалектных словарей [СРНГ; СРГК; СВГ; др.] и лингвистических атласов [ДАРЯ; ЛАРНГ; Мызников, 2003; др.], а также для решения ряда других научных задач. Наиболее масштабный научный вклад в изучение лексики исторического Белозерья внесла Ю.И. Чайкина. В её работах на основании лексических данных уточняются диалектные границы внутри данной территории [Чайкина, 1975; Чайкина, 1976; Чайкина, 2005; др.], описывается ономастическое пространство региона [Чайкина, 1969; Чайкина, 1984; Чайкина, 1988; Чайкина, 1989; Чайкина, Смольников, 2001; др.], реконструируется система промысловой лексики Северной Руси [Чайкина, 1986; Чайкина, Новосёлова, 1999; Словарь промысловой лексики, 2003; др.], делаются выводы о характере межъязыковых контактов русских с финно-угорским населением края [Чайкина, 1977; Чайкина, 1988; Чайкина, 1989; др.].

Грамматические особенности кирилловских говоров изучены значительно меньше, чем явления фонетики и лексики. Явления морфологии и синтаксиса, имеющие отношение к определению диалектных границ в Северной Руси, описаны в фундаментальных трудах по исторической диалектологии [Образование севернорусского наречия, 1970; Горшкова, 1972; др.] и по грамматике русского диалектного языка [Бромлей, Булатова, 1972], отражены на картах «Диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ, 1986] и в исследованиях, посвященных типологии русских говоров [Пшеничнова, 1996]. Это такие грамматические особенности исследуемых говоров, как наличие форм местоимений и прилагательных р.п. ед.ч. без согласного (*молод о, н воо, ко* и др.), образование форм д.п. и п.п. ед.ч. личного местоимения от основы *-мен-* (*к мен , об мен*), наличие [*ф*] в окончаниях р.п. и п.п. мн. ч. прилагательных и п.п. мн. ч. существительных *(без молоды́ф, в больш ф дом ф*), специфические формы инфинитива с

основой на заднеязычный согласный (*стереч , сеч , печ*), произношение долгого согласного в формах 2 л. ед.ч. возвратных глаголов (*смеё*[*шш*]*а*) и некоторые другие особенности.

В последние десятилетия говоры Кирилловского района активно изучаются в области исследования структуры слова [Шаброва, 2003; Ильина, 2012; др.]. Привлекает внимание явление формально-семантической вариативности морфем и основ в структуре диалектного слова (*опрахотиться, обряхотиться, обряхошиться* и др.), сохранение в говорах Кирилловского района архаичных деривационных связей, утраченных в литературном языке и других территориальных диалектах (*нурить-изнурить, завирить-завирать-завор*), и ряд других явлений.

Обзор диалектологических исследований, посвященных говорам Кирилловского района Вологодской области, убеждает нас в том, что различные диалектные явления, представленные на этой территории, изучены неравномерно. Следовательно, данные говоры могут быть объектом повторного обследования. Несомненный научный интерес они представляют как «переходные». История края свидетельствует, что население данной территории было неоднородным, долгое время на политическую и экономическую сторону развития местных населённых пунктов оказывало своё влияние Новгородское и Ростово-Суздальское княжества. Ассимиляция финно-угров, скандинавов и славян нашла своё отражение в языке, сохранившем некоторые устойчивые черты и до настоящего времени.

Необходимо сказать и о том, что в настоящее время на территории Кирилловского района Вологодской области расположены гетерогенные по своему характеру населённые пункты. Кириллов и Ферапонтово – культурные центры мирового уровня. Сюда приезжают туристы со всего земного шара. Высоко развита торговля, связь, туризм, инфраструктура. Степень влияния русского литературного языка на живую речь местного населения достаточно высока. В то же время существуют отдалённые деревни, в которые не ходит транспорт. Люди живут отдельной, закрытой

группой, изредка добираясь пешком до деревень, куда приезжают автолавки. В таких населённых пунктах живут старые люди, сохранившие в своей речи архаичные черты местного говора. Записи бесед с этими информантами представляют собой бесценный материал. В результате фиксации образцов речи таких информантов можно выяснить, как происходит развитие говора, что исчезает, и какие черты являются наиболее устойчивыми.

Масштабное исследование говоров различных территорий России, осуществлённое во второй половине XX века, позволило определить говоры Кирилловского района Вологодской области как переходные севернорусские говоры, обнаруживающие локальные черты, сформировавшиеся на исследуемой территории в результате взаимодействия древненовгородского и ростово-суздальского диалектов, а также вследствие активных языковых контактов славянского и финно-угорского населения на этой территории. Вместе с тем развитие средств массовой информации, усилившее роль литературного языка в регионе, а также социально-экономические изменения на Русском Севере, следствием которых стало сокращение сельского населения, переселение уроженцев Кирилловского района в индустриальные центры страны (Череповец, Мурманск, Воркута, Мончегорск, Апатиты и др.), привело к значительным языковым изменениям на исследуемой территории. Поэтому в последние десятилетия в Кирилловском районе Вологодской области активизировалась работа, направленная на повторное исследование народной речи. Результаты сбора диалектных слов на данной территории вошли в картотеки «Словаря вологодских говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров». Фонетические наблюдения над говорами Кирилловского района описаны в диссертационном исследовании Н.Г. Миховой «Говоры Кириллоовского района Вологодской области: фонетический аспект» [Михова, 2006]. Наблюдения в сфере диалектной морфемики и словообразования представлены в электронной базе данных «Диалектного словаря строения слов» [Ильина, Крылова, Никифоров, 2013]. В следующих параграфах данной главы будут представлены некоторые итоги

этих исследований. Не претендуя на полноту описания фонетической, лексической и грамматической систем исследуемых говоров, мы представляем результаты наблюдений, полученных нами в процессе записи народной речи в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг.

§ 3. Фонетические особенности живой речи жителей Кирилловского района Вологодской области

Кирилловский район занимает особое место на территории Вологодской области. Археологические находки свидетельствуют, что именно здесь проходили разные миграционные потоки; освоение географического пространства было хронологически неравномерным: в разные исторические периоды преобладающее население было неоднородным – финно-угорские племена, новгородские или ростово-суздальские переселенцы.

Ассимиляция населения повлияла на речь местных жителей. В настоящее время мы можем не только увидеть это в названиях, отдельных словах, но и услышать в разговоре с местными жителями. Наблюдения за живой речью жителей Кирилловского района Вологодской области позволяют говорить о том, что в настоящее время, безусловно, в большинстве случаев преобладает региональный вариант литературного произношения, однако можно услышать те специфические черты в произношении, которые отличают речь местных жителей от речи людей, проживающих на соседних территориях.

1.1. Произношение гласных звуков

Как и на многих других северных землях, на территории Кирилловского района Вологодской области распространено ***полное оканье***: различение гласных фонем неверхнего подъёма во всех предударных позициях: *проход’и́ло, соб’ера́л’и, воротӱ́шк’и-то, подошла́, гормон’и́ст, с*

молоды´х л’ét, роб’ат’úшк’и, соб’ер’óм, по топоч’úн’е, созыва́л’и, молокó, проход’ú, говор’úл’и, прогор’а́т, погл’ад’ú, ворон’éц, грохоту́лъ-то, ф полов’úн’е, вм’éсто сковороды´, солон’úнъ, по гороц’ко́му, волохóй пр’икрыва́л’и, в огород’é, сковорóдн’ик, солон’úк, корас’óф лов’úл, простоква́шъ.

Часто можно услышать [*о*] в заударных слогах: *н’ú было с тóпкой, т’епла́-то м’éн’ше, ухажóроф – то, налóжено, в гóрот, хóлодно, кон’éшно, зъ дв’енаццет’ к’илóм’етроў, слом’úlo в’éтром* и др. Употребление гласного звука [*о*] в заударном слоге после твёрдых согласных у молодых информантов встречается достаточно регулярно (особенно в северной части района).

Можно встретить и неполное оканье: *ф коўхóз’е, кудá пошл’ýт, полóжым, потóм, стоúт, сорокá годóў, родны´х, богáтыjь, кост’ýмоф, ход’úл’и, водóй, морóшкъ, в огорóд’е, подрýшка, кол’éч’ко, корз’úноч’къ, потóм, пошл’ú, сосýл’к’и, ход’úл’и, корóўа, ворон’éц, п’ирог’ú, ф полов’úн’е, скот’úн’е, горóху, з водóй, хоз’áин, нос’úл’и, подовáл’и, горáздо, окол’éла, зов’óм, хорóша, горшк’ú, болóто, однá топшынá* и т. п.

В живой речи жителей в этой местности можно распространено ***еканье*** или ***иканье***. Иногда эти фонетические явления "соседствуют" друг с другом: в речи жителей одной деревни (а иногда даже в одной семье) по-разному произносят слова. Хотя в большинстве случаев ареалы распространения еканья и иканья различны. Приведем некоторые примеры екающего произношения: гласный <*е*> в первом предударном слоге после мягких согласных реализуется в звуке [*е*]: *д’ержа́л’и, в’ер’óфкам’и, п’ер’ела́с (забор), с’’м’ета́ну, ф с’ер’ед’é, б’ес’’éды, ст’ел’úл’и, п’екл’ú, р’еб’áта, пом’елóм, ухл’еста́ла, в’ес’’ел’éй, пр’еснýшк’и, б’еднó, л’ешшы´, п’екý, сл’ед’úл’и, подб’ер’óзов’ик’и, д’ер’éўн’а, т’еп’ér’, вос’’емна́ццат’и, подв’езý́т, н’емнóшко, б’ессóв’есна кака́, до п’етрóва дн’ú* и т.п.

Приведённые примеры свидетельствуют, что произношение [*е*] наблюдается как перед твёрдым согласным (позиция С’ГС), так и перед мягким (позиция С’ГС’).

При прослушивании диалектных текстов встретились случаи функционирования [*е*] на месте [*и*] в безударном положении в позиции С’ГС и С’ГС’: *гр’ебо́ф, н’ека́к, сл’еза́л’и с’’м’ета́ну, х’еру́рк, н’екто́, н’е хо́ч’ут, наб’ева́јут гл’и́ной, д’ев’ено́сто*.

Иканье можно встретить, например, в следующих образцах речи: [*а во́т поста́в’ат бл’у́до нъ с’ир’ид’и́ну / дак во́т т’а́н’исс’и и је́ш // а та́к је́с’и фс’ем по таре́ўк’и / дак у-у / ра́н’шы как’у́је тар’е́ўк’и / н’икак’и́х тар’е́лок / н’иц’о́ н’е́ было // ну проз’ева́јеш’ дак / на́до хл’ебá́т’ быстр’е́је // то́л’ко ло́шк’и м’ел’ка́јут јид’а́т / в^одно́м бл’у́д’е и ју́л’и // карто́шку сва́р’ат / ф ц’угу́н / или горшо́к там называ́јеццы //*].

В настоящее время случаи функционирования иканья незначительны. Подобное произношение можно встретить в речи жителей старшего поколения, у более молодых информантов, как правило, чаще встречается гласный [*е*] в первом предударном слоге после мягких согласных. Вероятно, вытеснение иканья еканьем – одна из особенностей развития говоров Кирилловского района Вологодской области. Следует заметить также, что еканье является прогрессирующей и устойчивой в диалектном отношении чертой. Этот тип безударного вокализма характерен для речи разных по возрасту жителей Кирилловского района и не воспринимается ими как «непрестижная» особенность в произношении.

Особо нужно сказать о таком явлении как ***ёканье***. Примеры подобного произношения немногочисленны (*в’оло́с’, в’осна́, тр’опа́т’, л’ожы́т’, п’оку́т, б’ору́т, с’остра́* и некоторые др.), но оно распространено по всей территории Кирилловского района. Изучение диалектных материалов позволяет говорить о том, что в настоящее время ареалы распространения данной фонетической черты сузились, подобное произношение встречается преимущественно в северной и восточной частях изучаемой территории.

Ёканье – особенность речи женщин старшего поколения, сохранившего архаичный слой диалекта. У молодых информантов, а также у мужчин данная особенность не встречается. Возможно, ёканье является слабоустойчивой диалектной чертой и исчезает из говора под влиянием литературного языка.

1.2.Произношение согласных звуков

В живой разговорной речи жителей Кирилловского района Вологодской области сохранились черты, отличные от литературного произношения. Особенно ярко это заметно при произношении согласных. Остановимся лишь на самый ярких и наиболее частотных из них. Так, например, ***качество звонких губных спирантов*** может быть различным ([*в*], [*в’*], [*w*] или [*ў*]). Ученые-диалектологи (Р.И. Аванесов, К.В. Горшкова, Н.А. Липовская) отмечают, что многообразие произношения данных звуков связано с тем, что на территории современного Кирилловского района Вологодской области сосуществуют различные группы говоров. «... фонемы *в, в’* в одних говорах полностью относятся к сонорным, в других в большей или меньшей степени приближаются к ним, входя, в основном, в категорию шумных согласных. Но во всех русских говорах перед *в, в’*,как и перед сонорными, глухие и звонкие различаются. Эти противоречия в отношении места фонем *в, в’* в системе согласных русских говоров объясняются развитием этих согласных из звука ў. А, как известно, сонорные звуки являются промежуточными между гласными и шумными согласными. Более старые отношения, видимо, сохранены теми говорами, в которых *в, в’* ещё полностью относятся к категории сонорных согласных» [Аванесов, 1949: 149].

Анализ звучащего материала, записанного в Кирилловском районе, позволяет говорить о реализации <*в*> в звуке [*w*] на данной территории.

А) Перед глухим шумным согласным:*з’имówкъ, д’éwкъ, мутówка, л’итówк’и, нъ в’ер’ówк’и пл’ел’ú, голówку, [сопогów-то] н’емнóго, п’ирогów-то, шытówкъ, з’имówкъ, Ивánowкъ, луц’кówкъ, лáwкъ, св’екрówкъ, подос’únowку найд’óш, сл’úwк’и, кладówкъ, лыч’кówкъ, ножówкъ.*

Б) Перед сонорным согласным:*брáт Пáwло, бр’ówнъ, w д’ер’éwн’е, прáwнуц’ка, wнуц’ка,wм'úст’и (вместе), дawнó, зáмуш вы́шлъ ф своjу д’ер’éwн’ý, П’етрówнъ, картówн’ик’и, рówный.*

В) Перед звонким шумным согласным: *w д’ер’éwн’е, прáwда.*

Г) На конце слова: *лаборáнтow, маст’ерów, коч’егáрow, компр’éссоршыкow, дрów н'е разр’ешájут руб’úт’; п’ét’ годów; óколо п’ен’кów, пéт’ ц’асów, гр’ибów, корów, зъ п’етнáццат’ к’илóм’етрow, П’етрów дéн’, Ивánow дéн’, тапýшн’икów над’élаш, горóховн’икow, п’ирогów, зýпц’икow, хл’éw, колоскów, по д’ев’ет’ú снопów.*

Следует отметить, что произношение [*w*] на конце слова не встретилось в центральной части Кирилловского района. При изучении говора села Ферапонтово и близлежащих деревень не было зафиксировано подобного произношения.

Д) В середине слова перед гласным: *owéц, обnowáжыwаў, б’ес корówы н’е жывáл’и; ф Корówино, крowáткъ, убáwил’ú, Ивáн Ст’епánowич’, п’áт’ п’érwых клáссов, голowолóмк’и, продawáла, съmowáр, гowóр’áт, на с’’éwер’е, не бálowал’и, п’érwый, полowикóф, cwéжеш (свяжешь), фтороó áwгуста, нъ Ewгрáфовых похожа, нawéр’х, остроwóм, набиwájут, ес’ dwojy´роднаja с'истрá, д’éwерь, owдowéла, б’élowo, ц’órnowo.*

Е) В начале слова употребление [*w*] на месте [*в*] ограничено.Зафиксировано всего несколько слов, в которых встречается подобная замена. Следует при этом отметить, что частотность такого произношения слов очень высокая. Примеры: *wóm, wál’енк’и,wóс’ем, wс’ák’ий.*

Необходимо сказать о том, что замена [*в*] на [*w*] встречается в речи информантов в пределах одних и тех же тематических групп. Для каждой

части Кирилловского района можно определить ядро и периферию такого лексического поля. Слова, в которых на всей территории района встречаются диалектные реализации (замена [*в*] – [*w*]), следующие: *девки, вот, дров, коров, деревня*.

Следует заметить, что на всей территории Кирилловского района Вологодской области наблюдается позиционная мена согласных [*в*]//[*ф*] в соответствии с нормами современного русского литературного языка: *[ф]сéх этих, дé[ф]ки, дерé[в]ню, пять килóметро[ф], де[в]ок-то много, [в]месте, [ф]торóй, [ф] коўхóзе, клюк[в]у, да[в]áли, [в] Моск[в’]е искать, с[в’]óклу, от[в’]éрстие, с [в]одóй, пú[в]о [в]ари́ли, коро[в]а, о[ф]ц’и.* Количество случаев литературного произношения (в его региональном варианте) варьируется в зависимости от населённого пункта. Например, в с. Ферапонтово нормированное произношение преобладает, а в более отдалённых от административных центров населённых пунктах диалектные и кодифицированные варианты функционируют синхронно в речи старшего поколения. Именно старшее поколение лучше сохраняет в своей речи языковые традиции говора.

Интересен тот факт, что при употреблении слова *церковь* на всей рассматриваемой территории встречается твёрдое произношение последних согласных: *цéрква, цéрквы, цéрко[ф]*.

Замена предлогов у – в.В живой речи населения на всей территории Кирилловского района спорадически наблюдаются замены предлогов *у – в*. Как правило, данное явление встречается в беседах со старшим поколением, у молодых оно почти отсутствует. В процессе многократного прослушивания записей живой речи были выявлены единичные случаи диалектного употребления в центральной и южной частях Кирилловского района: *ў д’ер’ewн’áх-то, ў л’иесý, ў Попówк’е, ў потоўк’é*.

На севере и северо-востоке изучаемых территорий такое произношение бóлее частотно и встречается у лиц не только старшего, но и среднего

возраста. В настоящее время функционирование предлога *в* на территории Кирилловского района большей частью соответствует литературной норме.

Качество и функционирование аффрикат. На современном этапе развития русских народных говоров употребление аффрикат разнообразно, даже в пределах одного региона можно встретить различные случаи употребления этих звуков. Историки языка утверждают, что совпадение [*ц*’] и [*ч*’] в одном звуке – одна из древнейших языковых черт. В отличие от других диалектных явлений цоканье встречается в памятниках письменности, относящихся к отдельным регионам, начиная с XI века. Особенность цоканья заключается в том, что данная диалектная черта встречается и на территории, где распространено севернорусское наречие и где – южнорусское. В некоторых регионах наблюдаются «белые пятна» – ареалы, где это явление отсутствует. В процессе работы над составлением «Опыта диалектологической карты в Европе» эта особенность была отмечена и констатирована как факт [Орлова, 1959: 5].

В исследованиях Д.К. Зеленина, посвященных живой речи деревенских жителей Белозерского и Кирилловского уездов, приводится ряд слов, свидетельствующих о наличии мягкого цоканья, ранее распространённого в этой местности [Зеленин, 1913: 507–508]. Однако цоканье в фундаментальном труде Д.К. Зеленина не являлось предметом детального рассмотрения, поэтому, к сожалению, невозможно точно определить границы территорий, где встречалось данное явление в XIX в. Только последующие наблюдения и созданные позднее описания русских народных говоров дают более чёткую картину распространения и функционирования аффрикат на данной территории.

С 1946 г., когда стали активно собираться данные для создания Диалектологического атласа русских народных говоров (далее – ДАРЯ), вопросу о функционировании аффрикат в русских говорах уделялось особое внимание, детальное изучение материала сопровождалось его картографированием.

В научной литературе, посвященной описанию фонетических диалектных черт, отмечается, что устойчивость таких особенностей может быть различной, степень изменений зависит не только от социально-лингвистических характеристик, но и от фонологической и артикуляционной базы говора. Цоканье рассматривается как неустойчивый элемент диалектной фонетической системы. Отход от цоканья – это специфический процесс, гиперкорректизм, свидетельствующий «об активном участии языкового сознания говорящих в процессах языкового развития» [Кузнецова, 1975: 143].

А.М. Кузнецова отмечает, что диалект подвергается не только влиянию внешних условий (например, воздействие литературного языка), но и внутренних факторов, которые определяют специфику диалектной системы и степень её устойчивости. Диалектные явления, контрастирующие с литературной нормой и являющиеся непрестижными для современных носителей говора, перестраиваются, изменяя всю систему в целом. В число подобных явлений входит цоканье – неразличение аффрикат [ц] и [ч]. Особо подчёркивается, что «эти особенности обычно оказываются слабоустойчивыми при воздействии с литературным языком и быстрее подвергаются преобразованию» [Кузнецова, 1975: 139]. Действительно, цоканье и чоканье – яркие фонетические явления, на которые обращают внимание все, а не только лингвисты. Сами деревенские жители, те, кто не является носителем этой диалектной черты, нередко отмечают в беседе, что "там говорят не по-нашему", "красиво так говорят", "чирикают".

В.Г. Орлова в своём фундаментальном труде «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» подчёркивает, что изучение функционирования аффрикат позволяет проследить историю развития говора. Чёткие изоглоссы, очерчивающие ареал функционирования диалектных явлений, представленные на лингвистических картах, отражают передвижение и расселение групп восточных славян в процессе истории [Орлова, 1959: 17].

На территории Кирилловского района Вологодской области отмечены различные варианты функционирования [ц] и [ч']. В.Г. Орлова, описывая диалектный язык Вологодской области в середине прошлого столетия, отмечала наличие большого количества параллельного сосуществования цокающих и нецокающих говоров. «В состав этой территории в направлении с севера на юг входят следующие районы Вологодской области: Ковжинский, Ивашкинский, ***Кирилловский*** (курсив наш – Н.М.), Кубено-Озерский (в этом районе вообще отмечены только нецокающие говоры), восточная часть Петриневского района, Чёбсарский (здесь также отмечены только нецокающие говоры), Мяксинский, Вологодский, Сокольский, Междуреченский, Грязовецкий, Лежский…» [Орлова, 1959: 27].

Материалы, собранные в послевоенные десятилетия, дают достаточные основания выделить территорию северо-востока русских народных говоров как ареал распространения мягкого цоканья. Анализ карты «Границы между говорами с различным употреблением аффрикат в сочетании с границами между «землями» второй половины XII – первой половины XIII вв.» (см. [Орлова, 1959]) показывает, что восточная и северо-восточная части современного Кирилловского района в этот период находились на территории исторической Ростово-Суздальской земли. Остальные земли входили в состав Новгородского княжества. Вероятно, влияние древних диалектов привело к тому, что в одном и том же регионе наблюдаются различные диалектные черты. Происходит взаимовлияние и смешение диалектных особенностей.

Материалы лингвистических карт ДАРЯ – № 47 «Различение или совпадение согласных на месте [ч] и [ц]», № 46 «Согласный на месте [ц]», № 45 «Согласный на месте [ч]» – дают этому подтверждение: на территории Кирилловского района наблюдаются стыки изоглосс, очерчивающих границы распространения отдельных диалектных черт. На сравнительно небольшой территории были отмечены следующие явления: мягкое и твёрдое цоканье, местами мягкое чоканье (все явления могут встречаться в

единичных случаях). Однако карты дают лишь приблизительное представление, точно очертить границы распределения диалектных явлений возможно только при более подробном изучении живой речи местных жителей.

Анализ собранного нами диалектного материала показывает, что в Кирилловском районе и сейчас можно выделить территории распространения мягкого или твёрдого цоканья. Говор деревень северной, восточной и юго-восточной частей изучаемого региона характеризуется наличием мягкого цоканья: *бл’уд’ец’ко, н’иц᾽о́ (ничего), истолц’о́м (истолчём), поц’ему-тъ, лу́ц’ц᾽е (лучше)*. Следует отметить, что наиболее последовательно мягкое цоканье встречается в речи жителей «обособленных» деревень, наиболее удалённых от центра (например, Сусла, Коротецкая, Печеньга). Язык жителей таких населённых пунктов естественным образом «консервируется», яркие диалектные особенности встречаются в речи не только старшего, но и среднего поколения. Сами носители говора не считают такое произношение «неправильным». В то же время жители соседних деревень замечают столь яркое функционирование диалектных явлений.

Функционирование [ц’] не ограничено в употреблении морфологической структуры слова: мягкий согласный [ц’] встречается в любых формах и в различных морфемах, а также на стыке основы и суффикса.

Например, в именных образованиях: *ц’асы´, м’а́ц’иком, гост’инц’и, н’и́тоц’къми, д'е́воц’к’и, з’емл’а́н’иц’и, стър’иц’ко́ф, кос’и́ц’к’и, соба́ц’къ, па́лоц’ку, в’иц’ер’инк’и, ц’о́рт, быц’ка́, п’а́т’ ц’асо́в, ц’а́й, до́ц’къ, ру́ц’к’и, но́ц’, су́ц’ja (сучья), два́ jезыц’ка, отц’о́ты, с’естр’и́ц’къ, ц’ерда́к, зънав’е́соц’кой, с луц’и́ной, ф п’е́ц’ку, р’е́ц’ (речь) гоор’и́л, в’ец’ер’и́нк’и, з ды´роц’към’и, ку́роц’ек*;

а также в формах имён прилагательных: *бога́ц’е, ц’о́рново (чёрного), сл’и́воц’ноjе, ц’и́стой*;

в глагольных словоформах: *ко́нц’илас'*, *околá ц’ивъл’и*, *истолц’о́м*, *вы´ц’итъл*, *полу́ц’ицц*ъ, *наколá ц’ивъл’и*;

в наречиях: *снац’á*л*а*, *ц’á*ст*о*, *ны´нц’е*, *оц’ен’*, *сец’ác (сейчас)*, *вруц’нуjу*;

в местоимениях: *н’иц’о́ (ничего)*, *н’éц’ево (нечего)*, *ц’о́ (что)*, *ц’ево́ (чего)*, *ц’о́-н’ибут’*, *поц’ему́-т*ъ;

в числительных: *ц’éтв’еро*, *ц’етв’о́ртый*.

Интересно, что распространение мягкого цоканья не имеет ограничения в пределах лексико-тематических групп или морфологических характеристик слов. Примеры употребление этой диалектной особенности в материалах, собранных в середине XX века, разнообразнее и, как отмечают В.Г. Орлова и Л.Л. Касаткин, встречаются в речи практически всех жителей региона, в котором распространено данное явление. При сборе материалов для ДАРЯ было замечено: мягкое цоканье сосуществует с чоканьем, но употребление твёрдого [*ц*] отсутствует.

По нашим наблюдениям в настоящее время в речи жителей деревень Кирилловского района чоканье почти не встречается. Только в деревне Лобаново (северная часть Кирилловского района) было зафиксировано произношение: [*а ку́роц’ек да́к ч’и́па – ч’и́па подзыва́jеш*]. Возможно, это следы чоканья, ранее функционирующего на этих территориях. Мягкое цоканье встречается только у жителей старшего поколения и у людей, имеющих преимущественно начальное образование или неграмотных. Те, кто получил дальнейшее образование (как правило, средне-специальное) или сезонно проживает в другой местности, не имеют яркого употребления мягкого [*ц*’]. В речи таких информантов наблюдается либо произношение, соответствующее литературной норме, либо частичное употребление слов с мягким [ц’] (большей частью в именных формах). А вот употребление [*ч*’] в основном соответствует литературной норме: *[ч’]ай*, *[ч’]еловéк*, *дéво[ч’]ка*, *тел’о́но[ч’]ек*, *[ч’]éтверо*, *зна́[ч’]ит*, *моло́[ч’]ный*, *электри́[ч’]кой*.

Многократное прослушивание записей живой речи, собранных в западной и центральной частях Кирилловского района (с. Ферапонтово и

близлежащих деревенях – Яршево, Кнышево, Усково, Щёлково, Теряево, Глебовское, Нефедьево, Акулово, Родино, Мыс) показывает, что здесь ранее было распространено твёрдое цоканье, которое в настоящий момент встречается лишь спорадически. Большинство проживающих употребляют аффрикаты в соответствии с литературной нормой. Вероятно, это связано с активным влиянием литературного языка в данной местности. Ферапонтово – мощный культурно-исторический комплекс, который ежедневно посещает огромное количество туристов из разных стран. Ежегодно туда приезжают специалисты и люди творческих профессий, историки, художники, культурологи. Почти всё население села занимается обслуживанием музея и сохранением культурных ценностей. Администрацией музея организована работа с молодёжью с целью передачи культурного наследия будущим поколениям. Как следствие, идёт активный процесс размывания диалекта, ухода из живой речи ярких фонетических черт, контрастирующих с литературной нормой.

Ранее цоканье (твердое и мягкое) было широко распространено на территории Кирилловского района Вологодской области. Материалы карт ДАРЯ № 45, 46, 47 подтверждают эти наблюдения. Данные, собранные в пятидесятые годы прошлого века, говорят о том, что здесь наблюдалось произношение [ц] и [ч], соответствующее литературной норме, а также цоканье (твёрдое и мягкое). В настоящее время происходит сужение ареала диалектного функционирования аффрикат на этой территории, уступая место нормированному произношению. Только в отдалённых районах у жителей старшего поколения ещё сохраняются указанные диалектные черты.

Следует отметить также, что в настоящее время невозможно определение чётких границ, отделяющих ареалы распространения твёрдого и мягкого цоканья. В некоторых (наиболее удалённых от центра) населённых пунктах архаичное произношение сохранилось у большинства жителей. Историки и лингвисты отмечают, что мягкое цоканье – особенность древнего новгородского диалекта. Можно сказать, что до наших дней сохранилось

произношение, свойственное языку далёкого прошлого. Но очевидно, что диалектные особенности уходят, стираются в результате влияния литературного языка.

Качество свистящих звуков. На рассматриваемой территории наблюдается различное произношение свистящих звуков. Реализации фонем <*с*>, <*с*’> и <*з*>, <*з*’> неодинаковы в пределах этого административного района: в некоторых частях произношение приближено к литературной норме, в других – широко встречается диалектное употребление.

Качество глухих свистящих. Анализ диалектного материала, собранного в восточной и северной частях Кирилловского района, показывает: в речи местных жителей встречается различное функционирование глухого свистящего [*с*]. Произношение твёрдого глухого свистящего согласного [*с*] преимущественно соответствует литературной норме: *со́коў, послáт’, просóх, совхóз’е – то, косы´нк’и, засол’úш (2 лицо, ед.ч.), зъ колбасóй, насушáт, капýсты, стója, вы´сохн’от, сорт’ировáл’и, сýсло-то, п’éску, нъсол’úл-то, л’éс, масл’áтъ, пъ скóтн’е, старýхъм, свáд’еп já н’е пóмн’у*.

В беседах с информантами нам встретился шепелявый согласный [*с’*$^{ш’}$] или [*с’’*] на месте мягкого глухого свистящего [с’]. Фонетисты говорят о том, что шепелявость – очень мягкое произношение согласного, нечто среднее между мягкими звуками [*с’*] и [*ш’*]. В научной литературе отмечается, что «шепелявые свистящие представляют собой реликт иноязычной подосновы русского языка» [Аванесов, 1949, I: 136]. Шепелявый свистящий [*с’’*] известен в других русских говорах. Р.И. Аванесов подчёркивает, что шепелявые свистящие сохранились на некоторых территориях Псковского края. При этом учёный отмечает, что звуки [*с’’*] и [*з’’*] в прошлом были широко распространены в диалектной системе русского языка.

В настоящее время признак шепелявости свистящих согласных распространён в Вятском крае и в Сибири, в среднерусских говорах

Поветлужья, а также в Рязанской области. Непоследовательное употребление шепелявых согласных в соответствии мягким свистящим – одна из особенностей Белозерско-Бежецких межзональных говоров северного наречия [Захарова, Орлова, 1970: 120]. А.И. Сологуб считает, что произношение шепелявых звуков в соответствии с [*с*], [*з*] – инновация позднего, обособленного развития диалекта Вологодского края [Сологуб, 1970: 43].

Своеобразие говоров восточных и северо-восточных территорий Кирилловского района состоит в том, что шепелявый [*с’’*] встречается в разных позициях:

А) перед гласными, в том числе и перед старым <*h*>, реализующимся в настоящее время в дифтонгическом сочетании [*ие*]: *с’’и´ено, с’’éна, с’’и́ем (сеем), ўс’’ó, с’’éм’ьро, с’’и́ццу (ситцу), с’’емнáццат’, с’’ерýх’и, с’’éрые, фс’’ó, на пéнс’’ии, совс’’éм, с’’инн’и́к, с’’ер’едá (кухня), с’’иротá, с’’ес¨трóй, с’’jи́з’д’ил (съездил), с’’и́лу, фс’’ивó (всего), от˙с’’ид’éла, зъ конс’’éрвам’и, кос’’и́ц’к’и, на Рус’’и́, из Новос’’óлок, на с’’и́в’ер’е, ун’ив’ерс’’ит’éты, с’’ижý, п’áт’ б’ес’’éт, до шес’’с’’ид’ес’áтоо гóду, нам’éс’’им, по вос’’емнац’ц’ат’ л’éт, с’’ем’já, в’ес’’ело, с’’áхару, пр’ин’ес’’óт, к’ерос’’и́н сáм’и нос’’и́л’и, с’ˀел’сов’éт’е, с''áм’и, кóс’’ит, относ’’и́л’и, ў ги́пс’’е, до с’’и́х пóр, ус’’éм трýдно былó, гýс’’и*;

Б) в постфиксах возвратных глаголов: *жен’и́ўс’’а, вы´стоjаўс’’а, достáўс’’а, б’еспокоиўс’’á, оказáўс’’á мужы´к, уч’и́ўс’’а, об’ерн’óмс’’а, пожáр-то з’’д’éлалс’’а*;

В) перед мягкими согласными: *с’’н’имáл’и, мас’’л’áтъ, и́с’’т’и (есть, кушать), п’éс’’н’и, п’éс’’н’ам’и, пос’’п’и́т’ (поспеть), с’’в’éрху, мéс’’т’ь, кр’ес’’т’áт, с’’в’éт, с’’п’áт, с’’м’етáнъ, с’’в’éц’к’иjь, с’’т’огáт’ (стегать, шить), с’’п’ервá*;

Г) на конце слова: *мóлодос’’, приходи́лос’’, кудá фс’’о д’евáлос’’, éс’’ (есть), в’éс’’, род'илáс’’ дак.*

В речи информантов, проживающих в д. Клеменево (восточная часть Кирилловского района), были зафиксированы следующие реализации звука [*с*]: [*с*], [*с’’*], [*ш*]: *по́шнич’ајут – по́сноје – поста*, *собира́јемс’а – шоб’ира́јемс’а*, *с’’ем’ја́*.Такие примеры эпизодичны, круг подобных слов лексикализован. Задача диалектологов – фонетистов и лексикологов – объединить усилия и стараться зафиксировать как можно больше слов, в которых прослеживается то или иное фонетическое явление.

Необходимо сказать о том, что материалы карты № 64 ДАРЯ «Диалектное произношение мягких переднеязычных *т*, *д*, *с*, *з* (I), мягкие шепелявые согласные на месте *ч* и *ц* (II) » (вопросы программы №№ 56, 60) свидетельствуют о распространении шепелявых свистящих в середине XX века в восточной, северо-восточной и частично юго-восточной частях Кирилловского района. В настоящее время ареал распространения данного явления значительно сузился под влиянием литературного языка.

Качество звонких свистящих согласных [*з*] и [*з’*] в живой речи жителей Кирилловского района Вологодской области, как правило, соответствует литературной норме: *созову́т*, *вывоз’и́л’и*, *за́муш*, *отв’еза́ццъ*, *розд’ил’и́л’и*, *зъд’ержа́л’ис’*. Но наряду с указанным произношением наблюдается и специфика в употреблении звонкого свистящего согласного [*з*]. Случаи диалектного употребления [*з’’*] встречаются только **в позиции перед гласными переднего ряда**: *з’’имо́wка*, *з’’и́му*, *воз’’и́л’и*, *с’в’из’’ис̇т-то*, *з’’ерно́*, *коўхо́з’’е*.

В речи жителей некоторых населенных пунктов (д. Петровское, восточная часть Кирилловского района, а также в д. Коварзино – северная часть указанной территории) встретилось произношение [*з’’*] – *вз’’а́ў* и даже замена [*з*] на [*ж’*] – *ж’ме́и*. Вероятно, в этой частной диалектной системе раннее наблюдалось функционирование шепелявого [*з’’*], однако со временем под влиянием литературного языка утратилось быстрее, чем функционирование [*с’’*]. В настоящее время [*з’’*] большей частью встречается в слове «зерно».

Варианты [*жм’éи*] и [*з’’м’éи*] на севере района были отмечены чаще, чем на восточных территориях. Возможно, это связано с тем, что в северной части Кирилловского района Вологодской области больше обособленных деревень. Таким образом, говор в таких населённых пунктах консервируется, дольше сохраняя архаичные черты. В настоящее время эти особенности утрачиваются не только под влиянием литературного языка, но и в связи с исчезновением деревень, уходом старшего поколения, являющегося хранителем прежних диалектных особенностей.

Записи живой речи, сделанные в округе с. Ферапонтово (центральная часть Кирилловского района), свидетельствуют о следующем: употребление свистящих [*с*], [*с’*] и [*з*], [*з’*], соответствующее норме русского литературного языка, преобладает над диалектным. Только в пяти населённых пунктах в речи местных жителей спорадически встречается произношение [*с’’*]. Это деревни: Мыс, Захарьино, Кнышево, Погорелка, Родино, которые удалены от центра – с. Ферапонтово. Частотность употребления [*с’’*] в живой речи незначительная. Необходимо сказать о том, что информанты либо несколько лет проживали в городах, либо имеют полное среднее образование и часто выезжают в культурные центры Кирилловского района. Вероятно, в связи с этим диалектные особенности в произношении свистящих звуков в данной части Кирилловского района размыты в большей степени, чем в других его частях.

Таким образом, в современных говорах Кирилловского района Вологодской области в соответствии с фонемой <*с*> литературного языка встречаются следующие реализации: [*с*]; в соответствии с фонемой <*с’*>: [*с’*] [*с’’*], [*ш*].

Реализации звонких свистящих фонем представлены вариантами: <*з*> – [*з*], <*з’*> – [*з’*], [*з’’*]. В большинстве случаев наблюдается соответствие литературной норме русского языка. Следует отметить, что в разных частях Кирилловского района функционирование свистящих согласных неодинаково: в деревнях восточной и северо-восточной частей

Кирилловского района диалектное употребление свистящих встречается чаще, чем на других территориях.

Шипящие согласные. В древнерусском языке, как известно, шипящие звуки были мягкими согласными, и только к XIV – XV вв. они отвердели. Процесс отвердения – длительный период, в некоторых говорах рефлексы мягких шипящих встречаются до настоящего времени как реликтовое явление. Л.Л. Касаткин пишет: «Однако до сих пор в русских говорах известно произношение мягких щелевых шипящих, причём перед гласными [*и, е*] мягкие [*ш’, ж’*] встречаются чаще, чем в других позициях, что свидетельствует о том, что отвердение шипящих раньше происходило перед гласными непереднего ряда и позднее перед [*и, е*]» [Касаткин, 1999: 360–361].

Произношение шипящих согласных в говорах Кирилловского района имеет свои отличительные особенности. Анализ записей живой речи жителей этой территории свидетельствует, что варианты реализаций шипящих различны. Звонкий шипящий [*ж*] произносится твёрдо в соответствии с общерусским звучанием: *жы́л’и, ка́м’енныје жырнова́, служы́ў ф ка́ждом до́м’е, н’е с’ержу́с’, од’о́жы, ржы, жен’и́ўс’а, два́ мужыка́, то́же, ба́ржы, н’е нужны́, б’ежа́т’, ло́жец’ку, пожылы́је, бо́жый хра́м, чужы́х, пр’ижыма́т’, на ка́жный пра́з’н’ик, молод’о́жы мно́го, то́жо, жа́л’и, пожыла́, посажо́ны.*

В большинстве случаев глухие шипящие употребляются в соответствии с литературной нормой: *ро́ш, па́шн’а, уша́т, ка́шы навар’и́ш, волну́шк’и, ма́тушка, штаны́, шла́, горшк’и́, кон’е́шно, за́муш, п’ешко́м, прошл’и́, карто́шка, згоноша́т (сделают быстро), шыроко́ отм’еча́л’и, п’ер’ешла́, пушн’и́ну, тушы́т', бол'шо́й, де́душко, ба́рышн’у.*

Глухой твёрдый шипящий встречается в следующих позициях:

А) в начале слова: *[ш]е́с’ (шесть), [ш]л’у́зы – то, [ш]есна́цат л’е́т*;

Б) в глагольных флексиях форм второго лица единственного числа: *вы́стира[ш], одева́[ш], ночу́е[ш], наварú[ш], гляди[ш], не зна́е[ш] куды́ и*

дева́цца, понима́[ш], зна́[ш] чево́, послу́ша[ш], ро́[эш], живё[ш], хо́ди[ш], поста́ви[ш], вы´кати[ш], подыма́[ш], зна́ё[ш], не мо́[ж]о[ш], пи[шо́ш] (пишешь), оформ'иру́[эш], зап'исыва́[эш];

В) в середине слова: *поста́р[ш]е, по[ш]ыка́рн'ей[ш]е, бо́л'[ш]е, ран'[ш]о, повы´[ш]е*.

В говоре жителей деревень восточной и северо-восточной территорий Кирилловского района Вологодской области в соответствии с [*ш*] литературного языка спорадически встречается в позиции перед гласными переднего ряда мягкий шипящий [*ш'*$^{c'}$] или [*ш''*]. Для речи жителей этих населённых пунктов характерно периодическое смешение звуков [*с*] и [*ш*]. Как правило, информанты произносят некий средний (шепелявый) звук, как на месте свистящего согласного, так и на месте шипящего.

Были выявлены следующие случаи функционирования данного явления: *ш''éс', ш''ес'д'ес'ám, на́ш''е.* Следует отметить, что функционирование шепелявого шипящего весьма ограничено. В записях живой речи, сделанных в д. Рюхино и с. Волокославино встретилось произношение [*ш'ин'ел'*], [*хоро́ш'еје*].

Диалектные данные, собранные в середине прошлого столетия для составления карт ДАРЯ, показывают наличие мягких, полумягких и шепелявых шипящих [*ш'*], [*ж*˙], [*ш''*], а также функционирование звука [*з'*] на месте шипящих в южной части Кирилловского района Вологодской области, а также на пограничных северо-восточных, восточных и юго-восточных территориях района (карта ДАРЯ № 63 «Мягкие звуки в соответствии с *ш, ж*», вопрос программы № 55). Возможно, шепелявые (а также мягкие и полумягкие) шипящие занимали и другие ареалы, однако вся территория Кирилловского района в то время не была подробно исследована в этом аспекте и это не нашло своего отражения в атласе.

В настоящее время фонема <*ж*> реализуется в согласном [*ж*], соответствующем литературному языку; фонема <*ш*> представлена следующими фонетическими вариантами: [*ш*], [*ш'*], [*ш''*]. Необходимо

отметить, что реализация [*ш’*] – раритетное явление; а [*ш’’*] наблюдается преимущественно в речи старшего поколения.

Взаимодействие свистящих и шипящих согласных, наряду с цоканьем, – самая яркая, с точки зрения лингвистов (Аванесов Р.И., Горшкова К.В., Орлова В.Г., Касаткин Л.Л.), диалектная черта, вносившая существенные изменения в фонологическую систему говора в процессе его развития. В диалектном языке происходила трансформация в системе оппозиций согласных фонем: изменялся набор дифференциальных признаков и возможность сочетания гласных и согласных звуков. Историки языка и диалектологи связывают возникновение в русских говорах цоканья и смешения свистящих и шипящих согласных с воздействием языка (или языков) с фонетической системой, включающей только свистящие согласные (например, финские или балтийские). Современные исследования в области экспериментальной фонетики на базе русского и европейских языков дают основания для создания классификации согласных, в которой свистящие и шипящие объединены в одну группу. «По интенсивности шума фрикативные согласные отчётливо делятся на два класса: сибилянтные (свистяще-шипящие) типа русских [*с*], [*з*], [*ш*], [*ж*] и все остальные» [Кодзасов, Кривнова, 2001: 175]. Прежде всего, это связано с самой природой этих согласных, а именно с характером шума, который образует данные звуки.

Долгие шипящие.Тщательное изучение рукописных текстов XIV в. позволило лингвистам сделать вывод о том, что долгие шипящие [*ш’ш’*] и [*ж’ж’*] были мягкими. Они могли функционировать в речи в следующих вариантах: [*ш’т’ш’*], [*ж’д’ж’*], а на некоторых территориях – [*ш’т’*] и [*ж’д’*]. К.В. Горшкова говорит о том, что в период XIV – XV вв. в новгородском говоре «лабиовелярность ещё не была связана с системой согласных» [Горшкова, 1972: 89]. В системе консонантизма того времени противопоставленность согласных по признаку «твёрдость – мягкость» была развита недостаточно.

Р.И. Аванесов отмечает следующую особенность долгих шипящих в русских народных говорах: «в пределах одного и того же говора их произношение часто очень неустойчиво: например, может быть очень различной степень мягкости: их произносят мягко и полумягко или полумягко и твёрдо, а также без взрывного элемента (например: *ш'ш'*) и с взрывным элементом (например: *ш'ч'*)» [Аванесов, 1949, I: 129].

Материалы карты № 52 ДАРЯ «Звонкие долгие шипящие и их соответствия» (вопрос программы № 38) показывают, что на территории Кирилловского района в середине XX в. наблюдалось твёрдое произношение [*жж*] в словах типа е[*жж*]у, во[*жж*]и. Только на северной границе встречался мягкий долгий шипящий [*ж'ж'*]. В настоящее время отмечены следующие случаи употребления долгого твёрдого звонкого шипящего: *дро[жж]е́й* (Ферапонтово), *дро́[жж]и* (Кнышево), *дро[жж]е́чек поло́жыш* (Чеваксино). Случаев употребления мягкого долгого звонкого шипящего не наблюдается.

Карта ДАРЯ № 48 «Глухие долгие шипящие и их соответствия не на стыке морфем» (вопрос программы № 36 «а») отражает специфику реализаций долгих шипящих и их территориальное распространение в середине прошлого века. Были зафиксированы варианты: [*ш'ш'*], [*шш*], [*шч'*]. В современных говорах Кирилловского района на месте литературного *щ* произносится долгий твёрдый глухой шипящий [*шш*]: *вар'а́т пи́шшу* (Ферапонтово), *настоя́шшый* (Ферапонтово), *настоя́шшо* (Кнышево), *обр'е́жут гол'ен'ишша-то* (Ферапонтово), *карто́шка н'е проро́шшена, кла́дб'ишшо* (Кнышево), *водохран'и́л'ишшъ* (Кнышево), *мушшы́ны, же́ншшыны, выра́шшывал'и* (Рюхино), *шшо́локом, опшежы́т'ије* (Мыс), *расшшы́тывас'с'а, по́мошшы, мо́шшнују т'е́хн'ику, о́вошшы, с настоя́шшым* (Ферапонтово), *выра́шшывал'и* (Рюхино), *кл'ешше́й* (Кнышево), *норм'иро́фшшыком* (Кнышево), *прошша́й* (Мыс), *ишшу́* (Мыс), *робот'а́шшый* (Коровино), *нашшыпа́јут* (Коровино), *компр'е́соршшыкоў* (Левково), *шшу́чк'и* (Левково), *запр'ешшо́но ўс'о́* (Левково).

Долгий мягкий шипящий встречается преимущественно в речи более молодых информантов: *ја́ш’ш’ик, та́ш’ш’ит, настоја́ш’ш’ај, иш’ш’ý, ш’ш’е́л', кла́дб’и́ш’ш’е, ш’ш’ý́ка, това́р’иш’ш’и, ве́ш’ш’и.*

Особо следует сказать о произношении слова *женщина*. В большинстве случаев оно произносится (как уже было указано выше) с долгим твёрдым глухим шипящим – [*же́ншшына*], однако было зафиксировано и другое произношение данного слова – же́[*нч’*]ины. Сочетание [*шч’*] встретилось только в слове *щи* [*шч’и́*] на рассматриваемой территории. Подобное произношение в настоящее время является спорадическим, хотя в XIX веке было преобладающим.

Качество бокового сонорного латерального согласного.По данным Диалектологического атласа русского языка (карта № 61 «Диалектные замены ***л*** твёрдого» в соответствии с вопросами программы №№ 48 и 49) на территории Кирилловского района наблюдались случаи различного произношения на месте [*л*]. В 50-е гг. XX столетия были зафиксированы замены [*л*] на [*ў*] в середине и на конце слова*: во́[ў]к, па́[ў]ка, до́[ў]го, пошé[ў], упа́[ў]*. В некоторых частях района были выделены ареалы распространения l – «среднего», европейского в различных позициях.

Замена [*л*] на [*ў*] и наличие в говорах *l* – европейского – специфика древнего новгородского диалекта: «на территории, генетически связанной с говорами новгородского диалекта, с путями ранней новгородской колонизации, проходят изоглоссы конечных отвердевших губных, мены [*л*] или [*l*] на [ў]» [Горшкова, 1972: 87].

Современные наблюдения над говорами Кирилловского района и анализ диалектных текстов, собранных и записанных в этих местах спустя несколько десятилетий, показывают, что на данной территории встречаются различные реализации <*л*>.

А) На конце слова наблюдается замена [*л – ў*]: *жы́ў, куп’и́ў, ув’о́ў, забы́ў, ф Со́коў, го́лот бы́ў, ста́в’иў, са́м не вар’и́ў, в’ино́ потр’ебл’а́ў, нав’е́шаў, пр’ишо́ў с войны́, не п’ер’еход’и́ў, шы́ў бра́т м’ен’ша́к, б’и́ў,*

поjéхаў, пошóў, ушóў да и нéт, рабóтаў, спáў, вз'áў, подп'исáў jéму, папа нé п'иў, забол'éў, пр'иглас'úў, уц'úў, пóў – то, д'éўаў, úгоў, шóў.

Б) В суффиксах глаголов прошедшего времени употребляется [ў]: *жен'úўс'а, уц'úўс'а, возúўс'а, остáўс''а, соб'ирáўс'а, достáўс'и (достался), прожымáўс'а, з'д'елáўс'а, род'úўс'а, т'анýўс'а, остáўс'а, называ́ўс'а.*

В) В середине слова на месте твёрдого [*л*] встречается [ў]: *jóўк'и, пáўка, м'áўка (мялка), дóўго, коўхóс, истоўкýт, пр'áўка, стоўб'áнка, угоўк'ú, стóўп, вóўк, нос'úўк'и, жóўг'и (баловники), хоўст'анáа, вы´с'еўк'и, хоўст'úнъ.*

Г) Перед гласными наблюдается произношение [*l*] европейского на месте [*л*]: *ход'úla, каблуц'óк, не продаўála, т'éсно стálo, ис столбá, долг'ú, ф шкóly, клубóц'ек, тр'енálo, уц'úla, кан'úкулы, б'élыje, лов'úл'и, вы´шla зáмуш да и фс'ó, былá, голодáт', úбылo, пр'úбылo, дóўго шлá, тóлку не стálo, молóд'ен'к'uje.*

Д) Функционирование [*л*], [*л'*] в соответствии с литературной нормой: *ходú[л']и, покупá[л']и, [л]адóшку, [л]аптá, п[л]óтный, п[л']е[л']ú, катá[л']ись, за[л']еденéет, мáс[л]а нé бы[л]о, в го[л]осовóм цехе, п[л]áнки, бó[л']ше, пропи[л']ú[л']и, вá[л']еноц'ки, уц'ите[л']á, крýг[л]а така, переп[л']етá[л']и, утеп[л']áем, на [л]ошадя´х, мо[л]окó.*

В речи жителей деревень, относящихся к Ферапонтовскому сельсовету (центральная часть Кирилловского района), употребление вариантов, отличных от литературной нормы, встречается меньше. Диалектное произношение встречается у лиц преклонного возраста или у тех, кто занимается сельскохозяйственными работами. В собранном нами материале встретились такие случаи употребления сонорного:

А) на конце слова: *од'еваў, д'élаў, пахáў, с'и´еў, н'е с'ид'éў, кр'ес'т'úў, пр'ишóў, дáў, знáў, обнowáжываў, кот'óў, бы´ў, над'ў, служы´ў*;

Б) в глагольных суффиксе *-л-* : *уч'úўс'а, жен'úўс'а, род'úўс''а, умы´ўс''а*;

В) в середине слова: *ф коўхóз'е, вóўк*;

*Г)**l*** –европейское (зафиксировано в единичных случаях): *род’ulá, на lошад’ú, ход’úla, шlá, стála выход’úт зáмуш*.

В большинстве случаев произношения слов с [*л*] наблюдается соответствие литературной норме. Вероятно, речь жителей центральных территорий сильнее подвержена влиянию литературного языка. Также причиной исчезновения диалектных черт на этой территории является тот факт, что в деревнях, входящих в Ферапонтовский сельсовет, проживает большое количество дачников из крупных городов. Коренное население в некоторых населённых пунктах отсутствует совсем. Люди, родившиеся здесь, несколько лет жили в городах, а впоследствии вернулись. Поэтому резко выделяющиеся диалектные особенности в их речи стираются или исчезают совсем.

Диалектное ***произношение заднеязычных согласных***было отмечено в начале XX в. Д.К. Зелениным. В своём исследовании «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» автор ставит задачу – проследить процесс постепенного распространения мягкого [*к’*] в различных великорусских говорах, в том числе и в говорах современного Кирилловского района Вологодской области. Отличительная черта данного явления, по мнению автора, заключается в следующем: «Уже одна обширность этой области говорит о том, что м. к(мягкий [*к’*] – сокращение Д.К. Зеленина) встречается в говорах не одного какого-нибудь типа, а в говорах очень разнообразных. И действительно, м. к мы видим одинаково как в говорах акающих, так и в окающих, в говорах цокающих и не цокающих, в говорах дзекающих (сицкари Моложского уезда), в говорах, в которых гласные *е* и *и* не смягчают предшествующий им согласный (полехи Калужской губ.), и т.д., и т.д. Словом, область распространения м. к не совпадает с областью распространения ни одной другой диалектической черты в великорусских говорах» [Зеленин, 1913: 1–2].

В Кирилловском уезде, по данным начала XX в., ассимилятивная мягкость заднеязычных согласных встречалась в юго-восточной его части и на восточной границе с Вологодской губернией. Зафиксировано немного слов, отражающих рассматриваемое явление на данной территории: *Пара́нькя*, *пре́ницькя*, *руськяя*, *руськево*, *цярьськей*, *скольке*, *тольке* [Зеленин, 1913: 507]. На остальной территории Кирилловского уезда мягкий [*к’*] не наблюдался, о чем свидетельствуют, по комментариям Д.К. Зеленина, и ответы на программы Академии. В Белозерском уезде изучаемое явление было отмечено на небольших ареалах, расположенных на юго-западе. «Из 16 сообщений о говорах разных местностей Белозерского у. только 4 указанных свидетельствуют о м. к, прочие 12 этой черты не знают» [Зеленин, 1913: 508]. Учёный считает, что функционирование мягких заднеязычных согласных в речи жителей этой местности – результат влияния говора Череповецкого уезда, где это явление было широко распространено.

Карты Диалектологического атласа русского языка №№ 66, 67 «[*к’*] на месте *к* твёрдого после мягких согласных», «Мягкие согласные на месте твёрдых *г*, *х* после мягких согласных» (вопросы программы №№ 51, 52) показывают: на территории Кирилловского района употребление ассимилятивной мягкости заднеязычных согласных в указанных позициях в середине XX века практически не встречается. Исследователями выделены небольшие ареалы употребления [*х’*] (све́[*р’х’*]у, ве[*р’х’*]о́м) в пограничных районах на севере и на востоке; только на восточной границе – спорадическое употребление [*к’*] после звуков, выступающих на месте этимологического *ч:* до́ч[*к’*]а, де́воч[*к’*]а и т. п. На основной части Кирилловского района ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в указанных позициях не встречается.

Л.Л. Касаткин, изучая говоры Кожуховского сельсовета Биряковского района и Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области, приходит к выводу о том, что наличие мягких заднеязычных согласных – черта, привнесённая ростово-суздальскими колонистами. «В вологодских

говорах результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных распространены на той территории, где сталкивались два колонизационных потока – новгородский и ростово-суздальский. На территории новгородской колонизации, не испытавшей интенсивного воздействия ростово-суздальских говоров, этого явления нет. Таким образом, можно считать, что явление это было занесено в вологодские, новгородские по происхождению говоры ростово-суздальским колонизационным потоком» [Касаткин, 1999: 209].

В результате многократного прослушивания и анализа собранного нами диалектного материала не было выявлено ни одного случая употребления прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в живой речи современных носителей говора. Причиной отсутствия данного диалектного явления в говорах Кирилловского района может быть утрата данной черты за прошедшие десятилетия. Значительную роль в этом играет влияние литературного языка, а также резкое уменьшение количества жителей в деревнях, исчезновение многих районных населённых пунктов. Отсутствие молодого поколения и малое количество молодёжи в современной деревне практически сводит на нет процесс передачи диалектных фонетических традиций. Естественное убывание населения приводит к размыванию диалектных черт, а в дальнейшем и к полному его стиранию. Непрестижные черты в произношении уходят, уступая место литературной норме.

1.3. Другие фонетические явления, отмеченные в говорах Кирилловского района

В процессе анализа записей живой речи были отмечены следующие фонетические явления в области вокализма и консонантизма, встречающиеся в бóльшей или меньшей степени в различных населённых пунктах по всей территории Кирилловского района.

А) Изменение сочетания [*дн*] в [*нн*]: *онна́, онно́, ла́нно*.

Б) Переход [*бм*] в [*мм*]: *омма́н*, *омма́нывајут*, *омм’ер’а́л*, *омма́нывът'*.

В) Утрата конечного согласного в сочетаниях [*ст*], [*с’т’*] на конце слова: *жы´с'*, *боле́с'*, *ру́п’*, *пу́с’ (пусть)*, *је́с’ (есть)*, *да́с (даст)*, *сорокоу́с (сорокоуст)*, *мо́с (мост)*, *мо́лодос’*.

Г) В речи жителей старшего поколения по всей территории Кирилловского района наблюдается утрата интервокального *j* и стяжение гласных: *зна́эт*, *д’е́лъэт*, *мо́эт*, *жу́мкъэт (жуёт)*, *ро́эт*, *фставл’а́эш*, *фстр’еч’а́эццъ*, *зъвора́ч’ивъэт*, *н’е ла́зъэм*, *бу́эт*, *п’ер’еэ´хъл’и*, *вы´моэш*, *нъэжжа́эт*, *постро́эн*, *нъзыва́эццъ*, *ра́зноэ*, *фс’а́к’иэ*, *над’е́лъэт*, *густо́э*, *нав’е́шывъэт*, *накро́эш*, *кида́эш*, *п’ер’езр’е́эт*, *робо́тъэт*, *п’ер’иб’ера́ш*.

Д) Перестановка звуков в слове ***глина:*** [*в на́шэй д’ер’е́ўн’е гл’и́ну до с’и́х пор* ***гн’и́лой*** *зову́т*] (д. Лобаново, северная часть Кирилловского района).

Необходимо сказать о том, что перечень слов, отражающих диалектное произношение, является небольшим. Один и тот же вариант диалектного функционирования лексемы отмечается в разных населённых пунктах.

Данные особенности характерны для севернорусского наречия. Следует отметить, что такие фонетические явления в настоящее время являются раритетными. В речи жителей населённых пунктов, близких к районному центру, они почти не встречаются, тогда как в отдалённых деревнях можно услышать диалектное произношение.

Необходимо сказать о том, что эти явления могут встречаться в речи людей часто выезжающих в город, и, наоборот, отсутствовать у тех, кто постоянно находится в диалектной среде. В прошлом такие фонетические явления были широко распространены на территории Кирилловского района Вологодской области. В настоящее время они встречаются в редких, единичных случаях, исчезая под влиянием литературного языка. Таким образом, можно говорить о том, что за последние десятилетия произошло сужение ареалов этих особенностей.

В результате анализа диалектных текстов, собранных во время полевых экспедиций, можно выделить следующие специфические черты, функционирующие в говоре в настоящее время:

А) наличие оканья, еканья, иканья и ёканья;

Б) употребление [*w*] на месте [*в*]/[*в′*];

В) распространение твёрдого и мягкого цоканья и исчезновение чоканья;

Г) частотное употребление долгих твёрдых шипящих, шепелявых звуков [*с′′*] и [*ш′′*];

Д) на месте бокового сонорного латерального согласного [*л*] в говорах Кирилловского района можно услышать [*л*], [*ў*], [*l*].

Изучение живой речи свидетельствует: на территории современного Кирилловского района Вологодской области сосуществуют реализации, характерные для прошлого состояния ростовского и новгородского говоров. Фонетические особенности, определявшие специфику древнего ростовского говора, в настоящее время встречаются на восточных и северо-восточных территориях (например, билабиальный [*w*]); на западе, юге и в центральной части в большей степени функционируют особенности, характерные, по мнению историков языка, для древнего новгородского диалекта (например, цоканье). Следует сказать, что новгородское влияние оказалось устойчивым в бóльшей степени, чем ростово-суздальское. Эти черты лучше сохранились в говорах до наших дней.

§ 4. Природа глазами жителя Кирилловского района (на материале лексики говоров)

Горожанин и сельский житель воспринимают природу по-разному. Это объясняется тем, что в их повседневной жизни различаются степень соприкосновения с растительным и животным миром, степень влияния климатических и ландшафтных особенностей местности на хозяйственную

деятельность и т.п. Для сельского жителя природа играет огромную роль. Так, состав почв, увлажнённость, продолжительность тёплого времени года определяют возможность выращивать те или иные сельскохозяйственные культуры, от наличия водоёмов и их фауны зависит существование в деревне рыбного промысла и т.д. Несовпадение восприятия природы городским и сельским жителем отражается в языке, о чём свидетельствуют многочисленные исследования русских говоров (Вендина; Радченко, Закуткина; Демидова; др.). Так, для картины мира носителей диалектов характерны естественный характер, конкретность, прагматичность, эмоциональная окрашенность и др. [Радченко, Закуткина, 1994: 38–43].

Эти и другие черты проявляются в говорах Кирилловского района Вологодской области. Данный раздел посвящён картине природы, сложившейся в сознании носителя этих говоров и отражённой в их лексическом составе. Диалектные слова (лексемы), на основе которых восстанавливалась эта картина, включены в состав словаря «Лексика природы говоров Кирилловского района Вологодской области», представленного в электронном приложении к данной книге. Материалы для этого словаря собирались в ходе диалектологических экспедиций в Кирилловский район, проводившихся кафедрой русского языка ВГПУ на протяжении нескольких десятков лет.

Рельеф, почвы, водоёмы

Картина природы, сложившаяся в говорах, в первую очередь, определяется реалиями окружающего мира, существующими в той или иной местности. Кирилловский район отличается от прочих административных районов Вологодской области наибольшим ландшафтным разнообразием. Не случайно в 1992 г. здесь был создан национальный парк «Русский Север» – одно из наиболее посещаемых туристами мест Вологодчины. Облик центральной и северной частей Кирилловского района во многом определяется холмами и грядами ледникового происхождения, между которыми разбросаны озёра (самые крупные из них – Сиверское,

Бородаевское и Ферапонтовское). В то же время на этой территории встречаются и равнинные участки, болота. Для южной части района, напротив, характерны низины, часто заболоченные. На всей территории района много рек и ручьёв [Разнообразие…, 2007].

Холмы, озёра, низины, болота, реки и ручьи – всё это составляет природную среду, окружающую кирилловского жителя, и определяет его мировосприятие, которое отражается в языке.

В Кирилловском районе диалектные лексемы используются для обозначения таких элементов рельефа, как низкие места (низины), возвышенности, ямы, овраги. Наиболее чётко в сознании диалектоносителя противопоставлены первые два понятия. Названиями низких мест являются слова *логов на*, *ложк на*, *низов на*. Обозначения возвышенностей более многочисленны. В говорах Кирилловского района представлен целый ряд существительных со значением ‘возвышенность, холм’: *веретьё*, *верх вье*, *горб шина*, *скат*, *ув л*, *уг р*, а также уменьшительно-ласкательная форма *уг рчик*. Небольшая возвышенность называется *горбыш м*, возвышенное место, покрытое лесом, – *боров ной*. Как и в литературном языке, в кирилловских диалектах может отражаться противопоставление «подножие – склон»: *подг рье – отл жье*, *отл г* (о пологом склоне),*стен й обр зан* (о крутом слоне). В то же время в лексемах *подгор*, *подгорок* ‘склон или подножие холма’ эта оппозиция снимается. Интересно, что для сельского жителя важным является различение пологого и крутого склона. Это может быть связано, например, с тем, что крутой склон потенциально является источником опасности. Не случайно по отношению к нему используется экспрессивный фразеологический оборот: *На холм не ход те:* ***стен й обр зан***.

Обозначения других элементов рельефа среди диалектной лексики Кирилловского района представлены незначительно. Единично зафиксирована лексема *р ссошь* ‘овраг’. Существуют также слова *кальг* (*к лья́*) и *кург н*, которые называют яму (впадину, выбоину). Последние два

слова связывают обозначения рельефа с группой слов, обозначающих водные объекты и их части, поскольку *к льёй* (*кальг й*) называется также лужа, а *кург ном* – глубокое место в реке, озере.

Связи между лексемами, употребляющимися по отношению к разным природным объектам, демонстрирует и уже рассмотренное слово *боров на*, другое значение которого – ‘небольшой лесок, роща’, а также существительное *скат*, которое помимо возвышенности может называть в кирилловских говорах высокий крутой берег. Семантический переход «гора => лес» (в слове *боров на*), согласно Н.И. Толстому, является семантической универсалией не только в славянских, но и в других языках [Толстой, 1969: 22-103]. Подобные случаи развития значения отражают ассоциативные связи, возникающие в человеческом сознании.

Для жителя деревни важным элементом природной среды, свойства которого определяют возможность заниматься земледелием, является почва. Несмотря на это в говорах Кирилловского района зафиксировано незначительное количество диалектных обозначений почвы. Это слово *скомор шка*, имеющее широкое значение ‘почва, земля’, а также обозначение дёрна – *дерн* – и прилагательное *дерн стый*. Существованием фразеологизма *р вда* (*р вга*) *не вы́шла*, употребляющегося по отношению к не прогревшейся, не до конца оттаявшей земле, подтверждается тот факт, что диалектная картина мира во многом определяется хозяйственными нуждами человека: *Ишшо` **ро`ўга** по-настоя`щему не вы`шла, а уж си`ять собира`ются* [СВГ: 9, 58]. Закрепившееся в этом фразеологизме слово *р вда* (*р вга*) имеет прибалтийско-финское происхождение, что отражает былые языковые контакты славянского населения с финскими племенами.

Как уже было сказано выше, природа Кирилловского района богата различными водными объектами: озёрами, реками, ручьями, родниками, болотами. Диалектные лексемы используются преимущественно для обозначения разновидностей водоёмов и их частей, а также пространственно смежных с водоёмами объектов; исключение составляют диалектное

название ручья *ручев на* (*руче на*) и его уменьшительно-ласкательная форма *ручев нка* (*руче нка*), а также слово *ист к* ‘родник, ключ’. Кроме того, несколько слов маркирует такие мелкие водные объекты как лужа (*ля́га*, *кальг* (*к лья́*)) и яма, заполненная водой (*боч г*). Существование в деревнях выкопанных прудов, из которых берут воду, послужило причиной появления слова *к панец*, имеющего яркую внутреннюю форму (копаный, выкопанный пруд).

В восприятии диалектоносителями рек и озёр на передний план выдвигаются следующие факторы: характер течения реки (*быстрь* ‘место с быстрым течением’; *ключ*, *вьюн* ‘водоворот в реке’), излучины (*изл к*, *крив ль*), глубина водоёма (*кург н* ‘омут’; *к мешник* ‘каменистая мель’, *мелков дица* ‘мелкое место, по которому переходят реку’), наличие наносов песка и ила (*нам ина*), наличие залива у озера (*плешь* ‘часть озера, вдающаяся в сушу, залив’), особенности береговой линии (*скат* ‘высокий крутой берег’, *зал в* – ‘низкое, заливаемой место на лугах или на пашне’), состояние водной поверхности (*ряб ца* ‘мелкая рябь, зыбь’). Кроме того, в языке отражается факт изменения рекой её русла (*з водь* ‘старое русло реки’, *плёс* ‘новый берег реки после изменения её русла’). Две лексемы непосредственно связаны с использованием водоёмов в повседневной деятельности людей: *з водь* ‘огороженная часть водоёма, прилегающая к пастбищу’, *куп лище* ‘удобное для купания место’.

Отдельная группа слов связана с замерзанием водной поверхности: *расп лица* ‘ледоход’, *шух* (*шох*) – ‘мелкий лёд’, *ер к*, *насл з* – ‘вода на льду во время оттепели’, *пр лубь* – ‘прорубь’, *гл ба* ‘отдельная льдина’, *закр ек* (*закр йка*) ‘полоса воды между берегом и краем льда’.

При обозначении ручьёв могут маркироваться такие признаки, как время появления ручья (*заж р* – весенний ручей), отсутствие зимой ледяного покрова (*т лица* – незамерзающий ручей).

Ещё одним водным объектом, занимающим значительное место в диалектной картине мира, является болото (*лы́ва* ‘болото, низкое болотистое

место’). Наличие вблизи населённого пункта болот влияет на особенности ведения человеком хозяйственной деятельности. Сельскому жителю приходится учитывать, что лес, растущий на болоте (*болотня́к*), отличается низким качеством древесины (А *там не лес, а од н болотня́к* [СВГ: 1, 37]), что на болоте необходимо соблюдать осторожность, чтобы не попасть в не заросшее травой окно (*полынью́*) или топкое место, трясину. Последнее обозначается с помощью целого ряда существительных, большая часть которых имеет корень *-топ-* (ср.: ***топ*** *ть,* ***т п***кий): *пот па, топ на, т пище, пров л, дыбун*. Зыбкое, топкое болото обозначается специальным прилагательным *сл бый*: *Зди`ся боло`то-то* ***сла`боё****, всё прова`ли да прова`ли*.Названиям трясины противопоставлены слова *пр города, суход л,* употребляющиеся по отношению к сухому месту на болоте. Высохшее болото обозначается существительным *суход лье*: *Р ньше бы́ло бол то сыр е, круг м обход ли. Теп `рь вы́сохло, так по* ***суход лью*** *м жно дойт мдо сос дней дер вни*. Кроме того, в кирилловских говорах отражается различие в поверхности болот: *кочк рник, кочков тка, кочков тик, коч рник* ‘кочковатое болото’, *т лща* ‘болото, поросшее лесом’, *лы́ва, травян к* (*травянн к, травенн к*) ‘болото, поросшее травой’, *чисть* ‘лишённое кустарника болото’.

Климат

Для сельского жителя важной характеристикой природной среды является климат, во многом определяющий специфику годового цикла сельскохозяйственных работ. Анализ лексики кирилловских говоров показывает, что в картине мира диалектоносителя наибольшее место занимают такие природные явления, как осадки, облачность, ветер. Кроме того, оценивается общее состояние погоды с точки зрения температуры и влажности, а также наличия или отсутствия на небе солнца.

Следует отметить, что восприятие диалектноносителями климата отличается от восприятия почв, элементов рельефа, водных объектов. Во-первых, климат отражается в диалектной картине мира как динамическое

явление (что соответствует объективной действительности). Об этом свидетельствует большое количество глаголов среди слов соответствующей тематической группы (22 слова из 73): *направля́ться, чир ть, размол живаться, ф кнуть* и др. Во-вторых, восприятие климата нередко связано с его оценкой относительно определённой нормы, причём сознание диалектоносителя выделяет отклонения от нормы, а сама она при помощи отдельного слова чаще всего не обозначается. Например, маркируется отсутствие росы по утрам при хорошей погоде (*сухор с*), отсутствие снега зимой (*бессн жица*), зимняя оттепель (*тепл ха*), ненастная погода (*больш я пог да, непог дье* и др.) и т.д.

Общее состояние погоды в кирилловских говорах определяется на основании одного из двух признаков. Во-первых, погода может быть охарактеризована с точки зрения температуры воздуха. При этом существуют отдельные слова для обозначения жаркой погоды летом (*жар на* ‘жаркое летнее время’, *п рко* ‘душно, знойно (при высокой влажности воздуха)’), чрезмерно тёплой погоды зимой (*т лица, тепл ха*) и сильного мороза зимой (*тр сни да л пни*). Как видим, слова, относящиеся к температурной норме для того или иного времени года, отсутствуют.

Во-вторых, общее состояние погоды может оцениваться по шкале «ясная, солнечная погода – пасмурная погода – ненастная погода». Солнечную погоду обозначает существительное *разг лье*, а процесс её становления – глаголы *размол живаться, разв дриваться* ‘становиться ясным, проясняться (о небе, погоде)’. По отношению к пасмурной погоде используются прилагательные *п сменный, сумор чный,* а также глагол *захм риваться* ‘становиться пасмурным’. Ненастье обозначается словами *больш я пог да, непог дье, пог да, мокрот* , а его наступление – глаголом *запог дить*. Как видим, слов, связанных с солнечной погодой, меньше, чем обозначений пасмурной и ненастной. Это не случайно: в русском языке в целом количество обозначений негативных отклонений от нормы преобладает над количеством обозначений позитивных отклонений.

Общее состояние погоды во многом определяется наличием или отсутствием осадков, из которых носители диалектов чаще всего обращают внимание на дождь и снег. Значительно меньше в кирилловских говорах обозначений для гололёда (*голол дь*), инея (*к ржа*) и тумана (*с морочно* ‘туманно’). По отношению к росе не употребляются специальные диалектные лексемы, хотя маркируется негативное отклонение от нормы – отсутствие росы утром при хорошей погоде (*сухор с*): *Уж как й день* ***сухор с****, что и за пог да*.

Осадки тёплого времени года – дожди. Отношение к ним как к небесному явлению, дающему жизнь природе, выражает сочетание *б жья рос* ‘дождь’. Другие названия дождя в кирилловских говорах – *пом ка*, *чир* . Кроме того, существует достаточно много лексем, употребляющихся по отношению к разным видам дождей: мелкому и сильному, кратковременному и затяжному. Подобная дифференциация не случайна: тип дождя влияет на ход хозяйственной деятельности человека. Это можно проиллюстрировать словом *сеногн й*, обозначающим мелкий продолжительный дождь во время сенокоса. Внутренняя форма существительного указывает на последствия *сен гноя* – гниение скошенного сена. Также по отношению к мелкому дождю употребляются слова *чир* , *сп рный* (*сп рый*), *чир ть*, *трус ть*. Для обозначения сильного дождя используется существительное *з ливень*, однокоренное с литературным *л вень* и образованное от глагола *зал ть*. От этого же глагола образовано прилагательное *зал вный* ‘очень сильный (о дожде)’.

Другим признаком, на основе которого в говорах различаются виды дождей, является длительность. В словах *перев линка*, *спры́сточек* суффиксы *-к-* и *-очек-* передают значение кратковременности. Затяжной дождь обозначается словом *плакс н*, внутренняя форма которого также очень выразительна. Эту выразительность создается через связь с глаголом *пл кать*, а также с помощью суффикса *-ун-*, имеющего экспрессивную окраску.

Ещё одно явление, тесно связанное с дождями, – это гроза: *перев лина*, *пог да* (в одном из оттенков значения этого слова). Сознание диалектоносителя в этом явлении особенно выделяет молнии, о чём свидетельствует существование глаголов *стрек ть* и *опек ть* (*оп чь*) ‘сверкать (сверкнуть) (о молнии)’.

Осадки холодного времени года – снег. Диалектные лексемы употребляются в кирилловских говорах для обозначения таких его разновидностей как снежная крупа (*трух* , *труп*) и мокрый снег с дождём (*сля́кось*). Кроме того, существует много названий для метели (вьюги): *зав руха*, *т ха* (*т хта*), *курев* , *кутельм* , *з волока*. Отдельные слова используются для обозначения первого снега (*первот лец*, *покр в*) и подтаявшего снега на дорогах во время оттепели (*т ха*, *т хта*: ***Т ха*** *на дор гах – не пройт , не про хать!*). Как уже было сказано ранее, маркируется такое отклонение от нормы зимой, как отсутствие или малое количество снега (*бессн жица*).

К обозначениям осадков примыкает несколько слов, называющих тучи и облака. Это существительные *болок* (*болоко*) ‘облако, туча’, *перев линка* ‘небольшая туча’, *суд рна* ‘скопление облаков, облачность’, а также глаголы *заволок ться* ‘покрываться тучами (о небе)’, *заобол кивать*, *заобол чивать* (*заоболоч ть*) ‘(безл.) заволакивать, закрывать тучами (о небе)’.

Небольшую группу метеорологической лексики кирилловских говоров составляют слова, употребляющиеся по отношению к ветру. При этом большинство из них обозначает северный ветер: *север к*, *северя́к*, *северя́ник*, *с вер*, *с верик*, *белозёр*. Как видим, первые пять слов имеют корень *-север-* // *-сивер-* и образованы от названия стороны света. Подобные существительные используются для обозначения северного ветра во многих говорах (например, по данным «Словаря русских народных говоров» слово *с вер* ‘северный ветер’ употребляется в архангельских, вологодских, новгородских, московских, вятских, уральских, сибирских и других говорах). Небольшую территорию распространения имеет слово *белозёр*, внутренняя форма

которого – ветер, дующий с Белого озера (это озеро расположено к северо-западу от Кирилловского района). Кроме того, по отношению к ветру используется глагол *ф кнуть* ‘дунуть’. Существительное *боков к* называет боковой ветер и, вероятно, связано с судоходством.

Растительный мир

Среди лексики растительного мира можно выделить две основные группы: слова, относящиеся к отдельным растениям и их частям, и обозначения растительных сообществ (лесов, лугов) [Соколова, 2007: 111–146].

Обратимся к названиям отдельных растений. Общим обозначением любого дерева является слово *дерев на*. Помимо этого, диалектные слова используются по отношению к таким распространённым в Кирилловском районе деревьям как сосна, черёмуха, берёза, ольха; не имеет диалектного названия ель, для обозначения которой, видимо, употребляют литературное слово. Вместо литературного *сосн ´* в говорах могут использовать его акцентологический вариант *с ´сна*. В качестве названия берёзы существуют слова *берёзина* (любая берёза) и *чист шка* (*чистю́шка*) (обозначение берёзы повислой). Для обозначения черёмухи в кирилловских говорах используется целый ряд слов, однокоренных с литературной лексемой: *черёминка*, *череми* и *черёмша*, *ч ремх* и *черёмха*. Один корень с литературным существительным имеет и лексема *олеш на* ‘ольха’.

К обозначениям кустарников относятся названия ивы (в том числе вербы), красной смородины, шиповника, можжевельника. В основе лексемы, относящейся к иве, лежит цветовой признак (светлая кора): *светл ха*, а также уменьшительно-ласкательное *светл шка*. Один из оттенков значения этого слова – ‘ива со светлой корой’ [СВГ: 9, 104]. Интересно, что восприятие такой разновидности ивы в говорах может быть связано с оценкой дерева с точки зрения практической пользы: *светл ха* ‘ива со светлой корой, непригодной для дубления кож’ [СВГ: 9, 104]. Для обозначения такого вида ивы, как верба, используется слово *т лина*. Красная смородина называется

словом *кня́женица*. Обозначения шиповника, как и литературное слово, мотивированы наличием у этого растения шипов: *шип ца* и *щип ца*, *шип чник* и *щип чник*. Первая лексема является также названием плодов этого растения и, во втором значении, названием плодов крыжовника. Можжевельник в кирилловских говорах обозначается словом *верес к*, куст можжевельника – *верес на*, отдельная ветка – *верес нка*.

Ряд лексем представляет собой не видовые названия, а обозначения дерева, имеющего какой-либо признак. Во-первых, это сухое дерево: *подс шина*, *зас шина* ‘высохшее дерево’, *подс шник* ‘дерево, начавшее сохнуть с вершины’, *сухоподст й*, *сухопост й* ‘высохшее на корню деревья, кустарники; засохшее на корню дерево’. Все эти слова имеют один корень (*-сух-* // *-суш-*) и связаны с прилагательным *с хой*. Во-вторых, это гнилое дерево (*дрябл на*). Кроме того, гниль на дереве обозначается словом *болонь*. Прилагательное *заморёный* имеет значение ‘гнилой (о дереве)’. В-третьих, это молодое дерево с неокрепшей древесиной (*пресня́к*, *пресн на*). В-четвёртых, дерево с дуплом (*дупля́к*).

В сознании носителей говоров выделяются и некоторые отдельные части деревьев и кустарников. В первую очередь это ветки: *ветв на* ‘ветка, прут’, *в ца* ‘гибкая ветка, прут’, *лом на* ‘сухой прут, хвостина’. Кроме того, высохшие ветки, хворост обозначаются словами *паш на*, *сушн к*. Существование отдельного названия для этой реалии, видимо, объясняется её значимостью для человека: хворост служит для растопки, поддержания огня. В кирилловских говорах существуют также отдельные диалектные обозначения для корней выкорчеванного дерева (*кок ра*), нароста на стволе дерева (*нал в*, *набалд шник*, *болон*), пней (собирательное существительное *пеньё*). Щель в стволе дерева называется *расщ пиной*, щель в бревне, пне – *р сщепом*. Наличие *расщ пин* и *р сщепов* имеет значение, например, при использовании древесины в хозяйстве:*Не бер э́то бревн , в н м **р шшеп** больш й. Смотр , чтобы **р сшепов** н было в д реве*.С *расщ пиной* могут быть связаны даже определённые магические действия: *Змею́-то лов ли, в*

расщ пину *кл ли, он там высых ла, пот м её колд н себ брал*. Отдельная группа слов обозначает кору и древесину различных деревьев: *подобр нник* – кора ивы, *светл ха* – кора ивы, растущей в низинах, *сосн вина* – древесина сосны.

Группа диалектных названий травянистых растений в кирилловских говорах также многочисленна. В картине природы диалектоносителей особое место занимают такие травы, как лютик едкий (*желт ха*, *желт шник*), щавель (*к селка*, *кисля́тка*), репейник (*лип льник*), кипрей (*мак вник*), полевой хвощ (*п стик*), осока (*рез н*), подорожник (*п тик*, *придор жник*), луговой клевер (*сос льник*), *сердцев я трав* (валериана). Все эти растения или полезны для человека (щавель – съедобное растение, клевер луговой – кормовое растение, кипрей и подорожник – лекарственные травы, репейник используется в косметических и в лечебных целях), или могут причинить вред (лютик является сорняком и, кроме того, ядовит для скота).

Толкования некоторых слов, обозначающих травы, приведены собирателями недостаточно точно, из-за чего не могут быть соотнесены с конкретным растением: *урезн я трав* ‘лекарственное растение (какое?)’, *ур з* ‘водное растение (тростник?)’, *тяг н* ‘растение, настойка из корня которого обладает целебными свойствами’, *кл пники* ‘растение (какое?)’, *мег* ‘ядовитое двулетнее растение из семейства зонтичных (какое?)’ и др. Однако и на примере этой группы слов видно, что отдельные лексемы существуют для тех растений, которые приносят человеку пользу или вред.

Как и среди обозначений деревьев, в этой группе слов есть лексемы, относящиеся к растениям, имеющим какой-либо признак. Во-первых, это может быть место произрастания растения. Трава, растущая на прибрежном лугу (и сено из неё), называется *береж ной*, полевая трава (и сено) – *пол на*, трава, растущая на болоте – *травян к* (*травянн к*, *травенн к*). Во-вторых, таким признаком может быть непригодность для кормления скота: *старокул* ‘старая, не скошенная прошлым летом трава’ (***Старокул й***

отрав ть скот ну-то м жно), *т йбола* ‘высокая трава, непригодная для кормления скота’.

Существуют также обозначения для отдельных частей травянистых растений: *озорн й пух* ‘семенные пушинки камыша’, *сос лька* ‘соцветие клевера’. От семенных пушинок камыша надо защищать огород, соцветия клевера являются хорошим удобрением, а в голодные годы их употребляли в пищу.

Из названий ягод в «Словаре вологодских говоров» и в материалах экспедиций зафиксированы только обозначения для брусники, голубики, земляники, а также клюквы, перезимовавшей под снегом. Первые три лексемы отличаются от литературных аналогов суффиксом: *брусн ца*, *голуб ца*, *земля́нка*. Аналог слова *подсн жица* (*подсн жница*) ‘клюква, перезимовавшая под снегом’ в литературном языке отсутствует.

Очень интересны диалектные названия грибов. Здесь основную оппозицию составляют обозначения несъедобных и съедобных грибов. К первым в кирилловских говорах относится только слово *пог нька*, фонематический вариант литературной лексемы *пог нка*. Зато обозначения съедобных грибов многочисленны. В кирилловских лесах растут белые подосиновики (*кр сик*, *красногол вик*, *векш рь*), белые грибы (*подд бик*, *толк ч*), волнушки (*в лд ница*, *волд ница*), сыроежки (*синю́ха*, *синю́шка*, *сыро га*, *крас лька*, *красн шка* (*крас шка*), *желт шка*, *сер шка*, *зелёнка*), груздь перечный (*скрип н*), маслята (*соплев к*, *подс сенник*), подберёзовики (*чел к* (*чил к*), *черногол вик*, *об бок*), валуи (*сопля́к*, *соплев к*), дождевик (*вор нье яйц , д душкин таб к*, *табак рка*, *чёртова б ня*). Слово *б бье хо* называет рыжик с неправильной шляпкой: ***Б бье хо*** *– э́то два-три ры́жика, шля́пки б дто сросл сь. Их сол ть нельзя́, только в рить, так как ры́жики прок снут* [СВГ: 11, 159]. Съедобными или условно съедобными являются некоторые из трутовиков (*трут*, *тр тень*); также они применяются в народной медицине.

В целом эта группа слов очень интересна. Во-первых, в говорах часто существует несколько обозначений для одного и того же гриба. Особенно многочисленны названия сыроежек, отражающие разнообразие вариантов окраски шляпки (красная, синяя, желтая, зелёная). Лексемы, обозначающие грибы, позволяют проиллюстрировать тот факт, что в основе слов, относящихся к одной и той же реалии, могут лежать разные мотивировочные признаки, то есть для людей могут оказываться значимыми разные стороны одного явления. Так, названия сыроежки могут быть мотивированы особенностями употребления этого гриба в пищу (можно есть сырым: *сыро га, сыро жка*) или цветом шляпки (*желт шка*, *синю́ха* и др.). В основе обозначения маслёнка – либо особенности поверхности шляпки (склизкая на ощупь: *соплев к*), либо особенности произрастания (*подс сенник*). Интересны в этом плане названия гриба-дождевика. Все они метафоричны, что, видимо, объясняется необычностью облика этого гриба. В основе номинации *вор нье яйц* лежит форма и цвет гриба. Остальные названия – *д душкин табак, табак рка, чёртова б ня* – видимо, относятся к уже созревшему грибу и обусловлены находящимися внутри него порошковатыми спорами.

Кроме того, существуют обозначения для грибов с одинаковыми свойствами. Во-первых, это грибы, использующиеся для засолки: *солен на* (*солон на*). Во-вторых, грибы, употребляющиеся в пищу после отваривания: *отвар шка*. В-третьих, грибы, появляющиеся во время колошения ржи: *колосовик* .

Помимо слов, обозначающих отдельные растения и их части, в говорах существуют названия для растительных сообществ. Прежде всего, к ним относятся обозначения леса и его частей. Во-первых, типы леса различаются в зависимости от преобладающих пород деревьев: сосновый лес (*сосня́г*), осиновый (*осня́к*), лиственный (*л ствяник*), смешанный (*разнол сье*). Во-вторых, в зависимости от места произрастания. Лес, растущий на болоте, называется *болотня́к*; он отличается низким качеством древесины и

оценивается диалектоносителями негативно (*А там не лес, а один* ***болотня́к***). Лес, растущий на берегу реки, называется *прибр жник*, *береж на*. В-третьих, виды леса могут выделяться в зависимости от внешних особенностей и качества древесины составляющих его деревьев: *малор сник* ‘мелкий лес’, *жердня́к* ‘тонкий высокий лес’, *ровня́к* – ‘лес из стройных прямых деревьев одинаковой высоты’, *болон* – ‘больной, низкий, кривой, нестроевой лес’, *уд лочный лес* ‘строевой лес’. Отдельный участок нестроевого леса, вырубаемого на дрова, обозначается словом *дровян к*. В-четвёртый, маркироваться может возраст леса: *подс д* ‘молодой лес’, *подс сенок* ‘молодой сосновый лес’, *подс дина* ‘полоса молодых посадок деревьев’. В-пятых, лес может различаться по густоте деревьев. Так, редкий лес называется словом *пор дье*, густой лес, заросли – *слепня́к*, *т йбола* (в одном из значений), *ч щ* . Признак густоты может сочетаться с другими признаками: *суход л* ‘редколесье в сухом месте’, *часток л* ‘молодой лес из высоких тонких деревьев, расположенных близко друг к другу’.

Кроме того, существуют отдельные названия для участков леса: поляны (*гладь*, *пустоля́на*, *т йбола* (в одном из значений), *плеш на*), лесного покоса (*дубр ва*, *дубр вка*), опушки (*подл сок*), просеки (*прут*, *р м нь*, *виз ра*).

Второе растительное сообщество, значимое для человека и занимающее определённое место в диалектной языковой картине мира, – это луг. Общими названиями для разных типов луга являются слова *палест на*, *ис да*, *п жня*. В говорах также могут маркироваться особенности расположения луга: *лук* ‘луг в излучине реки’, *береж на* ‘прибрежный луг’, *сухмённый пок с* ‘сенокосный луг на сухом месте’.

Животный мир

Обратимся теперь к группе «Животный мир». В любых говорах большую её часть составляют обозначения домашних животных, что связано с прагматическим характером диалектной картины мира. Названий диких

животных меньше. Как правило, обозначаются животные и птицы, имеющие промысловую ценность или представляющие опасность для человека.

Общее название диких зверей в кирилловских говорах – *боров* , *дич тина*. Для обозначения одного животного используется слово *звер на*.

Самое большое количество слов относится к такому опасному лесному зверю, как волк: *лесн й, пёс, зверю́га,* а также *бирю́к* (распространённое в русских говорах обозначение волка) и *волч га*. Первые три из них, вероятно, носят описательный характер и могут быть связаны с запретом произносить настоящее имя зверя, чтобы избежать его нападения.

Два других крупных животных, встреча с которыми в лесу может оказаться опасной для человека, – кабан и медведь. Отдельная лексема используется для обозначений детёныша кабана –*кабанёнок*. Существует слово *п нн к* с очень конкретным значением ‘медведь, питающийся личинками насекомых, которые извлекаются им из разломанных пней’. Другая лексема, относящаяся к медведю, – *п ст н*. Так называют в говорах медвежонка одного-двух лет, оставшегося при матери. Интересна внутренняя форма этого слова. Оно производно от глагола *п стовать* ‘нянчить’. Контекст проясняет мотивировочный признак в основе этого слова: ***П стуны***, *он не отх дят от м тери-медв дицы, а ня́нчатся с медвеж тами м ленькими.*

Кроме того, диалектное название употребляется по отношению к хорьку (*х рик*). Сознание диалектоносителя также выделяет из диких зверей лося – существует диалектный глагол *рыч ть* (*рич ть*) ‘издавать характерные звуки (о лосе)’.

Дикие птицы в целом обозначаются словом *дичьё*. Из общей массы этих птиц носители кирилловских говоров выделяют тех, для обозначения которых существуют отдельные слова и в литературном языке: жаворонок (*жар вка*), журавль (*журав ль*), кукушка (*кук ля*), ласточка (*л стивка, кас тушка*), тетерев (*полев к*), скворец (*скв рчик*), соловей (*соловьёныш* ‘детёныш соловья’), тетерев (*тетерёнок* ‘детёныш тетерева’, *чувы́кать* ‘издавать звуки,

характерные для тетерева’), сорока (*стрекан ть* ‘издать характерные звуки (о сороке)’).

Среди пресмыкающихся носители говоров выделяют лягушек и змей: *ля́гва* ‘лягушка’, *н рос* ‘лягушечья икра’, *пологол вец, палогол вец, попогол вец* ‘головастик’, *урч ть* ‘квакать’, *г дина* ‘змея’, *чёрная змея́*‘уж’. Из насекомых внимание диалектоносителей привлекают муравей (*мары́ш*), овод (*вад, па т*), стрекоза (*с лик*), сверчок (*стрич к*; *сверч ть* – издавать звуки (о сверчке)), а также пчёлы (пчелиный улей – *пор ёк*).

***

Таким образом, картина природы носителя кирилловских говоров отражает такие общие черты диалектного восприятия мира как прагматичность, конкретность, образность, деление объектов познания на части и др. Сознание диалектоносителей выделяет в окружающем природном мире объекты, имеющие определённое практическое значение, так или иначе включённые в круг повседневной деятельности человека (лекарственные травы, опасные звери, участки болота в зависимости от степени их проходимости и т.д.).

§ 5. Наблюдения над особенностями диалектного словообразования в говорах Кирилловского района

Явления диалектного словообразования начали изучаться диалектологами значительно позднее, чем фонетико-морфологические черты и лексическое своеобразие говоров. Тем не менее во второй половине XX века в русской диалектологии появился ряд исследований, посвященных диалектному словообразованию. Это анализ слов одной части речи отдельных говоров [Иванова, 1972; Завалишина, 1981; др.] и различных их совокупностей [Опыт, 1982]. Это описание различных единиц диалектной словообразовательной системы: словообразовательных категорий [Яцкевич, 2006; Новикова, 2006], типов словообразования [Араева, 1981; 1994; Антипов, 2001; Гудкова, 1983; др.], словообразовательных гнезд [Пантелеева,

1978; Шелепова, 1985; Галинова, 2000; др.]. Это подробное описание отдельных словообразовательных формантов: их формальной репрезентации в сочетании с различными производящими основами [Антипов, 1997; 2001], семантического потенциала [Араева, 1994; Вяткина, 2004; Катышев, 2001; Оглезнева, 1996], функциональных характеристик, например, продуктивности в исследуемой системе [Павленко, 1974; Методические рекомендации, 1990; Евдокимова, 1995; др.]. На основании частных исследований на материале различных русских говоров уже состоялись несколько попыток концептуального описания русской диалектной словообразовательной системы и методов ее исследования [Порохова, 1968; Пантелеева, Янценецкая, 1979; Вендина, 1998; Азарх, 2000; Русская диалектология, 2005]. В основном наблюдения в области диалектного словообразования касаются явлений севернорусских и сибирских говоров. Исследуемые нами говоры Кирилловского района Вологодской области в этом отношении изучены недостаточно: на их материале делаются выводы относительно функционирования отдельных словообразовательных формантов, преимущественно в области исторической диалектологии (см., например: [Чайкина, 1977; Чайкина, 1988; Герд, 1995; др.].

Экспедиции, ориентированные на изучение диалектного словообразования, работали в Кирилловском районе с 1996 по 2003 гг. Организация работы в такой экспедиции существенно отличается от работы, ориентированной на фонетические или лексические программы. Приведём результаты работы одной из таких экспедиций. Местом её работы были пять населенных пунктов Кирилловского района: г. Кириллов, сёла Горицы и Ферапонтово, деревни Борбушино и Зыбошное. В состав рабочей группы входили студенты I–III курса филологического факультета ВГПУ. В течение трёх лет работы состоялось четыре выезда, в результате которых был собран значительный по объёму диалектный материал.

Основу сбора данных по диалектному словообразованию исследуемых говоров составил вопросник, ориентированный на изучение производной

лексики в составе диалектных словообразовательных гнезд [Шаброва, 1998]. Применялась методика сбора данных по «матрице» гнезда. Основные принципы этой методики состоят в следующем.

1. Наиболее продуктивным для работы по словообразовательным программам представляется *метод направленной беседы*. Следует помнить, что беседа по словообразовательной программе для информанта значительно сложнее и утомительнее, чем по лексической, поэтому целесообразно чередовать эти виды работ.

2. Перед экспедицией в результате работы с данными диалектных словарей формируется первоначальный список непроизводных диалектных слов – предполагаемых вершин словообразовательных гнёзд. Эти слова ранее были зафиксированы на исследуемой территории, они не обнаруживают формальных и семантических признаков производности. Возможно, в исследуемом говоре от таких слов могут быть образованы другие слова. Это и предстоит выяснить собирателю, параллельно работая по словообразовательным и лексическим программам.

3. После того, как наличие слова в говоре установлено, можно переходить к изучению его словообразовательного потенциала. Если в говоре обнаружилось несколько однокоренных слов, то можно попробовать определить, есть ли между ними отношения словообразовательной производности. Для этого следует обратиться к списку продуктивных для той или иной части речи словообразовательных типов. При этом вопросы могут быть направлены и на выявление слова через его словообразовательное значение, и, наоборот, на определение значения через слово.

Так, например, производные от глагола *боркать*′звенеть, стучать′, ′болтать′[СВГ,1: 39] (*бо′рк/ну/ть*′произвести какой-либо звук′, ′чиркнуть, издать резкий звук′[там же], *за/бо′ркать*′застучать, зазвенеть′[СВГ,2: 95]) могут быть прямо названы информанту («*Известно ли вам это слово? Что оно означает?*»), а также могут быть выявлены через словообразовательные

значения («*Боркать – стучать. А если стукнуть один раз? А если начать стучать?*»). Среди реально существующих в говоре информант может называть и *потенциальные слова*, образованные по аналогии, но не известные данному говору. Поэтому в беседе с разными информантами следует перепроверять результаты предшествующих бесед, чередуя вопросы разных типов относительно одного и того же слова.

4. Выявление состава однокоренных производных слов в исследуемом говоре и обнаружение между этими словами отношений словообразовательной производности дает основание для предварительного моделирования *словообразовательного гнезда*. Зная закономерности структуры типовых словообразовательных гнезд с вершинами определенных частей речи, можно предположить, какие производные слова с какими значениями могут его составить, иначе говоря, составить «гнездо-матрицу» (см., например, [Тихонов, 1990]). Вместе с тем не все потенциально возможные компоненты этой матрицы могут быть реализованы в исследуемом говоре в предполагаемых значениях. Какие из этих компонентов существуют в говоре и в каких значениях – серьезная задача, которую и будут решать собиратели в беседе с информантами.

В результате работы по «матричной» программе могут быть описаны реально представленные в говорах совокупности однокоренных слов. Оптимальные результаты дает сочетание бесед по «матричным» и лексическим вопросникам, позволяющее более полно выявить значение каждого слова и избежать излишнего давления на собеседника логикой гнезда-матрицы. Фрагмент расшифровки такой беседы приводится ниже. В ней участвуют три собеседника: собиратель (С) и два информанта ($И_1$: Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет; $И_2$: Анна Львовна Струничева, 81 год), жители деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области. Речь идет о словах диалектного корневого гнезда с вершиной *-пазг-*; о наличии в говоре непроизводного глагола с этим корнем собирателю было известно заранее.

С: *А* ***пазгать*** *– это что делать?*

И$_1$: ***Пазгать****? Ну вот вицу тятя возьмёт и начнёт* ***пазгать****, если наварзаешь чего. Бить то есть. Или матка. Такую устроит* ***пазгань****, дак ж… всю исхлёщет!*

И$_2$: … *Я раз*<еду в поле отцу>*понесла, дак на мосту* ***пазгнулась****, всю стекляшку пролила. Ой, меня матка-то отчихвостила!*

И$_1$: *На вашем-то на мосту недолго и на тот свет* ***пазгнуться****. Поди, с Леушка* <отец И$_2$>*никто не обихаживал, и свет вы с Виюшкой худой жжёте.*

С: ***Пазгнуться****, получается, это упасть? А* ***пазгаться****?*

И$_1$: ***Пазгаться****? Вон, бабы в кине из-за мужика* ***пазгаются****, одна другую за волосьё дерёт! Или муж с женой. Вон Шумиловские не отстают* ***пазгаться****, Людка который раз с синяком ходит.*

С: *А когда друг с дружкой* ***пазгаются****, как таких людей назовут?*<Вопрос раздела «Человек» программы ЛАРНГ>.

И$_1$: *А дураки назовут. Скажут: собачистую себе бабу взял, горлопанку.*

С: *А мужик если?*

И$_1$: *Фулюган, скажут, зимогор.*

И$_2$: *Выпьют, дак и пошли друг дружку* ***пазгать****…*

В результате беседы, фрагмент из которой был приведен выше, а также после беседы с другими жителями этой деревни мы структурировали корневое гнездо с вершиной *-пазг-* в говоре деревни Борбушина, получив при этом дополнительные сведения о семантике других диалектных слов, функционирующих в данном говоре: *зимогор, наварзать, обихаживать, отчихвостить, собачистый* и др.

Работа по словообразовательным программам, ориентированным на исследование явлений глагольного словообразования, дала возможность выявить следующие особенности диалектного словообразования в исследуемом говоре.

Предварительный список диалектных непроизводных глаголов, зафиксированных на этой территории, состоял из 400 слов. В результате были структурированы 164 отглагольных словообразовательных гнезда объемом от 2 до 20 слов. Отмечены типичные для диалектного словообразования явления формального и семантического варьирования словообразовательных гнёзд: наличие в гнездах фонематических вариантов

(*разбуда́ть – разбода́ть* ‘забодать’), словообразовательных вариантов (*обсти́гчи – обости́гчи* ‘обогнать’) и синонимов (*разбуда́ть, забуда́ть, сбуда́ть* ‘забодать’), особенности семантической организации гнезда (выделение внутри гнезд различных семантических зон) и т.д. Было отмечено также, что ряд непроизводных глаголов, ранее отмеченных на данной территории, не имеют производных, употребляются в говоре изолированно или вообще не употребляются, а только опознаются информантами (например, *ху́хнать, хылкать, жу́лькать, курёвтать* и др.).

Исследование диалектных словообразовательных гнезд в говорах Кирилловского района позволило сделать следующие выводы.

Диалектная словообразовательная система, являясь территориальной разновидностью общерусской словообразовательной системы, в основном состоит из общерусских элементов, вступающих в локально не ограниченные отношения. Об этом свидетельствует то, что отглагольное словообразование осуществляется в этой системе с помощью продуктивных в русском языке словообразовательных формантов (***за****/рюхать* ‘начать хрюкать’ – *рюхать* ‘хрюкать’, ***по****/шиньгать* ‘пощипать шерсть в течение непродолжительного времени’ – *шиньгать* ‘щипать, теребить шерсть’, ***про****/шляндать* ‘пройти мимо чего либо, гуляя без дела’ – *шляндать* ‘бродить без дела, шляться’, ***у****/му́слять* ‘испачкать слюной’ – *му́слять* ‘пачкать слюной’, ***на****/крята́ть/****ся*** ‘наработаться до каких-либо отрицательных последствий’ – *крята́ть* ‘тяжело и много работать’, *баж/****у́тк****/а* ‘капризный человек’ – *бажи́ть* ‘хотет, желать чего-либо’, *зыб/****у́л****/я* ‘треснувший лед’— *зыбать* ‘колебать, качать’, *лявз/****у́н*** ‘сплетник’ – *лявзать* ‘сплетничать’, *нявга/****л****/о* ‘плакса’ – *нявгать* ‘надоедливо, монотонно плакать’, *по́рха/****лищ****/е* ‘место, где пернатые чистят перья’ – *по́рхать* ‘барахтаться в песке (о птицах)’и др.). В результате, как правило, в системе отглагольного словообразования образуется типовое гнездо, в структуре которого преобладают производные глаголы, различным образом модифицирующие значение исходного действия, а также встречаются производные существительные со значением лица

(производителя действия) или предмета (орудия или результата действия), реже – отглагольные прилагательные. Пример типового отглагольного словообразовательного гнезда приводится ниже (гнездо №1).

карз/á/ть → ‘обрубать ветки, сучья у деревьев’	*карзáть-ся* ‘терзаться’ →	*ис-карзáться*$_1$ ‘истерзаться’
	вы-карзать ‘обрубить ветки, сучья’	
	до-карзáть ‘закончить обрубать ветки, сучья’	
	о-карзáть ‘обрубить ветки, сучья со всех сторон’	
	по-карзáть ‘пообрубать ветки, сучья в течение некоторого времени’	
	ис-карзáть ‘исцарапать’ →	*искарзáть-ся*$_2$ ‘исцарапаться’
	карз-ýнь[й-а] ‘место в лесу, где заготовляют ветки, сучья’	

Приведём фрагмент беседы собирателя с информантами относительно слов данного гнезда (С – собиратель, И$_1$ – Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет; И$_2$ – Анна Львовна Струничева, 81 год; И$_3$ – Ольга Павловна Мышина, 58 лет.

С: ***Карзать*** *– это что делать?*

И$_1$: ***Карзать****-то? А, поди-ко, чего-то делать… Ольга,* ***карзают****-то ведь сучья?*

И$_3$: *Сучья. Топором берешь и* ***карзаешь****. На* ***Карзунье****.*

С: *На* ***Карзунье****?*

И$_3$: *Ну,* ***Карзунья****… Мы маслушки-то с тобой, помнишь, брали. На* ***Карзунье*** *маслушек-то сей год много.*

С: *А ещё где-нибудь* ***карзают****?*

И$_1$: *А к избе привезут в сучьях – дак и тут* ***карзаешь****.*

И$_2$: ***Обкарзать*** *надо со всех сторон.*

С: *А* ***Карзуньей****-то почему назвали*?

И$_3$: *Дак* ***карзали****, лес там заготовляли.*

И$_1$: ***Обкарзали****, намусорили, не пройти и не проехать.*

И$_1$: *Нюрка, ты на* ***Карзунье*** *гадюку-то видела?*

И$_2$: *Ой, Алексеевна, не говори. Согрешила я с гадюкой-то. Еле ведь тогда от неё ноги унесла.*

С: *А* ***выкарзать*** *можно что-нибудь?*

И$_1$: ***Выкарзать****? Ну, вырубить, сучьё-то это.*

С: *А* ***карзаться****?*

И$_3$: ***Карзаться**? **Искарзался** весь, дома-то когда худо. Бабы **карзаются**, как в доме чего неладно. А что ещё? Не помню, поди.*

Наряду с общерусскими явлениями в диалектной словообразовательной системе можно выделить и региональные особенности.

Во-первых, это существование в ней диалектных производящих глаголов – вершин словообразовательных гнезд. В таких гнездах на основе общих закономерностей отглагольного словообразования образуются локально ограниченные элементы – диалектные производные глаголы, имеющие различную территорию распространения. Это общедиалектные глаголы (гнездо № 2), а также глаголы севернорусского ареала распространения (гнездо № 3).

Гнездо № 2.

баж/и́/ть → ‘хотеть, желать’	*бажи́ть-ся* ‘хотеться’ →	*за-бажи́ться* ‘захотеться’
	за-бажи́ть ‘захотеть’	
	баж-у́тк-а ‘тот, кто часто капризничает’	
	баж-ён-ый ‘любимый’	

Ср.: *баж/а́/ть* (нврс., вор., влгд., вят., олон., симб., ниж., пенз.), *баж/е'/ть* (яросл., вят.), *баж/и́/ть* (влгд., перм., нвг., ниж., яросл.), *баж/а́н/и/ть* (нвг.) ‘желать, хотеть чего’ [Даль, I: 37; СРНГ, 3: 44]; *баж/и́/ть* ‘очень хотеть’ [СВГ, 1: 18].

Гнездо № 3.

ня'вг/а/ть → ‘кричать’, ‘плакать’, ‘говорить невнятно’	***за**-ня'вгать* ‘начать плакать’	
	***по**-ня'вгать* ‘поплакать’	
	раз**-ня'вгать-**ся ‘раскричаться, расплакаться’	
	*ня'вг-**ал**-о* ‘тот, кто постоянно плачет, капризничает, плакса (общ.)’	
	*навг-**у́н*** ‘тот, кто постоянно плачет, капризничает, плакса (м.)’ →	*нявгу́[н'-**й**]-а* ‘плакса (ж.) ’

Ср.: *нявг/а/ть* ‘тихо плакать, хныкать’ (волог., олон., новг., сев.-двин., вят., перм., енис., тобол., сиб., томск., урал.) [СРНГ, 20: 332]).

Приведём пример беседы, ориентированный на сбор информации по гнезду с вершиной *нявгать*. С – собиратель, $И_1$ – Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет.

С: *Бабушка, а кто* ***нявгает****?*

$И_1$: ***Нявгает****? Вон кошка* ***нявгает****, ись хочет. Человек* ***нявгает****, тоже ись хочет. Ты маленькая была,* ***нявгала****.* ***Нявгунья*** *была.*

С: *Девочка –* ***нявгунья****, а мальчик?*

$И_1$: ***Нявгун****,* ***нявгало*** *– кто как скажет. А больше, если* ***разнявгался****, дак тумака дадут. Не* ***нявгай****!*

С: *А почему начинают?*

$И_1$: *А вот вы с Пашей раздерётесь, бывало, и* ***занявгаете****.*

Во-вторых, это не типичная для общерусской словообразовательной системы сочетаемость производящих основ и словообразовательных формантов. Так, например, образование производных глаголов совершенного вида от общерусского производящего *бодать* в говорах происходит с помощью приставки ***за-***, как в литературном языке (*забодать, забудать*), а также путем присоединения приставок ***раз-*** и ***у-*** (*разбода́ть, разбуда́ть, убода́ть*), что не характерно для словообразовательного гнезда с данной вершиной *бодать* в литературном языке. В некоторых случаях в диалектном гнезде представлены отношения словообразовательной производности, утраченные в системе современного литературного языка (*ку-ме́кать* ← *ме́кать* ‘соображать, размышлять’). Это свидетельствует о том, что словообразовательная система исследуемых говоров является более архаичной, чем соответствующая система литературного языка.

В-третьих, это региональное варьирование формальной и семантической структуры гнезд. Так, среди вершин исследуемых гнезд достаточно часто наблюдается варьирование фонематического состава в структуре корневой морфемы (*ку́фтать, ку́хтать* ‘кутать’, *жва́рить, шва́рить* ‘бить’, *мыркать, ныркать*‘говорить невнятно’), а также варьирование основообразующих суффиксов (*влада́ть, володова́ть* ‘владеть’). Вариантность вершин наследуется в гнезде, вследствие чего в

некоторых из таких гнезд можно выделить подгнёзда, образуемые от различных вариантов вершины гнезда (гнездо № 4).

влад/а́/ть → | ***о**-влада́ть* ‘сделать что-либо своей собственностью’
| ***со**-влада́ть* ‘справиться с кем-либо, подчинить себе’
волод/ова/ть → | ***за**-володова́ть* ‘завладеть’

В некоторых случаях варьирование фонематического состава наблюдается и эпизодически (*выкоба́ниться* ‘вделать что-либо наперекор здравому смыслу’ – ср.: *кобе́ниться* ‘упрямиться’).

В-четвёртых, вершины многих гнёзд, как показали наблюдения, имеют в говорах несколько значений. Поэтому в структуре этих гнёзд могут быть выделены отдельные семантические зоны, которые развивают отдельные значения производящего глагола. Примеры подобных гнёзд приводятся ниже (№ 5–6).

Гнездо № 5.

сн/ова́/ть[1] → | ***по**-снова́ть*
‘в ткацком деле: | ‘поткать в течение некоторого времени’
соединять нить | ***о**-снова́ть*
основы и уток’ | ‘соединить основную нить и уток; соткать что-либо’

сн/ова́/ть[2] ‘быстро ходить взад и вперед’ → | *снова́ть **-ся*** ‘бродить без дела’

Гнездо № 6.

кулик/а́/ть[1] → | *кулика́ть**-ся*** → | *кулик-**ну́**-ться* ‘перевернуться через голову’
‘переворачивать’ | ‘кувыркаться’
кулик/а́/ть[2] ‘бросать’ → | *кулик-**ну́**-ть* ‘бросить’ → | *куликну́ть**-ся*** ‘упасть’
кулик/а́/ть[3] ‘бить’ → | ***ис**-кулика́ть* ‘избить’
кулик/а́/ть[4] → | ***до**-кулика́ть* ‘перестать ходить (обычно об умерших)’
‘ходить, передвигаться’ | ***от**-кулика́ть**-ся*** ‘то же, что *докуликать*, отмучиться’
*кулик/а́/ть[5] ‘пить (вино, водку)’ → | ***на**-кулика́ть**-ся*** ‘напиться вина, водки’

Приведем пример диалога, ориентированного на сбор информации по гнезду с вершиной *куликать*. С – собиратель, $И_4$ – Николай Павлович Шабров, 60 лет.

С: *Николай Павлович, а что банку* ***куликнуть*** *– это что сделать?*

$И_4$: *Это, Катя, перевернуть. Дном кверху. Вот так поставь.*

С: *А* ***куликать****?*

$И_4$: ***Куликать****?* ***Куликать*** *– получается, что переворачивать. Ещё* ***куликать****, например, в кусты, когда чего не надо.* ***Искуликать*** *можно кого-нибудь, кто если худой человек.*

С: *Это что сделать?*

$И_4$: *Ну, извалять, избить,* ***искуликать*** *если. А ещё говорят – он* ***накуликался****. Пьяный.*

Достаточно часто диалектное словообразовательное гнездо в исследуемом говоре представляет собой сложное образование, в котором может присутствовать несколько ступеней производности, могут быть выделены зоны как формального, так и семантического варьирования. Таковым, по нашим даным, является гнездо, приведенное ниже (гнездо № 7).

ша́р/и/ть[1] ‘искать’ →
- ***вы´-шарить*** ‘отыскать’
- ***на-ша́рить*** ‘найти, обнаружить’
- ***о-ша́рить*** ‘обыскать везде, где можно’
- ***по-ша́рить*** ‘поискать’

ша́р/и/ть[2] ‘тереть, скоблить’ →
- ***на-ша́рить*** ‘натереть’

**шарить*[3] ‘бить’ →
- *ша́р-**ну**-ть* ‘ударить’

шва́р/и/ть[1] → ‘тереть, чистить, скоблить’
- *шва́р-**ну**-ть* ‘содрать резким движением’
- ***за**-шва́рить* ‘испортить трением’
- ***на**-шва́рить* ‘начистить, натереть’
- ***по**-шва́рить* ‘пооттирать, почистить’
- ***со**-шва́рить*‘удалить что-либо, стереть’

шва́р/и/ть[2] ‘бить’ →
- *шва́р-**ну**-ть* ‘ударить’ → *шва́рнуть-**ся*** ‘упасть’
- ***от**-шва́рить* ‘избить’

шва́р/и/ть[3] ‘шаркать ногами при ходьбе’ →
- ***у**-шва́рить* ‘уйти’

жва́р/и/ть[1] ‘тереть, →
- ***на**-жва́рить* ‘натереть; вымыть мочалкой в бане’

чистить, скоблить’ | ***по***-*жва́рить* ‘потереть; помыть мочалкой’

жва́р/и/ть[2] ‘интенсивно, → | ***на***-*жва́рить* ‘накосить сена;

с усилием делать что-либо’ | затопить баню, печку’

жва́р /и/ть[3]‘бить’ → | *жва́р*-***ну***-*ть* ‘ударить, стукнуть’

на-*жва́рить* ‘набить, избить’

Наблюдения над функционированием производных слов в говорах Кирилловского района показали, что в диалектной словообразовательной системе на равных основаниях соседствуют общерусские и территориально ограниченные элементы и отношения. Это убеждает нас в том, что явления диалектной словообразовательной системы следует изучать в недифференцированном виде путем целенаправленного опроса носителей говора с помощью специальных словообразовательных программ.

ГЛАВА II. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение феномена диалектной языковой личности относится к числу актуальных проблем современной диалектологии [Гольдин; 1997; Иванцова, 2002; Трубинский, 2004; др.]. Для решения этих проблем необходим значительный корпус текстов, разнообразных в тематическом и жанрово-стилистическом отношении, ярко иллюстрирующих фонетико-интонационное, лексико-фразеологическое и грамматическое своеобразие речи информанта, а также показательных в сфере анализа его когнитивных и поведенческих особенностей [Тимофеев, 1971; Иванцова; 2005; др.]. Длительные наблюдения над речью сельских жителей Вологодского края в Вологодском государственном педагогическом университете позволили не только сформировать обширную лексическую картотеку, послужившую основой «Словаря вологодских говоров» и других лексикографических проектов кафедры [Вологодское словечко, 2009; Золотые россыпи, 2014; др.], но и систематизировать значительный по объему корпус текстов, записанных

со слов отдельных информантов. Актуализации этих материалов служит проект «Народная речь Вологодского края», в рамках которого представляются речевые портреты пожилых вологжан – носителей вологодских и белозерско-бежецких говоров.

Описание речевого портрета каждого информанта в нашей работе включает в себя краткую биографическую справку, представление записанных с его слов текстов в форме звучащей речи (в приложении к монографии), орфографической записи и / или упрощенной фонетической транскрипции, а также комментарий собирателя, относящийся к наиболее ярким особенностям языковой личности информанта. В конце каждого из четырёх разделов этой главы приводится список диалектных слов, отмеченных в записях речи, с опорой на лексикографические источники.

§ 1. АННА АЛЕКСЕЕВНА ШАБРОВА

В гостях у Анны Алексеевны Шабровой за пятнадцать лет полевых записей говоров Кирилловского района побывало более сотни диалектологов. В её гостеприимном доме на краю деревни Борбушина находилось место для студентов из Вологды и Череповца, для аспирантов-диалектологов из Санкт-Петербурга, для специалистов из Германии и Швейцарии, изучающих русский язык и самобытную культуру северной деревни. Хозяйка угощала гостей немудрёной домашней едой, доставала с полки старинные фотоальбомы, на страницах которых навсегда остались её родственники, односельчане, ученики.

Особая порода людей – сельские учителя. Каких только испытаний не выпало на их долю в бурные двадцатые, индустриальные тридцатые, трагические сороковые, тревожные пятидесятые, беспокойные шестидесятые и во все прочие десятилетия XX века! Чем только не приходилось заниматься сельскому учителю кроме своей профессии: и разъяснять генеральную линию партии, и агитировать крестьян приобретать облигации государственного займа, и собирать сведения о составе семей и численности

домашнего скота, и участвовать в переписи населения! И – вместе с односельчанами – пахать, жать, сеять, косить траву, заготовлять дрова, делить радости и тревоги своего неспокойного времени. И на протяжении долгих лет оставаться для своих учеников – уже взрослых людей, состоявшихся в семье и в профессии, – другом, советчиком, примером для подражания. Возможно, поэтому, идут годы, а сельский учитель не торопится дряхлеть, по-прежнему остаётся для своих односельчан не просто соседкой, бабкой Нюрой, а Анной Алексеевной.

Судьба А.А. Шабровой (Татауровой) во многом отразила драматические события новейшей истории нашей страны. Родной деревни Большое Дымково, в которой 1 ноября 1911 года родилась Анна Алексеевна, уже давно нет на географической карте. Эта земля лежит на дне водохранилища, а остатки сельского кладбища покоятся возле Покровской церкви недалеко от Кириллова. Родная семья Татауровых относилась к числу зажиточных: имела достаточно земли, собственное кустарное кожевенное производство, мельницу, небольшую пасеку. И семь человек детей, на долю которых выпали аресты и расстрелы, война и тяжёлый труд. Когда в начале тридцатых годов Анна закончила Белозерское педучилище, возвращаться ей было уже некуда: семью раскулачили, дом и скот отобрали для колхозных нужд, старших братьев арестовали. Спасением для неё стали добрые люди: заведующие и учителя сельских школ, в которых она работала после училища, односельчане и семья мужа, Павла Прокопьевича Шаброва, ставшего вскоре председателем Борбушинского колхоза. В этой деревне Анна Алексеевна прожила более шестидесяти лет, выучила всех сельских ребятишек в начальной школе. В этой же деревне 26 июня 2001 года она скончалась, немного не дожив до своего девяностолетия.

Анна Алексеевна Шаброва охотно беседовала со студентами-диалектологами о природе, о крестьянском труде, о невероятных происшествиях, свидетелем которых она была или о которых слышала от очевидцев. Обращают на себя внимание некоторые фонетические

особенности речи информанта: произношение долгих твердых шипящих (*н’ шшый, зав’э́душшый*), неслогового *у* на месте [*в*] и [*л*] в слабых фонетических позициях (*коудовств , по уся́кому, П улик*). В грамматическом отношении речь Анны Алексеевны близка к литературной норме. Далее приводится расшифровка записи одной из бесед с А.А. Шабровой (общая продолжительность звучания – 1 час 23). Самой яркой диалектной чертой в этой записи является употребление диалектных слов: они выделены в тексте жирным шрифтом и прокомментированы в примечаниях с опорой на лексикографические источники.

Разносторонний разговор (00.00)

– Когда в хлеву черное находят в зерне, это что?
– **Спорынья.**
– А её используют для колдовства?
– Не зна́ю, ма́тушка, я с коудовство́м не знако́ма.
– А вот если человек со странностями немножко: такой вот то ли сумасшедший, то ли со странностями, ведет себя не так, как все, как его назовут?
– Дура́к, полуу́мный.
– А скажут половина дурака?
– Полови́на дурака́, да.
– А скажут лешачиха?
– По-другому́ так ча́сто называ́ют **лешачи́ха**.
– А за что?
– Не зна́ю. Руга́ецца. Вот пришла́ сюда́. Я лежу́. <Лешачиха>: «Так и зна́ла, што дры́хнешь». Ну а ёйное ли де́ло, како́е де́ло: я лежу́, не лежу́? Посиде́ла и ушла́: «Нигде́ меня́ не лю́бят». Ушла́ и всё.
– Бабушка, а если у человека волосы вот так вот не прибраны?
– Растрёпа.
– А еще как? Скажут ли, что заполщенные волосы?
– А? **Запо́лщенные**? Да.
– Ясно. А вот если у женщины на голове ничего нет (не покрытая голова)?
– **Гологоло́вая**.

О зимогоре (01.31)

– А если человек неряшливый, как его назовут?
– Неря́хой, и всё.
– А не назовут, что этот человек зимогор?
– **Зимого́р**? Зимогор – это специа́льные лю́ди бы́ли, кото́рые ходи́ли по деревня́м собира́ли кро́шки, хле́б. А са́ми и хлеб пропива́ли да проеда́ли. У нас зимого́р ходи́л с **зимого́ркой**, и у них ребёночек был.
– Зимого́рок.
– Как зва́ли её – не по́мню. Он тако́й чуда́к: вся́кие фо́кусы зна́л де́лать. Дак мы ещё ходи́ли ма́ленькие. Нас ма́ма не отпуска́ла. Хотя́ тя́тя: «Пусть идут, нау́чацца всему́, посмо́трят». Дак мы еще таки́м давы́дом вон у них остана́вливался у Нефёда. <Зимогор>:

«Чё, ребя́та, пришли́-то?» – «Пришли́». А он уж зна́ет заче́м пришли́. <Зимогор>: «А мо́жет вам показа́ть што-нибу́ть, фо́кус какой-нибу́дь?» Здоровенный. Это зимого́р и зимого́рка. Вот недавно́, годо́в де́сять тому наза́т. С ним сза́ди с клю́шкой ходи́ла с кото́мкой зимого́рка. Вот Хрущову спасибо: всех таких ни́ших, всех этих зимого́ров определи́л в эти дома пристаре́лых. А тепе́рь опя́ть появи́лись, снова идут.

О заговорах (02.59)

– Бабушка, а вот когда от испуга лечат, как заговаривают? Чево делают?

– С испу́га? Дак к колдуна́м то́же хо́дят.

– А как вот это делают?

– Не зна́ю, я ведь не колду́нья.

– А не выливают воду, вот так. Воду изо рта на человека не выливают?

– Вспры́скивают.

– Дак как это делают?

– Не зна́ю.

– Просто спрыскивают неожиданно?

– Да. Вот, **о́зык**. Да, вот при́дет Льво́вна: «У тя есть слова, найди́». Вот найду́ слова́, почита́ю и говорю́: «От Бога, от людей, от ветра». Три уголька́ на́до спусти́ть. Я говорю́: «У тебя́ от люде́й». – «Так и зна́ла, што от люде́й!».

– Какие это три уголька? Куда три уголька?

– В во́ду. А пото́м э́той водо́й на́до спры́снуть её неча́яно. Но и дать попи́ть и умы́цца. Вот и так, как ле́хче ста́ло. Я и говорю́: «Бо́льше тебе де́лать не бу́ду».

– Бабушка...

– Не помню, у меня́ па́мяти нет, а на́до чита́ть, дак како́й толк? Не один раз это прочитать, не буду читать.

– А ты как узнала, что от людей озык?

– Да потому́ што шипи́т на тот уголёк.

– А что, он в воде шипит?

– В воде́ шипи́т.

– А грыжу как лечат?

– А гры́жу по увся́кому ле́чат. Де́душка у нас, Проко́пий, дак загова́ривал. А хто дак зашшы́пывает зуба́ми свои́ми или дёснами, если зубо́в нет. Где у кого кака́я гры́жа быва́ет пупова́я, а бывает и мошо́ночки.

– А жабу заговаривают?

– А где жа́ба быва́ет? Где-то в груди́ не быва́ет жа́ба? Не зна́ю.

– Не знаешь, да? А вот вода, которую заговаривают, её как-нибудь называют?

– Не знаю. Вот, Дми́триевна Валерку когда роди́ла, Гри́ша-то у ей загуля́л, она́ и ходи́ла к колдуна́м. Дак колду́нья каку́ю-то верёвку в во́ду спуска́ла, ни́точку. Вот говори́т: «Гляди́, как он тебя не лю́бит-то, крути́цца верёвка-та». Говори́т <Дмитриевна>: «Ви́дела и сама́, вода́, – говори́т, – забурли́ла». А пото́м <колдунья>: «Он люби́ть тебя́ не бу́дет, а жить от тебя не уйдёт, с тобо́й жить бу́дет».

– А если человек в животное превращается, дак как это назвать?

– Животное, и всё. Как он в живо́тное превраща́ецца?

– А не может человек в животное превратиться?

– Коне́шно. Не зна́ю. Пья́ный дак, коне́шно, он живо́тное, не человек.

– Почему говорят, что тётя Поля – колдунья, ведьма?

– Да не ведьма, у ней мать была́ колду́нья – зна́ла это всё. А так-то никто хоть вы не скажите никому – она рассерди́цца.

– А еще есть на деревне колдуньи?

– Нет, здесь не́ту. Была́ да умерла́.

– Она детям передала своё колдовство?

– Говоря́т, што до́чка всё зна́ет. Вот, этот Ми́ша, цыга́н-то, был, с до́чкой жил.

– *Передаётся по женской линии?*

– Нет, говоря́т, кому́ хо́чешь мо́жно переда́ть. Была́ колду́нья, Лебе́дева-то, говоря́т. Передала́ Шу́рке. Вот и всё. А Шу́рка тепе́рь умерла́. Дак кому́ передала́? Неизве́стно. А Ню́рка больна́я дак, Зинка не бу́дет, не ве́рит ничему́. Зна́чит, кому́-то чужо́му передала́. И умерла́ легко́. Говоря́т колдуны́ му́чаюцца до́лго – не мо́гут умере́ть, а вот она легко́ умерла́. Колду́ном мо́жет быть то́лько тот, у кого́ о́чень хоро́шая па́мять. Да, па́мять, е́сли хоро́шая, дак она все слова́ мо́жет запо́мнить, всё колдовство это всякое. А е́сли не по́мнишь, дак чё, како́й толк? Мне да́ли списа́ли. Вот от **озыка́**, от змеи́, ишшо какие…

– *Покажи.*

– А где-то есть от о́зыка. Сеча́с поищу́. На́до найти́.

– *Давай-ка, читай.*

– Я знаю, што ты меня обманываешь: всё записываешь.

– *Где очки? Передайте очки.*

– Бежи́т ре́чка с се́вера на юг, с за́пада на восто́к. Омыва́ет ре́чка **пе́нье**, коме́нье и вся́ко коре́нье. Обмо́й меня у раба́ бо́жия у А́нны па́льчики, суста́вчики, жилы́ подколе́нные, головны́е, вну́тренние. С ве́тру пришло́ – уголькй спуска́ешь на ве́тер и иди, от наро́да пришло́ – к наро́ду иди, от зло́го, от лихо́го челове́ка приста́ло – зло́му челове́ку пойди́ (попи́ть, умы́ться и водо́й). Вот и всё. Вот, от о́зыка.

– *А больше нет никаких?*

– Были, да потеря́ла. Бы́ли мно́го. Мне сказа́ли – запиши́. Па́мяти нет, дак запиши́. А я запи́сывала, а потом поду́мала – к чему́ мне это всё.

– *Ну ладно, спасибо.*

О поминаниях (09.35)

– *Поминания дак это чево?*

– Помина́ния, дак устра́ивают питьё опя́ть да еду, да помина́ют за столо́м, да хо́дят на моги́лы да. Отмеча́ют, што севодня год прошёл, как она умерла́ или он умер.

– *Это только раз в год бывает?*

– Раз в год, в этот день, когда она умерла́.

– *А для кого не устраивают поминания?*

– У ково́ нет родны́х никово́. Вот Лёня умрёт, то какое помина́ние об нём бу́дет? Или как Льво́вна вон говори́т: како́е обо мне помина́ние бу́дет? Дом заколо́тят да до свида́ния. Свезу́т да.

– *А на году их сколько бывает-то?*

– А помина́ют и в со́рок дней, помина́ют и в полго́да, помина́ют и в год.

– *А скажут ли, что на году было несколько поминаний?*

– Мо́гут сказа́ть. Зна́чит и в девя́тый день ходи́ли, и в двадца́тый день ходи́ли, и в тре́тий день ходили. Э́то всё помина́ния. А е́сли с чужи́ми людьми́ ешчо́ приглаша́ют други́х, дак помина́ния настоя́шшее. Поми́нки еще называ́ют. Помина́ния и́ли поми́нки. Поминки. На поминки.

О беседах (11.05)

– Когда́ де́вушку засва́тали за кавале́ра своево, она за́муж выхо́дит. Она де́лает для кавалера, то есть для ба́рышней бесе́ду, то есть ве́чер, и называ́юцца они **просва́тки**.

– *А что такое сватанье?*

– А сва́танье одно и тоже. Просва́тки и сва́танье – одно и то же.

– *А называют ли просватками пир, когда приезжаю сватать невесту?*

– Нет. Никако́ва весе́лья не быва́ет. А тут весе́льё и пра́зник. Тут даже пи́во варя́т, бывает. Быва́ет угоща́ют деви́ц и госте́й. На просва́тки прихо́дят го́сти, што севóдня

просва́тки. Пра́здник. Устра́ивает ве́чер. Ну, по-городско́му – ве́чер, а по-деревѐнски – **бесе́да**. Быва́ет она и **причёт отдаёт**, когда начина́юцца эти просва́тки. А пото́м весе́лье. Вы́пьют с парня́ми. Пьяные.

– А просто беседы бывают, когда молодежь собирается?

– Быва́ют. Тоже бесе́дой называ́ют. Посиделка ещё. Быва́ет, прихо́дят, зна́ете, с чем? С пря́лками. Тоже называ́лось «пойдём на бесе́ду». При́дут пря́лки – спрядýт. Одна́ пе́ред одно́й, кото́рая бо́льше и лу́тше напрядёт. Вдруг ребя́та с гармо́нью прихо́дят: «Девки́, броса́йте свои пря́лки, давай пляса́ть». И пошли́ все пляса́ть. Устро́или бесе́ду. «Чево́ ма́ло напря́ли?» – «Да севодня ребя́та приходи́ли».

– Много раньше было бесед?

– А бесе́ды бы́ли по о́череди. Вот у нас, я ма́ленькая была́ еще, то́лько начина́ла мале́нько гуля́ть-то, в седьмо́м кла́се учи́лась, дак. Три бесе́ды бы́ло. Вот бы́ли бесе́ды с Нико́лы. У нас бесе́ды с Нико́лы. Две́ неде́ли идýт. С Нико́лы до Рождества́. С Рождества́ идýт в У́ломи в само́й, пото́м и́дут там в Вола́нцах. Те по́ две неде́ли. А там три дере́вни вме́сте бы́ли – дак во всех тех деревнях тоже по́ две недели. Деви́цы и справля́ли. Есть пять девиц, то есть пятна́цать деви́ц – так надо, зна́чит, на ка́ждую што́бы, ка́ждая. А е́сли не прихо́дит на ка́ждую по ве́черу, дак второ́й раз обойдёшь. А если как ли́шка – то дво́е собира́юцца. Ну, вот за меня́, помню, отдава́ли да решето́ карто́шки, да ско́лько-то хле́ба, не помню. Не корова́й ли хлеба отнесли за меня? Беседа. До́ма не́куда бы́ло – семья́ бо́льшая пуска́ть. Дак и **на́ймовали**. Тут одна же́нщина бе́дно жила́, дак она всё пуска́ла к себе эти бесе́ды.

О наймовании (14.24)

– А что значит наймовали?

– На́ймовали – это зна́чит за де́ньги проси́лись, што́бы провели́ ве́чер за нас. Женщина уж готовит, скажет: «Неси́те свои́ ла́мпы и свой керосúн». Так ла́мпы свои́ нальём по́лно керосúну и снесём лампы свои. Одну-две. «У меня, мол, ничево нет». Она уж приготóвит помеще́ние: вы́моет пол, лавку, везде пыль обтерёт, штобы пришли́ не запа́чкались.

– А один человек может наймовать?

– Может и один устро́ить ве́чер.

– А если я это делаю?

– Ты наняла́, ты на́ймуешь.

– А они?

– На́ймуют. Все соберёмся, вон, скажем, тетя, как её звали, у хохлу́шки старуху, забыла уж: «Тётя Ната́ша, пусти́ нас-то». – «Я больши́м де́вкам; больши́е де́вки у Тани бу́дут справля́ть». – «Ско́лько тебе на́до-то?». – «Да, уж, ско́лько вам не жа́лко». – «Нет, уж, вы скажи́те, ско́лько определи́те». – «Да по решету́-то карто́шки принесите́». Вот по решету картошки принесём, она на вечер нас и пу́стит. Прийдешь, скажешь: «Ба́бушка, мне бы карто́шки на́до». – «Полеза́й в подпо́лье, доставáй». Вот пойдём, доста́нем в по́дполе картошки. Поло́жила и понесла́.

– Если ты наймуешь, то как про себя скажешь?

– Наняла́, на́ймую. По на́йму ходи́ли, как по найму.

– А я?

– На́ймуешь. По найму вот ве́чер. Значит, и́збу на́ймовали, вот как. А быва́ет жать на́ймовали, коси́ть на́ймовали. Вот у нас дак жать рожь на́ймовали. Жито мелкое, ячмень, овес, это другое всё сами жали, а вот рожь на́ймовали. **Зара́з** возьму́т, рожь-то осыпа́ецца, надо её жать сро́чно. Возьму́т человек пятна́дцать деви́ц. «Приходи́те, де́вушки, кто хо́чет, дак сёдня к нам жать». Ма́ма про́сит, и при́йдут. Но кто при́йдёт, други́е ска́жут, што к друго́му ушла, друго́му обеща́лась. Вот челове́к пятна́дцать при́дет, надо их за́втраком накорми́ть, обе́дом накорми́ть, ча́ем напои́ть, ве́чером опя́ть ча́ем напои́ть и у́жином

накорми́ть. Три раза́ покорми́ть да два раза́ ча́ем напои́ть. А за это ешшо́ надо отда́ть де́ньги, ско́лько они беру́т на́ день. Вот, Некра́сикова говори́т: «Я вот за пятна́дать копе́ек день жа́ла. Быва́ли слу́чаи. Я уж не по́мню, за ско́лько там. У нас то́же на́аймовали. У нас не одни́ мы, а мно́гие, у ково́ больши́е се́мьи да больши́е по́лосы, дак на́аймовали деви́цы, а деви́цы радёхоньки: на́до на оде́жду-то, а осо́бенно де́ньгами пло́тят дак тем более. Са́ми ещо напра́шиваюцца.

– А можно сказать «нанаймовать»?

– Нана́ймовать.

– А как будет «нанять»?

– Наня́ть – это зна́чит ково́-то, челове́ка како́во-то наня́ть рабо́тать.

– А если его наняли, дак он какой работник?

– На́нятый. На́нятый работник.

– А казаком не назовут такого работника?

– Нет.

О жатве (18.54)

– Это кто развара?

– Ти́хо перева́ливаецца или я иду́ то́лстая, иду́ как у́тка.

– А вот таких женщин развар много бывает?

– Нет, немно́го таки́х. То́лько стару́хи одни́, а ка́ких молоды́х не быва́ет **развáр** штоб. Развáры ведь они не в чести́, их не лю́бят. Осо́бенно в дере́уне. Надо, штоб она **пошеве́ливалась.**

– А пошевеливается, скажешь, что ходко работает?

– Вот Анна Некрасова говори́т: «Я по восемна́дцать **сусло́нов** жа́ла. Это о́чень мно́го. За двои́х рабо́тала. Дак у них посмо́тришь – то́лько снопы́ верта́ццa.

– А что такое суслоны?

– Сусло́н – это оди́ннадцать снопо́в. Надо сжать и поста́вить их в ку́чку. Я по́мню как **гру́ду** ста́вили, как сусло́н ста́вили.

– А груду как ставили?

– А тоже надо де́сять–оди́ннадцать: так три, так три, да так три, да сверху три. Вот и четы́ре бу́дет. Двена́дцать снопо́в. А сусло́н све́рху ешшо ево раскро́ют и **шля́пу** поло́жат. Под сусло́ном мо́жно скры́ться от дождя́, и тя не обмо́чит.

– А сколько суслонов выставляют на поле?

– А ско́лько полоса́ даст. Вот у нас была больша́я полоса́. Дак на одно́й полосе́ бы́ло во́семисят сусло́нов, а на друго́й пятьдеся́т. Это в одно́м по́ле. Вот, каки́е бы́ли больши́е по́лосы. Потому́ што трина́дцать челове́к, я по́мню, семья́ была́, пока́ Алекса́ндр, ста́рший брат, не отдели́лся от нас: взя́л жену́ да ешшо и ребёнок роди́лся. Дак вот их тро́е да нас де́сять челове́к.

– А бывало, что собирали по три–четыре суслона?

– Быва́ет и таки́е два сусло́на нажнёт, ой, говори́т, два сусло́на на полосе́ и колосо́к ма́ленькой. Это, коне́шно, быва́ет, у бабу́ли на по́ле: ни ло́шади у них не́ту, ни коро́вы путёвой нету и навó́зу нету. Кашу, пшена им возят.

– Это значит они бедные были?

– Бе́дные бы́ли. А у нас всё са́ми де́лали. Не на́аймовали никово́, што́бы паха́ть или там ещо чё-нибуть. У нас, я по́мню, оте́ц, пока я жива, никогда́ не забу́ду: мы с Афо́нькой принесли ему еду. Я говорю́ ему́: «Мы те еду принесли́». – «Ладно-ладно, оста́вьте тут». – «Да веть вы́стынет всё». А вы зна́ете, когда́ ро́жь се́ем, запомните, ребята, ша́пка упадёт, дак её не́когда поднима́ть. Вот как надо торопи́ться се́ять. Ду́май, за́втракать или обе́дать. Скоре́е надо се́ять рожь. Се́ять пять дней, а пото́м вдруг сама взойдёт. А тепе́рь по́сле сентября́ се́ять, то к сентябрю́. Са́мый лу́тший сев – это в а́вгусте ме́сяце: с пя́того а́вгуста до сентября́. Так вот и урожа́й бу́дет, и хлеп бу́дет, было мно́го хле́ба.

– Бабушка, а груда – это что?

– А гру́да – это тоже тако́й же суслóн, а то́лько што на гру́дкой, и све́рху три снопа́. Так два снопа́ и све́рху сноп и всё – гру́да. А суслóн закрыва́ть обяза́тельно надо. Её соста́вят эти снопы́, а потом све́рху разлома́ют и сде́лают шля́пку, и закро́ют. И стои́т эта рожь, выста́иваецца. Когда́ она́ вы́стоицца – её мо́жно сра́зу со́лодом иссуши́ть.

– А сноп перевя́зывают чем?

– Соломой перевя́зывают.

– А как она называется, то, чем перевязывают?

– Забы́ла. **Вя́зка**. На вя́зку берём если ме́лкое жи́то, то на вязку бра́ли хоршую солому то́нкую бе́лую. А соло́му, где поло́ски-то вме́сте соединя́ешь, потом перевива́ешь – вя́зка и бу́дет. А если рожь про́сто берёшь го́рсточку, завива́ешь у колоско́в, расправля́ешь её, а полоски́-то так лежа́т вдоль колоско́в то и ло́жишь. А пото́м завя́зываешь.

– А на один сноп сколько надо их?

– На один сноп – одну́ вя́зку.

– А на пять?

– Пять вя́зок надо. Зна́чит, если овёс иль ячме́нь, да пшеницу – бра́ли соло́му. А рошь ро́жью и завя́зывали. Где как зову́т. Кто вя́ской зовут.

О провором человеке (25.18)

– А проворый человек это какой?

– А **прово́рый** усё уме́ет де́лать. Всё зна́ет. Прово́рый, говоря́т, он.

– А если он хитрый?

– Хи́трый? То́же прово́рый. А не прово́рый, дак он чё – полови́на дурака́.

– А кто самая проворая старуха у вас на деревне?

– Са́мая прово́рая, прово́рая была́ Ли́я.

– А почему?

– Она уме́ла хорошо́ разводи́ть печь, она и шшить уме́ла на рука́х, она и сотка́ть уме́ла чево́ хо́чешь. А вот, до́чку-то не научи́ла ничему́: и заплат'ы не зашьёт. Аки́мовна у нас прово́рая.

– Дак они, значит, обе проворые?

– Аки́мовна и шшить мо́жет, и всё, и сотка́ть мо́жет, и связа́ть мо́жет – всё. Она прово́рая, она о́чень. Обе прово́рые.

О ляпаке (26.42)

– А скажи, что такое ляпак?

– **Ляпа́к** мо́жно назва́ть. Ляпа́к вы́рвали сучко́м пла́тье я вот разорвала́, по́мню. Ляпа́к вы́рвала. Не зашы́ть было. Вле́зла ма́ленькая на со́сенку, я вот, как тепе́рь по́мню. Но́вое пла́тье бы́ло. Пое́хали, побежа́ли цыпля́т корми́ть. На сучо́к заде́ли, дак ляпа́к вы́рвала. Ляпа́к, говоря́т. А пото́м зову́т. Про́звище тако́е есть – ляпа́к. Тако́й непутёвый. Ляпа́к и сам не понима́ет чё. Вот ляпако́м назову́т. Вот Ко́лю За́йцева зову́т ляпа́к.

– А такие ляпаки часто в деревнях бывают?

– Нет, мало таки́х.

– А если вырвала два, то, как скажешь? Два ляпака вырвала?

– Два ляпака́ вы́рвала.

– А если много, то, как сказать?

– Вся пла́тье бы́ло и́зорвано, в ляпака́х. Ляпаки́ – это вырыва́ешь.

– И зашить уже никак нельзя? Дыры?

– Ды́ры.

– А маленький кусочек ткани ляпаком назовут?

– Нет.

– Маленький ляпак, так скажут?

– Мне ма́ленький ляпачо́к.

– А такие ляпачки куда нашивали?

– Куда, одея́ла де́лали. И таки́е краси́вые. Тепе́рь веть мо́да пото́м пошла́, а сейча́с, вот, я по́мню, так они вы́шли **ляпачка́ми** э́тими: то треуго́льнички, то дли́ные таки́е коро́тенькие и ра́зные-то зде́лают. Так ведь загляде́нье. Де́лают серёдка. Это называ́лось серёдка, а ка́аймы други́е де́лали. Вот таки́е стёганые одея́ла у неве́ст ра́ньше и бы́ли у дере́вне. Это таки́е из ляпако́в одея́ла. Ляпа́к.

– А вот если всё платье в заплатах, то скажешь, что оно всё започи́ненное?

– Пришла́ вся в пла́тье **започи́неном**.

– А может быь кофта започинена?

– И ко́фта может быть започи́неная.

– И пальто?

– И пальто́ всё изодра́ное, започи́неное.

– А вот если штаны починяют, то, они започиненные?

– Штаны́? Започи́неные.

– А такого человека, у которого всё започиненное да худое как его назовут?

– Никак.

– А не назовут отерёбок?

– Нет, не знаю.

– А как скажут?

– Да вот, Изо́ська-то здесь. Зна́ешь? Дак вот, все четы́ре сы́на у меня́ учи́лись. Когда бы я к ним не пришла́, она всё сиди́т и почи́нивает. Дак они вы́росли все в тряпо́чках. Я как-то ей сказа́ла: «Го́споди, когда́ к вам не приду́ вы всё почины́ваете». – «А где но́вова-то взять? Вот, из двоих доде́лываю одни́ штаны́ и сбо́ку де́лаю одну́».

– Значит она бережливая хозяйка?

– Бережли́вая, да и нужда́ была больша́я.

– А я починиваю?

– Почи́ниваешь.

– А если они двое сидят, то, что они делают?

– Почи́нивают или што́пают. Одно и тоже сло́во. Што́пают, конечно, чулки́ да носки́.

– А остальное?

– А остально́е всё почи́нивают. Што́пать там ведь зна́ете, как вас учи́ли в нача́льной шко́ле што́пать ды́рочки на чулка́х, на штана́х на трикота́жных. А веть, почи́нывание – это запла́ту ложат сюда.

– Значит починивание говоришь?

– Да.

– А вот если тебе некогда, то скажешь что тебе не до починивания?

– Вся в проре́хах хо́дит. Чё, не́когда започи́нить хо́дишь? Не́когда мне започи́нить. Да, не до почи́нывания.

– А когда не до починивания бывает?

– А когда́ нет вре́мени, проленица́. Ленюсь я, дак. Мо́жно мно́го кое чево́ п починила́, а ничево́ не почи́нила.

– А если человек ленивый, то, как про него скажут?

– Лентя́йка.

О бохвалах (33.06)

– А не скажут, что человек бохвал?

– Есть таки́е **бохва́лы**.

– А бохвалы какие?

– Каки́е бохва́лы. Всё у ней хорошо́. Всё хорошо́: она и печёт хорошо́, и вари́т хорошо́, и де́лает всё хорошо́. У ней и прида́ново вся́ково. Вон, **бохва́лка** прие́хала, Ве́ра-то Некра́сова. У ней, веть, пла́тья-то чемода́н це́лый привезла́. А не охо́та одева́цца-то. **Бохва́лицца**, зна́чит. Я зря не вскочу́. Лишь бы мо́жно жи́ть, мне ведь чево не надо, денек мне хвата́ет, пе́нсии я́вно бога́то, накупи́ть всево́. Ры́нок ря́дом. Вы́йди из до́му – и ры́нок ря́дом. Дак чё, мо́жно бы́ло бы накупи́ть всево́, дак про́сто уж, так пое́хала в дере́вню. Вот и бохва́л.

– Много в деревне бохвалов?

– Нет. Мужики́ други́е есть таки́е бохва́лы. Вот. Наш в магази́не. Дак это бохва́л настоя́щий.

– А почему?

– **Выставля́ет** себя́, то́лько я.

– Вот если я буду говорить, что у меня сорок платьев и все шёлковые?

– Бохва́лишься.

– А если ты будешь это говорить?

– Ой, да, посмею́т все. Чё, поме́шана стару́ха-то. Со́рок, нет, не насчита́ецца. С ро́ду не быва́ло сорок.

– А человека как называют, если он очень любит наряжаться?

– Ка́тя лю́бит наряжа́цца. У неё, поди́, и со́рок есть.

– А как её назовут?

– Бохва́лка.

– А скажут, что она басиха?

– **Баси́цца**, мо́дничать, молоде́ть, молоде́ет.

– Красивого человека как назовут?

– О́чень краси́вая? То́же мо́дничает, говорят, своей ро́жей. Так и ска́жут.

– А если лицо оспой побито, то, как скажут?

– **Коря́вый**.

– А если женщина?

– Коря́вая.

– А у вас была кто корявая?

– Же́нщин не́ было, а па́рни бы́ли, мужики́.

– Какие?

– Дак вот, Гри́ши Коря́гина два бра́та бы́ли коря́вые. Де́душка, свёкр наш, то́же был коря́вый. Я ба́бушке и говорю́, свое́й свекро́вке: «Ма́ша, пошто́ ты пошла́ така́я краси́вая (она бы́ло краси́вая, высо́кая, стро́йная, румя́ная была́), пошто́ ты пошла́ за́муш за папа́шу». Он тако́й некраси́вый, да и коря́вый ещо́. <Маша>: «Ма́тушка, дак веть ода́ли меня́. Я веть из присл у́к, присл у́гой была́, а ему́ на́до бы́ло жени́цца. Вот и сказа́ли. Вот наш и живёт в рабо́тницах. Де́вка-то хоро́шая, краси́вая. Пришли́ сва́тать-то к ма́ме, а не ко мне. Ну вот. А мать две коро́вы бы́ло да ло́шать, да хозя́йство хорошо́ да. Да ничо́, Ма́шка, расужда́ть: чем в лю́дях-то жить, лу́тше со свои́м хозя́йстве жить. И вы́шла за́муш». А говори́т ба́бушка: «Ты ни люби́ла ево́ ни ско́лечко ни любила. Так всю жизнь с ним и жила́».

– А если на лице одна вмятина от оспы, то, как назовут?

– Ника́к не назову́т. Со шра́мами, дак с я́мками-то. А у меня выступа́ли вот здесь, я помню, пя́тна, как эти, когда рожа́ют. Дак как они называ́юцца. А у меня и за́муж ещо́ не выходи́ла. А весно́й у меня́ вы́ступят тут как какие-то пя́тна. Это недоста́ток витами́нов. Я пото́м посмотре́ла. Дак меня один па́рень, ни с на́шего ку́рса, всё меня звал де́вушкой с пя́тнышками.

О жердинах (39.01)

– Бабушка, а очень высокого, большого человека как назовут?

– Ды́лда, говоря́т. Вы́рос-то како́й.

– *А ещё?*

– Жерди́на-то кака́я.

– *А ещё жердиной что назовут?*

– Жерди́ной? Высо́ково па́рня.

– *А в лесу, что жердиной назовут?*

– Жерди́на. Это огоро́т горо́дят жерди́нами. То́нкая, дли́ная, высо́кое де́рево то́нкое. Вот таки́е же́рди расту́т по боло́там. Их специ́ально ишчу́т, но их ру́бят. Они осо́бено це́нные ело́вые, сосно́вые же́рди. Оси́новые, берёзовые – они непро́чные. Ольхо́вые тем бо́ле: они один гот простоя́т. А берёза это то́же не так до́лго стои́т. А вот со́сны, ёлка.

– *А сколько их на огород надо?*

– Коне́чно, пять–шесть жерде́й в одно́ **кря́сло** да в друго́е кря́сло, да ещо́ ско́лько на́до.

– *А что такое крясло?*

– Кря́сло – это. Ста́вят два кола́ ,и ещо́ два кола́ переви́чивают, и ло́жат же́рди. Вот кря́сло. Опя́ть сле́дущие два ко́ла ста́вят, и к ним три прикла́дывают опя́ть.

– *А что такое перевичивать?*

– Сейча́с всё гвозди́ми приколачивают, а ра́ньше, што́бы поло́жить же́рть на́до два кола́ переви́чить. А ме́жду и́ми же́рть поло́жить.

– *Значит перевязать?*

– Перевяза́ть.

– *А верёвкой перевязывают?*

– Не верёвкой, а ви́цами. Ей-бо́гу и́ми. Вот пошла́ огоро́ды городи́ть я не понима́ла ничё. Мне же́нщины и говоря́т: «Поруби́ виц вот таки́е». Вот я руби́ла и таска́ла к ним, а они перевичевали. На второ́й день пошла́, сказа́ла, што могу тоже и перевичивать. Ста́ли удруги́е таска́ть ви́цы. Да я уже **перевичивала**. А уш сле́дущий рас пошла́: «Я могу́ и же́рди руби́ть». – «Ну, можешь, дак руби». Руби́ла же́рди, **окарствова́ла** и приноси́ла им.

– *А что такое окарствовать?*

– Окарствова́ть – это обруба́ть сучки́.

– *А вот если я все сучки обрубила, это значит, что я сделала?*

– Как у всех?

– *У дерева все сучки обрубила, дак я обкорзала?*

– **Обкорза́ла**, обруби́ла.

О колдовстве, защите от неё и о вещих снах (50.36)

– Дак не води́л, вы́шла, да, и говорю́: мне на́до попа́сти надо́лго. А вы́шла я ненадо́лго. Вы́шла по доро́шке в это ме́сто называ́ецца.

– *А что нужно в лесу сделать, чтобы выйти?*

– Переодева́цца.

– *Зачем переодеваться?*

– Как заче́м? Если забл у́дишься, ника́к не мо́жешь нигде́ вы́йти – снима́й с себя́ всю до́нага оде́жду, вы́тряси и переоде́нь.

– *Просто переодеть?*

– Переоде́ть и всё. Вытрясти одежду. Моли́тву какую-нибу́ть прочита́ть. Вот, у нас Пётр, Ма́шу вози́л в ле́су. Говори́т <Маша>: «Вы́шла – тро́пка, ме́сто незнако́мое. Не зна́ю куда́ ити́. Го́споди, шо за беда́ за така́я? Дава́й моли́тву чита́ть. Прочита́ла моли́тву. Вро́де поле́хче ста́ло. Да́й-ка я переоде́нусь. Переоде́лась. Всё сняла́, а в дере́вне, дак чё, штано́в никаки́х не́ было. Руба́ху да пла́тье сняла́, да **пальту́шку**, о́сенью, дак. Всё перетрясла́, переоде́ла. Го́споди, да, веть это **до́лгий сосня́к**, ме́сто у нас там называ́ецца. Сла́ва тебе́,

Го́споди, я веть на доро́ге и стою́. Пошёл, говори́т, в ладо́ши хло́пает от меня́. А́, догада́лась? Вот, догада́лась по доро́ге.

– *А кто сказал?*

– Ле́ший како́й-то стари́к.

– *А какой леший?*

– А не ви́дела она. То́лько слы́шала слова́, што говори́т: «А, догада́лась?». В ладо́ши захло́пал. Она говори́т: «Знако́мая доро́га, вот и пошла́ по этой доро́ге».

– *Бабушка, говорят, что тень давит. Это как?*

– А да́вит. Мне то́же, бы́ло со мной, бы́ло так. Прие́хала я в Зыбошно́вскую шко́лу. Отвели́ мне ко́мнатку, вот таку́ю ма́ленькую. Но ничё не предупреди́ли. А пото́м уж, я догада́лась, што мне на спине́ лежа́ть и ру́ки за го́лову нельзя́. Это не тень да́вит, а **стинь** кака́я-то па́дает на челове́ка. Ну вот, все спа́ли верху́, я одна́ унизу́. Они на **вы́шке** все спа́ли, а я одна́ в ко́мнатке спала́, не боя́лась. Ну, легла́ я спать. До́лго ль, коротко́ ли спала́. Очну́лась – ни руко́й, ни ного́й. Расвета́ло, светло́. Хоть бы ного́й могла́ пошевели́ть. А я слыха́ла, што, если руко́й хоть мале́нько пошевели́ть иль кто-нить до тебя́ дотро́нулся, ты бы и ожила́. Ну как мёртвая лежу́, как мёртвая – ничево́ не чу́ствую ничё, ни сказа́ть ничево́. Всё, умерла́. Пото́м не зна́ю как я очу́ствовалась. Или кто на меня́, мол, му́ха се́ла или чё ли и как-то пошевели́лась и очу́ствовалась. Пото́м прихо́дит Анна Дани́ловна. Это хозя́йка. Я ей говорю́: «Анна Дани́ловна, со мной сёдня но́чью беда́ была́». – «Кака́я?». А я говорю́: «Я была́ мёртвая». А это, говори́т, стинь на тебя́ легла́. На Анну, говорит, Ива́новну, здесь учи́тельница до меня́ была, то́же она́ спала́, говорит, а на неё вме́сте то́же была́. Да, говорит, кто-то зашо́л, да её на́чали буди́ть чё-то – она как мёртвая была́. Ну, дак я говорю́: я дак не по́мню как я **очу́ствовалась**. Ви́дно, говорит, не судьба́ тебе́ умира́ть. Вот мне чево́ сказ'ала Анна Дани́ловна. Ну, в о́бщем, мёртвая совсе́м была́. Ни руко́й, ни ного́й – ниче́м не чу́ствую, то́лько сообража́ю, што я лежу́. А што подня́ться ли, ру́ку подня́ть ли, но́гу ли – ничево́ не подня́ть.

– *Это как называется?*

– Это стинь, говоря́т, па́ла на челове́ка. Ну, в о́бщем, мёртвый челове́к был. Совсе́м всё остана́вливалось. Созна́ние бы́ло, но не могу́ пошевели́ть-то ниче́м, ни сказа́ть ничево́.

– *Бабушка, а в деревне люди, которые нечистую силу знают, были?*

– Бы́ли.

– *А как называют таких людей?*

– Колдуны́.

– *А ведьмой назовут?*

– Ве́дьмоми назову́т.

– *А знатихой назовут?*

– Зову́т.

– *А он?*

– **Знато́к**. Пришли́ из го́рода ко мне знако́мые: «Анна Алексеевна, мы к вам ночевать пришли». – «Пожа́луста, ночу́йте, я говорю́, как вас сюда́ посла́ло? Заче́м пришли́-то?». – «У вас тут дя́дя Ми́ша. Мы к нему́ пришли́». – «А о чём говори́ть-то?». – «А, вот с му́жем бу́дут говори́ть. У му́жа чё-то не в поря́тке. В посте́лях не так».

– *Это как?*

– Полово́е бесо́лие бы́ло у му́жа. На́до бы́ло лечи́цца, а они́ пошли́ к колдуна́м.

– *Значит, колдун мог наколдовать так, чтобы постелю отнять?*

– Да, **посте́лю отня́ть**.

– *Это как?*

– А как колду́ют. Ево́ сноха́ раска́зывала: «Вы́шла в за́муж, **самохо́дкой** привёл муж. Сы́н-то ночь спит – ничево́. Вторую́ ночь спит – ничево́. На тре́тью ночь е́сли ничево́ не бу́дет – уйду́ домо́й. Не бу́ду жить. Како́й мужи́к? Зна́чит, де́дко ви́дит, што неве́ста невесела́, поди, сын сказа́л чё-нибу́ть. Это Олёхо зна́ла ж. Ну вот, говори́т, де́дко у нас колду́н настоя́шшый. Так и сказа́л, говори́т: «Затопи-ка́ ма́тка ба́ню сёдня, на́до молоды́х

помы́ть». – «Я, говори́т, не иду́ в ба́ню». – «Дава́й, иди́-иди́». Пришли́, говори́т, мы с ба́ни. Де́дко вы́мылся снача́ла в ба́не, пото́м мы по́шли в ба́ню, говори́т: «Пришли́ из ба́ни – стои́т сорока́вка вина́». На́лил, говори́т, фсем по сто́пки: себе́ и нам двои́м. <Дед>: «Пе́йте, дава́й». Вы́пили по рю́мке, не по сто́пке, ма́ленькие рю́мочки. Я и говорю́: «Ла́дно, уш, сево́дня-то ночу́ю, а сама́ ду́маю: всё равно́ не бу́ду жить. Како́й жить». Ну, вот. Пото́м, зна́чит, легли́ спать. Всё сра́зу появи́лось. Вот с э́тово, со сто́пки вина́, он наговорил и стало жить.

– На вино наговорил?

– Наговори́л.

– А по-особому как называют колдуна, который делает только добрые дела?

– Нет, осо́бо не назову́т. Всё равно́ колду́н.

– А если худое делает?

– Худо́е де́лает, дак её не лю́бят, руга́ют.

– А если заговаривает, то по-особому не назовут?

– Ну, спаси́бо говоря́т, де́ньги даю́т, да, ещо́ чо́-то даю́т.

– А если травами лечит? Травником не назовут?

– Нет, не назову́т.

– А если женщина нашёптывает, то, скажут, что бабка нашёптывает?

– Ба́бка-**шепту́нья** есть. Некра́сиха-то всё зна́ла. Потеря́лся телёнок, убежа́л. Ник′та, вся дере́вня и́щет. Я иду с тетрадками из школы. Кто-то вы́шел, и говори́т: «Анна Алексе́евна: все ушли́, телёнка-то. У Ха́птовых пя́теро ребяти́шек, да, их двое́ старикоф-то. Не мо́гут ево найти́. Телёнка вы́пустил. Никто́ не мо́гут ево́ найти́. Везде́ и́шшут. Я говорю́: я ничево́ не слы́шала. Я вот положу́ тетра́ди – то́же пойду́ иска́ть. «Иди-ка сюда́-то, попроси́ Анну Некра́сову. Она́ тебе со шко́лы знако́мая, дак попроси́». Я поло́жила тетра́тки и к Анне: «Анна, телёнок потеря́лся у Хапто́вых». – «Как потеря́лся?». – «Вы́бежал, да, и не могут никак найти». – «У тя есть незарезаный хлеп?». – «Есть». – «Принеси́ кра́йчик хле́ба, буха́нки отрешь». Я принесла буханки ей. Ну вот, говори́т: «А тепе́рь пойдём иска́ть. Ты иди вперёт». Она́ позади́. Нашла́ девя́тое кря́сло, два́-то кола́ стоя́т. Чо́-то пошепта́ла. Вот, я зна́ла, да, у меня́ па́мять худа́я. Она́ меня́ учи́ла. На́до этот корова́й-то поло́жить. Этот хле́п-то переверну́ть ка́к-то че́рес э́тот и ити́ с э́тим хле́бом. Ты, говори́т, иди́, вот так, а я пойду́ доро́гой. Телёнок, говори́т, сейча́с на тебя́ вы́йдет. Я то́лько в лес захожу́ – телёнок-то на меня́ идёт. Го́споди. Я и закрича́ла: «Ка́тя! Ка́тя! (бап-то всех зна́ю, дак) Иди́те! Телёнок-то вот на меня́ идёт. На меня́, на хлеп пришо́л телёнок-та».

– Бабушка, а если человек зачерчивается, то, он что делает?

– Че́рти – черти́ть, бе́сы – беси́ть, и сам сатана́ выходи́ со дна́. Это уш **зачерти́лся**. А тепе́рь: че́рти не черти́тесь, бе́сы не беси́тесь, сам сатана́ уходи́ от меня́. Тут, уш, **расчерти́лась**.

– А это когда делают?

– Это де́лают про́тив Но́вому го́ду, в свя́тки, в любо́й день.

– А зачем?

– Заче́м? Жениха́ штоп потсмотре́ть, подслу́шать.

– Это когда с нечистой силой хотят погадать?

– Да. Вот, на́ша ма́ма гада́ла. Моя́ ма́ма. Пошли́ на кла́дбище в це́ркофь на паперть. Пришли на паперть в церкофь и зачерти́лись все. То́лько, говори́т, зачерти́лись, как посмо́трим: поко́йники-то все́-то пошли́ в ке́лью ряда́ми, говори́т. Мы бего́м. Я, говори́т, не по́мню, как я с гору́шки слете́ла. Це́ркофь-то на гору́шке была́. Оказа́лась на о́зере. Го́споди, у о́зера. Зимо́й, дак. Пришли́ домо́й, говорю́ : «Де́вки, веть мы не расчерти́лись. Дава́йте расче́ртивацца». На́до погада́ть. За́муж охо́та, охо́та дак. Я опя́ть зачерти́лась, вы́шла на гору́шку, де́вки-то и говоря́т: «Е́дут, как отту́да, от Кири́лова на лошади́, бря́кают. Ну, зна́чит, ви́дно, туда́ тебя́». Ну, в тот гот и вы́шла замуш.

– Когда человек зло приносит, это как называют?

– Худо́е и́мя колду́н. Так, говоря́т, колду́н худо́й человек.

– А зло если приносят, то назовут это порчей?

– По́рча, по́рчить, по́ртите.

– А говорят что сглаз?

– А сглаз′ить это быва́ет, о́зык называ́ецца.

– Это как?

– Ну, **озыча́ют** человека. Меня́ то́же рас озыча́ли. Я сде́лала му́жу вено́к. Сама́-то то́лку не́ было, да, не́когда, а нашла́ до́ма кра́сный матерья́л да бы́ло о́чень мно́го ра́зных у меня́, как это, бума́ги. А Лю́ба Некра́сова прие́хала **вокурат** в о́тпуск. Я и говорю́: «Люба, зде́лай ты мне Па́влику вено́к. Бо́льно мне хо́чецца ему́ снести́, э́тот хоро́ший вено́к, штоб везде́ але́ло». А вокурат от доро́ги-то ви́дно-то наша моги́ла. Зна́чит, вокура́т весно́й, в како́й-то день, не зна́ю, она́ мне вено́к-то зде́лала. Я ис шко́лы пришла́ и договори́лись с Ле́бедевой, што я пойду́ с ней. Я одна́ ма́ло ходи́ла на кла́дбище. Уш на второ́й гот ходи́ла. Пе́рвый гот боя́лась одна́ ходи́ть, што со мной ху́до, мо́жет, бу́дет. Иду, с вено́к-то и блести́т, а у белоу́сой же́нщины пошли́ на му́сор ски́дывать. «Кто, говоря́т, идёт? Дава́йте дождёмся. Ой, Анна Алексеевна с венко́м, дак она́ к Па́влику пошла́». Ну, вот. Я захожу́. Все: «Ой, како́й вено́к-то хоро́ший. С кем пойдёшь-то?». Та я, говорю́: «С Алекса́ндрой Фили́пьевной». Весь день отзанима́лась хорошо́ себя́ чу́ствовала. Ве́чером по́шла-то, по́сле уро́ков. То́лько я зашла́ к ним, говоря́т: вы́пей ча́шку-то ча́ю. Вы́пила ча́шку. Пошли́. До гор ити́. Бо́льше не могу́ ити́. Она́ говори́т: «Чё отстаёшь-то?». – «Не могу́». – «Дава́й вено́к, я понесу́. На, возьми́. На, возьми́ мою́ па́лку. Иди́ с па́лкой». – «Фили́пьевна, и с па́лкой не могу́ ити́». Она́ говори́т: «Дак чё с тобо́й сде́лалось-то?». – «Не зна́ю. Мо́жет меня́ озыча́ли же́нщины?». А она́ говори́т: «Ты не поду́мала, што все вы́сыпали на доро́гу». Я говорю́: «Всем **ди́во** показа́лось, эко ди́во, што я и то ка́ждый-то, ка́ждую-то неде́лю бе́гаю туда́ на моги́лу». Ну, вот, она́ говори́т: «На, неси́ вено́к-то. Я немно́жко отста́ну, а ты иди́ и не обора́чивайся». Вот идёт, ви́дно, вот, чё-то пошата́ло, поговори́ла. От о́зыка есть у меня́ где́-то слова́ запи́саные. Ну, вот, поговори́ла, потхо́дит ко мне́ – как лиц′о-то изо рта́ как мне вспры́снет. Ой, я говорю́, ой, што ты?! А она́ опя́ть изо рта́ взяла воды. На, говори́т, немно́шко умо́йся. Я обмы́лась. <Анна Алексеевна>: «Ну, тепе́рь пойдём. Ну, дава́й тепе́рь посиди́м мале́нько». Посиде́ли, посиде́ли – на́до ити́. Туда́ сошла́ – всё норма́льно. Я говорю́: «Фили́пьевна, ты чо́-то, ви́дно, поговори́ла мне». – У тя, говори́т, о́зык. Лю́ди тебя́, говорит, **обо́йкали**. Домо́й пришла́ – хорошо́. Коро́ву огляди́ла, уро́ки подгото́вила. Всё. Как-бу́тто со мной ничево́ и не быва́ло. Это называ́ецца сгла́зили.

– А это взглядом или словом?

– И гла́зом, и сло́вом.

– А если прикоснулись, значит ли что это прикос?

– Нет, ко мне никто́ не прикаса́лся.

– А как называется предмет, которым порчу наносят? Какими предметами порчу наносят?

– Кладу́т ше́ршть с ноктя́ми. Остригу́т но́кти. Меша́ют то́же. У неве́ст находи́ли ча́сто пот нога́ми. Вот. Бро́сят, перешагнёшь и испо́рчена бу́дешь. Ишо́ чё де́лают? Бо́льше не зна́ю. Се́мечки рассы́пывают, зерно́ какое-нибу́ть.

– А слово «кудес» не слышала?

– **Кудеса́** – э́то ря́жаные-то хо́дят в свя́тки-то, дак. Кудеса́ и называ́лись, дак.

– Кудеса – это те, кто ходят?

– Да, кто хо́дит.

– А был ли предмет, чтобы рано вставать?

– Нет. Ра́но встава́ли кому́ на́до, дак. Ой, уста́ла.

– Бабушка, а от нечистой силы что оберегает?

– Крест.

– А ещё?

– И перекрести́цца на́до.

– А ещё? Булавку зачем колют?

– А это то́же, штоб не сгла́зили.

– А куда закалывают?

– А куда́ хо́чешь. Где-то у меня́ то́же була́вки есть. Везде в пла́тьях натыканы. Де́сять штук купила – везде́ и натыкала. А уш стару́ха, дак всё равно́ умира́ть-то.

– Чтобы не сглазили, булавку надо воткнуть?

– Да, што́бы не испо́ртили и не сгла́зили, де́вушки. Неве́сту дак всю иго́лками обты́чут да була́вками. Когда́ нeве́ста пойдёт, што́бы не испо́ртили. Вот вы, когда́ бу́дете за́муш выходи́ть, так на весь подо́л и куда-нибу́ть эти **прико́лки**. Зна́ете што такое.

– Их надо приколоть на невидимое место?

– Нет, спря́тать.

– Бабушка, скажи, зачем так руки складывать?

– А, это́ фи́га, што ты меня́ всё равно́ не испо́ртишь.

– Это специально так складывают?

– Да, специа́льно. Фи́га. Кото́рая колду́нья, дак схо́дит со слова́ми, дак держи́ фи́гу – то́же не возьмёт. Это вот у нас Лю́бка Некра́сова всё ведь зна́ла. Она́ и говори́ла: «Де́лай фи́гу, то никако́е сло́во не бу́дет». По́ля, говоря́т, колду́нья.

– А когда человеку привидится что?

– А привиди́цца, быва́ет сбыва́ецца.

– А у тебя бывало, чтоб сбывались сны?

– Быва́л сон, быва́л.

– Расскажи.

– Заду́мала про жениха́: што вы́йду ли я за́муш за Ива́на Ивановича, за кавале́ра. Заве́дущий он мой был. А мне ме́сто заве́дущево, ме́сто жениха́ присни́лся оте́ц. Вот. Как я домо́й прие́хала. Е́ду домо́й. Го́споди. Оте́ц е́дет с дрова́ми. Дрова́-то рассы́пал, нас ма́мой засы́пал нас дрова́ми, а сам сел на ло́шать да и пое́хал. Я и говорю́: «Ма́ма, тя́тя-то вернёцца?» Она́: «До це́ркви дое́дет, так и вернёцца». Ну, вот. А иду́ домо́й-то, го́споди, поросёнок лежи́т. Я взяла́ на сво́й-то плато́к, да, и хоте́ла поросёнка ли́цо обмы́ть, как гляжу́ – оте́ц мой лежи́т-то, весь-то, всё ме́сто чёрное. Всё-таки, я ду́маю, попа́ла, ду́маю, попа́ла, усну́ла. Опя́ть просну́лась. Чо́-то тепе́рь забыва́ть ста́ла, што мне годо́ф-то девятна́дцать-два́дцать. Вот, така́я ма́ленькая, моло́денькая ещо́ была́. Пе́рвый гот рабо́тала. Ну, вот. У́тром встаю́ и спра́шиваю техни́чки, в шко́ле ночева́ла, на но́вом ме́сте, дак. Она́ попроси́ла, мол, ночу́й у меня́, поколду́ю я тебе́. Поло́жила мне спи́цки: су́женый ря́женый приходи́, води́чки ведёрко проси́ до положи́ лоша́тку пои́ть. Ей ничё не присни́лось. А мне уот э́тот сон. Говори́т: не вы́йдешь за́муш. Неде́ли две прошло́, оте́ц-то и у́мер. Телегра́ма пришла́. Я пое́хала. Гляди́шь, идёт: «Чё, Мари́я Евла́мпьевна, со́н-то, ви́дно, в ру́ку?» Ей-то и говорю́. «Ма́тушка, я тебе́ сра́зу хоте́ла сказа́ть, да побоя́лась, што растро́илась, што у тебя́ до́ма большо́е несча́стье бу́дет». Прие́хала домо́й-то, го́споди, захожу – брат встреча́ет меня́ ста́ршенький. «Ню́ра, – говори́т, – как живо́й лежи́т». Я пошла́. Прав′ильно, как он всегда́ румя́ный был, а это ме́сто всё чёрное. Мы уж, говори́т, приводи́ли фе́льдшера. Дядя Гри́ша приходи́л, ево́ двою́родный брат. Говори́т: «Всё уж мёртвый, а застыва́ть – не застыва́ет, не остыва́ет». Я говорю́: «Дак поде́ржим ешшо́». Шу́ра прие́хал-то, брат ста́рший. «В Архáнгельске был, – говори́т, – не прие́хал ешшо́, ждём». Дак говори́т: «Нет ешшо́ родны́х, то́лько, вот, Погоре́ловские пришли́, да никово́ нет». Я говорю́: «За́втра-то, за́втра ешшо́ до́ма бу́дет. Чё, у́мер, дак мёртвый?» Дя́дя Гри́ша сказа́л: «Нет, у нево́ разры́в се́рдца. Ну, я не зна́ю, разры́в почему́, што мёртвые пя́тна весь зад и всё было мёртвое».

– А почему дрова рассыпались?

– А дрова́-то рассы́пались – мама тут **замерла́.** Тут останови́ть пришло́сь ло́шать. Пришло́сь с ма́мой вози́цца, што, ду́мали, е́ле-е́ле её, отживёт. А вот, где о́н-то лежа́л как поросёнок-то. В э́том-то ме́сте она́ то́же и замерла́. Вот два раза́. Пото́м уж очу́ствовался: упал на ка́мни каки́е-то да́ли, фе́льдшер был ту́т-то.

Об обете (74.42)

– Бабушка, поблазнить – это что?

– Пока́жецца.

– А говорят только так или ещё как-нибудь?

– То́лько **побла́знивают**, показа́лось ли, послы́шалось ли.

– А допустим, обет дают какой-нибудь?

– Обет даю́т. Я дава́ла. У меня́ нога́ боле́ла, вот. Проколо́ли мне э́тим **ныркО́м**. Таки́е ныркИ́ устра́ивают со стол удли́ной ело́вые, о́стрые. Вот, кто быстре́е и да́льше. У нас ребя́та-то ста́ршие бы́ли, бро́сили. Я стоя́ла. Мне ныро́к-то в акура́т-то и попа́л, в лоды́жку. У меня́ нога́ и заболе́ла. Я три кла́са ко́нчила. Мне в шко́лу-то в четвёртый клас за пять кило́метров на́до бы́ло ходи́ть, а нельзя́ ходи́ть-то. Я всё пла́кала. Нельзя́ мне в шко́лу ходи́ть. А ба́бушка говори́т: «Сде́лай-ка обе́т: помоли́сь на коле́нках Бо́гу, Феодо́сий Преподо́бному. Е́сли заживёт но́жка – мы с тобой к Феодо́сию схо́дим, моле́бен отслу́жим. Я ба́тюшку скажу́, моле́бен отслу́жим, е́сли у тя но́жка заживёт». Ну, вот, а то-то и научу́сь, што у меня́ тебя́ я́зва больша́я образова́лась на ноге́. А кто́-то и научи́сь, што квасцы́ – тако́й ка́мень ки́слый, как квасцы́. Ви́дно, продаю́т в апте́ках. С белко́м яйца́ натере́ть на блю́дечке и полу́чицца пе́нка бе́лая. На эту на тря́почку и привяза́ть. У меня́ бы́стро ра́нка-то очи́стилась и бы́стро затяну́ло, за́жило. Нога́-то у меня́ и зажила́. А мне и сни́тся: лежу́ я. Мы дво́е с девчо́нкой боле́ли. У одно́й девчо́нки ру́ки боле́ли так, дак все говори́ли, што **во́лос**. С ма́мой от во́лосу ходи́ла, колдова́ли. Дак в шшэлоку' поде́ржишь. То́лько я́зва сде́лалась больша́я. Да, усё. Ну, вот. Все́х-то и враче́й у меня́ оте́ц вы́водил везде́. То́лько и говоря́т, што пройдёт, пройдёт. А как пройдёт до шко́лы? Доживёшь, а не пройдёт е́сли? Зима́ начала́сь, а у меня́ одна́ нога́ не заживае́т. Нельзя́ ходи́ть. Вот, это и квасца́ми сказа́ли. На́чали лечи́ть. Нога́-то у меня́ и зажила́. Я легла́ спа́ть, ба́бушка и говори́т: дай обе́т, помоли́сь Бо́гу. Ба́ушка у нас религио́зная была́ о́чень. Я на коле́нках со слеза́ми помоли́лась Бо́гу и дала́ обе́т, што е́сли всё хорошо́ - моле́бен отслужу́, схо́дим. Вот, и пошли́. Зна́чит, сплю я, захо́дит уго́дник Феодо́сий. Я лежу́ под образа́ми, как буто уже́ умерла́. Он и говори́т: «Не тоску́й, де́вочка. Мажь но́жку-то яи́чком, с квасца́ми-то – она́ у тебя́ и заживёт». Ну, вот. Го́споди. Вста́ла. <Анна Алексеевна>: «Ба́бушка, я сёдня Феодо́сия ви́дела во сне́». – «Как?» – «Ви́дела». А я её и не зна́ю, не вида́ла ико́ны э́той, не зна́ю. Ну, вот, заживёт нога́-то, и схо́дим в це́ркофь-то к Феодо́сию день ты и ска́жешь. А часо́венка за́ шесть кило́метров была́. На́до церква́ пять киломе́тров, а, на́до ещо́ ити́ до часо́венки. Феодо́сию день и пойдём. Пришли́ к одному́. Э́тот Феодо́сий-то, э́тот, Феодо́сий-то э́тот ф це́ркофь. Нога́-то зажила́. Ба́бушка, вот, э́тот, вот э́тот мне уго́дник приходи́л. Она́ зареве́ла и грит: «Феодо́сий ба́тюшко приходил к тебе». Вот. Ба́тюшко, сказа́ла, ба́тюшко. Одному́ э́тому и слу́жим. Нога́ зажила́ у меня́ и ста́ла в шко́лу ходи́ть. Четвёртый клас ко́нчила. В Кири́лов поступи́ла.

– А когда хотят приворожить, то, как такой заговор называют?

– Не зна́ю.

– А вот, постелю отнять, это какой заговор? Поссорить?

– Нет, это полово́е бесси́лие по-нау́чному.

– А чтобы рассорить?

– Есть, говоря́т, тако́й за́говор.

– А присуха и отсуха что за заговоры?

– Не зна́ю.

– А вот, бывает, что в поле колосья скручивают? На урожай порчу наносят?

– Это не зна́ю, то́же. У нас не быва́ло слу́чаев. Со мной, то́же, был слу́чай оди́н раз. Я поко́йников-то не боя́лась хоть, не бою́сь. Сеча́с одна́, вот, остаю́сь здесь и бли́зко нет никого́ люде́й. Не бою́сь: мёртвый не тро́нет, живы́х на́до боя́ться. А Па́влика уменя́

повезли́, умер когда́, на́до ве́сти анатоми́ровать его. А весно́й у́мер, седьмо́го ма́я, дак. Шесто́го ма́я повезли́ево́. А **бездоро́жица** была́. Там есть у нас гли́няная **гору́шка**. После Зы́бошного. И ника́к ло́шадь не могла́ подня́ться в э́ту гору́шку. Его́ одноо́ оста́вили. Дво́е повезли́-то. Шу́рка, ца́рство ей небе́сное, говори́т, э́тот, Са́ша. Ево́ повезли́ они́-то. Не боя́лись поодино́чке-то оста́цца с поко́йником. О́ба и пошли́ помогать мужико́в звать, што́бы вы́вести ф гору́шку. Пока́ в Зы́бошно-то ходи́ла. Он-то один и лежа́л на теле́ге-то, поко́йник-то, но пришли́. Я всё ду́мала: он, наве́рное, в это вре́мя и вы́шел. Где-нибу́дь хо́дит тут. Те́ло-то его́ оста́лось, а душа́-то, поди́, тут и хо́дит где-нибу́дь. До о́сени дожила́. О́сенью на́до на совешша́ние ити́. А хозя́йка уе́хала: на́до но́вую кварти́ру найти́. Вот, а с председа́телем сельсове́та договори́лась, здесь сельсове́т был, што вме́сте пойдём домо́й. Я говорю́: «Ты, Григо́рий Фёдорович, иди́, а я тебя как-нибу́дь догоню́. То́лько, вот, зайду́ в оди́н дом ешшо́». Зашла́, да ба́чен-то така́я проговори́ла ви́дно до́лго. Вот, он и ушёл. Мужи́к, дак. Я всё догоня́ла, догоня́ла – ника́к не могла́ догони́ть. Дошла́ до Зау́ломской – не́ту Гри́ши, не́ту нигде́. Добежа́ла до ле́су. На́до идти́ одно́й в лес. Всё бы хорошо́: как, только, перейти́ гли́няную гору́шку? Вот. Хоть, Гы́ня напуга́л меня́. Разде́лась: боти́нки, сапоги́, непо́мню, чё бы́ло. Подо́л загну́ла, ра́ньше веть су́мок не́ было, всё узело́чки, узело́к. Ту́фельки свои́ в узело́к поло́жила. То́лько погляде́ла, што всё в узело́к поло́жила и в ру́ки взяла́. А как перешла́ гли́няную гору́шку, как доро́гу, вот э́ту, перешла́, кило́метра два? Ника́к не по́мню. Очну́лась – у куста́ стою́, в Зы́бошном про́тив шко́лы. Го́споди, а, как, же, я лес-то перешла́? А где ж гли́няная гору́шка? Я гли́няной гору́шки не вида́ла. Ника́к по лесу не вида́ла. Ничево́ не вида́ла. Очу́ствовалась: го́споди, стою́ я у куста́. Огонькй уж. Пошла́ домо́й потихо́ньку. Го́споди, ви́дно, меня́ Бог перенёс.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бас ться – наряжаться, хорошо, нарядно одеваться [СВГ, 1: 22].

Бахв л – лгун, обманщик; хвастун [СВГ, 1: 25].

Бахв литься – хвастаться [КСВГ].

Бахв лка – сплетница; хвастунья [СВГ, 1: 25]

Бездор жица – бездорожье, распутица [СВГ, 1: 27].

Бес да – вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют [СВГ, 1: 30].

В лос – по суеверным представлениям: мифическое существо, живущее в теле человека, служащее причиной его болезни [КСВГ].

Вы́шка – чердак; помещение, комната на чердаке, используемая обычно для хранения одежды, мезонин [СВГ, 1: 105].

Вя́зка – жгут, скрученный из соломы для связывания снопов, ср.: *вя́зиво* [СВГ, 1: 106].

Гологол вый – без головного убора, с непокрытой головой [СВГ, 1: 119].

Гор шка – небольшая возвышенность, холм, пригорок [КСВГ].

Гр да – малая укладка снопов ярового в поле; малая укладка льна из 10 снопов; большая укладка снопов или сена; др. [СВГ, 1: 131].

Д лгий – высокого роста; длинный [СВГ, 2: 39].

Замер ть – начать плохо чувствовать себя [СВГ, 2: 131].

Зап лстить – спутать, свалять (о волосах, нитках и т.п.) [СВГ, 2: 141].

Започин ть – починить [СВГ, 2: 142].

Зачерт ться – в святочных гаданиях: начать гадание особым ритуальным действием, провести черту, защищающую гадающего от злых сил [КСВГ].

Зимог р – бродяга, босяк, живущий случайной работой; драчун, хулиган; др. [СВГ, 2: 171].

Зимог рка – неопрятно, бедно одетая женщина; нищенка [КСВГ].

Знат к – знахарь [СВГ, 2: 174].

Кря́сло – возм., имелось в виду *пря́сло* «звено изгороди в длину жерди, доски (от столба до столба)» [СВГ, 8: 106]; ср. также: *кря́сла* «сани; боковые стенки из досок, используемые для увеличения полезной площади саней или телеги при перевозке сена, снопов и пр.» [СВГ, 4: 9].

К дес – ряженый во время святок [СВГ, 4: 12].

Лешач ха – по суеверным представлениям: лесной дух в образе женщины; жена лешего; др. [СВГ, 4: 39].

Ляп к, ляпач к – лоскут ткани, кожи; заплата [СВГ, 4: 64].

Н ймовать – брать во временное пользование за определенную плату, нанимать [СВГ, 5: 41].

Обкорз ть – обрубить сучья, ветки [КСВГ].

Об йкать – навести порчу неосторожным словом, оговорить [КСВГ].

зык – наговор, сглаз, порча [СВГ, 6: 39].

Озыч ть – навести порчу, сглазить [СВГ, 6: 39].

Оч вствоваться – выздороветь, прийти в себя [СВГ, 6: 111].

Пальт шка – утеплённая короткая женская одежда; полупатьто; куртка; др. [СВГ, 7: 4].

П нье – собир. пни [СВГ, 7: 25].

Перев чивать – скреплять прутьями колья, жерди изгороди, ср.: *перев чить* [СВГ, 7: 32].

Побл знить – показаться, почудиться, померещиться [СВГ, 7: 73].

Прик лка – английская булавка [СВГ, 8: 51].

Причёт – старинная народная обрядовая песня – плач по поводу смерти, замужества, рекрутского набора; причитание [СВГ, 8: 71].

Пров рый – проворный; умный, сообразительный; трудолюбивый [СВГ, 8: 78].

Просв тки – в свадебном обряде – завершающееся употреблением спиртных напитков сватовство, в ходе которого было получено согласие на брак [СВГ, 8: 92].

Разв ра – нерасторопный, неловкий, медлительный человек; неаккуратный, неопрятный человек, неряха [СВГ, 9: 10]

Расчерт ться – освободится от заклятья, заговора; закончить гадание особым ритуальным действием [СВГ, 9: 43].

Самох дка – девушка, вышедшая замуж без согласия родителей [СВГ, 9: 91].

Сосня́к – сосновый лес [СВГ, 10: 86].

Спорынья – злаковые растения, пораженные болезнью – спорыньей [СВГ, 10: 103].

Стень пала – о потере способности двигаться, шевелиться [СВГ, 10: 127].

Сусл н – укладка льна или зерновых из 5–11 снопов [СВГ, 10: 161].

Шепт нья – знахарка [СВГ, 12: 84].

Шля́па – сноп, надеваемый сверху на укладку снопов [СВГ, 12: 98].

§ 2. АПОЛЛИНАРИЯ ВИССАРИОНОВНА ХАРИТОНОВА

В работе диалектолога бывает великая удача – встретить собеседника, много повидавшего на своём веку, умудренного, но не сломленного жизнью, до преклонных лет сохранившего бодрость духа, ясность ума и любовь ко всему живому. Такой мы запомнили Аполлинарию Виссарионовну

Харитонову. Не один десяток лет разговаривала она со студентами Вологодского педагогического университета, сначала живя в д. Зыбошное, потом переехав в д. Борбушино. Когда Аполлинария Виссарионовна приходила на почту или за продуктами, всё вокруг приходило в движение. Звучали шутки, смех, даже автолавка приходила быстрее. В её доме всегда гостеприимно горел свет, в хлеве мычала корова, у крыльца лаяла собака, на подоконнике мурлыкала кошка, слышался детский смех, пахло свежими пирогами. Нам никогда не отказывали в разговоре: хозяйка, успевая отвечать на самые разные вопросы о крестьянской жизни, одновременно делала множество дел: хлопотала в кухне, на огороде, ухаживала за животными. Иногда, если кто-то просил разрешения подойти к корове или к овцам, Аполлинария Виссарионовна внимательно смотрела на студентов, выбирала самого, на её взгляд, спокойного и сноровистого, надевала на него рабочий халат и косынку и уже после этого подпускала к «малькам» или к «коровушке». Казалось, что добрый свет в её окнах никогда не погаснет…

Аполлинария Виссарионовна Харитонова родилась 27 января 1927 года в деревне Перхино в крестьянской семье. Детство её было трудным, как и у большинства деревенских детей. В школу, как она сама вспоминала, пришлось ходить всего одну зиму. Рано тетя Поля пошла работать, всю войну наравне с мужиками трудилась в рыболовецкой артели. Затем вышла замуж и переехала в д. Зыбошное, работала на животноводческой ферме: доила коров, ухаживала за телятами. Уже будучи на пенсии, оказалась в Борбушине: позвал Анатолий Павлович Максимов, местный тракторист, надёжный и крепкий хозяин, схоронивший несколько лет назад первую жену – хозяйку деревенского медпункта Валентину Павловну. Придя в новую семью, Аполлинария Виссарионовна сумела наладить добрые отношения с сыном Анатолия Павловича, с невесткой и внуками. По словам близких, была она «великая труженица, настоящая крестьянка, которая, несмотря на трудности судьбы, всегда была веселым, неунывающим человеком, могла спеть и пошутить».

Умерла Аполлинария Виссарионовна 13 декабря 1999 года в возрасте 72 лет. Незадолго до этого, в одну из летних экспедиций, собеседники-диалектологи сфотографировали её вместе с близкими людьми, но не успели отдать фотографии. Публикуем их в этой книге с надеждой, что тетя Поля простит бестолковых студентов, не выполнивших своевременно её просьбу.

В архиве аудиозаписей Вологодского государственного педагогического университета сохранились записи наших бесед с Аполлинарией Виссарионовной Харитоновой, сделанные в 1995–1999 годах. В этой книге представлены расшифровки записей (примерно 50 минут звучащей речи), представляющих собой диалог о крестьянском труде. Наша собеседница рассказывает о крестьянской кухне, вспоминает о своей работе в рыболовецкой артели, объясняет особенности ухода за домашним скотом. Аполлинария Виссарионовна охотно говорит о зимнем рыболовецком промысле, об уходе за животными: «*У коро́вушки молочко́ на язычке́. Как поко́рмишь, так и молочка́ полу́чишь*».

Особенность речи Аполлинарии Виссарионовны составляет локальная фонетическая окрашенность речи: слышится произношение [э] вместо [*а*] и [*и*] вместо [э] между мягкими согласными на месте под ударением (*сти, заготовл ть, с гр зью, выгон ют*), звучит неслоговой *у* на месте [*в*] перед глухим согласным (*сегод ука, даун*), регулярно представлен твердый долгий шипящий (*ишш , вы́полошшы*), заметно упрощение групп согласных на конце слова (*сь, бол сь*). Среди морфологических особенностей речи обращают на себя внимание архаичная форма глагола *дать* (*дас*), стяженные формы прилагательных и местоимений (*э́ка, я́шна, пшен шна*), нередуцированные безударные постфиксы возвратных глаголов (*ост лася, запасл ся*).

Самой заметной чертой в речи Аполлинарии Виссарионовны является обилие диалектных слов: названий блюд крестьянской кухни, процессов их приготовления, рыболовецких терминов и пр. Диалектные слова выделены в расшифровках наших бесед жирным шрифтом, их толкование приводится в

конце раздела преимущественно по данным первого издания и картотеки «Словаря вологодских говоров» [СВГ], школьного словаря вологодских говоров «Вологодское словечко» [ВС] и некоторым другим изданиям.

О рыбе (00.00)

– …А пото́м, е́сли пла́н вы́полнишь, так пре́мию даду́т, по три́дцать килогра́мм ры́бы.

– А чего с этой премией делать?

– К Нико́ле пойдём продава́ть.

– А в хозяйстве ничего не делали?

– Почему́ не де́лали? Дак это лови́ли дак. Да, лови́ли дак, по два килогра́мма.

О скоте (01.04)

– Когда вы застали корову, что нужно сделать, чтобы она молоко дала?

– Как коро́ву корми́ть бу́дешь, так у коро́вушки молочко́ на язычке́. Как поко́рмишь, так и молочка́ полу́чишь.

– Ну вот пришла коровушка из выгона, чего ей сделаете?

– Надо ей надава́ть ей. Чтоб она́ была́, пришла́ дак, чтобы чи́сто бы́ло, она сра́зу спать ложи́тся, уста́нет день.

– А доить станете, чего дальше делаете?

– Дои́ть ста́ну, прихожу́, напою́ снача́ла, а пото́м дои́ть ста́ну, пото́м подмо́ю и дои́ть ста́ну.

– Вот вы её застанете, а чего дальше-то, пошли за пойлом?

– Да, вот ещё сходи́ла за трово́й. Они́ стоя́т у забо́ра, три коро́вы, э́ко вы́гонишь ишшо, а и́сти не идя́т дак. То ли корми́ть до́сыта наве́рно, дак там она́ от огоро́да ника́к не отхо́дит. И на́ши схо́дят там постоя́т в воде́, да опя́ть тоже приду́т к огоро́ду.

– Вот они пришли, вы их загнали, чего с ними теперь делаете?

– Чё тепе́рь, надава́ла. Снача́ла напои́ла, пото́м травы́ надава́ла, пото́м дои́ть ста́ла.

– А сначала-то чего?

– Да, на́до вы́мыть, с мы́лом намочи́ть, вон сейча́с придёт из э́того, с гре́зью в ти́тьках, на ти́тьках принесёт, стра́шное де́ло. День оди́н в эту во́ду забрала́сь дак, в грезь дак, все ти́тьки расщели́лися, на́до ма́зать.

– А чем мазать будете?

– Ма́слом, э́тим, моло́чным с вазели́ном.

– Вот вы её подоили, а дальше что?

– А всё, бо́льше всё.

– А снова-то мазать не надо?

– Ма́зать ма́слом обра́тно.

– А вот когда маленьких ярушек, да баранов загнали, с ними чего надо делать?

– А с йи́ми то́же на́до, насла́ла, наклала́ травы́ и напои́ла всех.

– А во дворе трава под ногами как называется?

– **По́слань.**

– А на послань какую траву надо?

– Осо́ку.

– А отава не послань?

– Нет, ота́ву так коро́ва съест всё.

– А отава – это которая?

– Ота́ва дак, вот пе́рвый раз скоси́ла се́но, втора́я вот ота́ва расте́т.

– Тётя Поля, а можно мы вас сфотографируем на фоне вашего дома?

– Да, дак дова́й.

О еде (07.23)

– А вы кашу какую варите, густую или жидкую?

– А ка́шу дак, е́сли вот, наприме́р, каку́ю, гре́чневую, гре́чневую кашу дак, говоря́т, что лу́чше вари́ть на воде́. А я дак не ва́ривала, я всё вре́мя на молоке́ варю дак.

– Густую?

– Густу́ю.

– А жидкую не варили кашу?

– Нет, а на молоке́ то́лько друго́й раз поди́ пшённую дак, **за́всего** на молоке́ вари́ть говоря́т.

– А не скажете, что размазня?

– Да, ничё не слыха́ла, что размазня́.

– Не говорили «каша-размазня»?

– Нет.

– А густая каша как-нибудь называется?

– Густа́я дак густа́я, да и всё, как.

– А «густуха» не называется?

– Нет.

– Гуща, сальник?

– **Са́льник** опя́ть, са́льник де́лаем в э́той, како́й, как тебе́ сказа́ть..

– Латке?

– Ла́тке-то опя́ть в этой.

– А каша из гречневой муки как называется?

– А из мука́ дак я не знаю, мука́. Кру́па, гре́чневая кру́па, а из мука́ дак.

– Из крупы, из крупы...

– Да, да, да. Из крупы́ дак гре́чневая ка́ша.

– А из муки гречневой не делаете?

– Нет.

– А из овса кашу варили?

– Из овса́ овся́нка, овся́ная-то ка́ша.

– А из соломата?

– Вот из э́того же из овса́, из **соломата́**. Из соломата́, из овса́ этого, запа́рят когда́. Если из своего́, са́ми-то запа́рят дак вкусне́е этот, чё есь-то, толокно́-то, толокно́-то запа́ришь своё, из своего́-то зерна́, из овса́ вкусне́е, чем вот покупа́ем-то.

– А из гороха кашу варили?

– А горо́х, а как кисе́ль, из горо́ху кисе́ль варя́т.

– А его называют как, гороховый кисель?

– Да, горо́ховый кисе́ль. Де́лают, иду́т и горя́чий иду́т, иду́т и холо́дный. В таре́лки налива́ют и иду́т. Ра́ньше не было ви́лок, так ведь е́ли **лучёнками**, наре́жут вот эту в торе́лке эту, кисе́ль-то, холо́дный-то, да вот и иду́т, молоко́м прихлёбывают.

– Это на лученках, да?

– Да, да, да-да.

– А кашу из ячменя, из пшеницы варили?

– Из ячменя́ ак я́шня, **я́шна**-то ка́ша. Что ой на́до я́шны-то ка́ши свари́ть, но́нче ведь всё покупа́ем.

– А заваркой не называли?

– Нет, зава́ркой нет.

– А затолукой не называли никакую кашу?

– Нет.

– *А говорили «кутья»?*

– Да, да, кутья́.

– *А ещё из чего?*

– Из ри́су. Рис и ещё како́й, я́году-то как ещё называ́ют, скажи́те я́году.

– *С изюмом?*

– С изю́мом.

– *А варёный картофель как-нибудь называли?*

– А варёная так карто́шка, тушёнку де́лали, тушёнку из карто́шки де́лают, с мя́сом да.

– *А когда картошку чистите, чего снимаете?*

– **Кори́ну**.

– *А корину толстую снимаете?*

– А как кто снима́ет.

– *А как кто снимает?*

– Не зна́ю, кто как снима́ет.

– *А когда девка чистит, на что свекровь смотрела?*

– А не зна́ю, за мной свекро́вка не гляде́ла.

– *Надо толстую корину обрезать или тонкую?*

– А не знаю, как кто начи́стит. Вон но́сят кори́ны, дак кто как начи́стит. Кто начи́стит то́лстую, кто то́нкую.

– *А корины кому дают?*

– Коро́ве.

– *А поросёнку не дают корины?*

– У кого есть поросёнок дак, у меня вон о́вцы дак, овца́м да, коро́ве да, телёнку да.

– *А корины как-нибудь обрабатывают, или прямо вот берут и дают?*

– Нет, когда сыру́ю **даси́**, когда́ в ка́шу, я в ка́шу кладу́ коро́ве, зава́риваю ка́шу, дак в ка́шу.

– *А картошку жареную как-нибудь называют?*

– Жа́реная дак жа́реная и есь, жа́реная карто́шка.

– *Бывает такое мясо – бычина?*

– А почему́ не быва́ет?

– *А это от кого мясо?*

– От быка́. Быка́ заколо́ли, ак бы́чье мясо, бычи́на. Телу́шечка повкусне́е мя́со-то.

– *А телушечку закололи, так от кого мясо?*

– От тёлки.

– *Просто скажем, что от тёлки?*

– Да, от тёлки мя́со. Теля́тина ак теля́тина, не тёлка дак не тёлка, бык дак бы́чье.

– *А как у овцы новорождённый ягнёночек называется?*

– Ягнёнок.

– *А ярушка – это?*

– Яру́шка дак яру́шка, бара́шек дак бара́шек.

– *Ярушка – это самочка?*

– **Яру́шка –** са́мочка, а бара́шек дак бара́шек.

– *А когда у коровы рогов нет, как она называется?*

– Куме́лая коро́ва.

– *А вот если корова кумелая, она чем-то другая?*

– Нет, почему́, куме́лая коро́ва всегда́ быва́ет, дать молоку́ дак она хоро́шая.

– *А быки кумелые не бывают?*

– Почему́ не быва́ют, то́же быва́ют. Я вот ходи́ла на фе́рме, дак у меня́ был бык куме́лый.

– *А мясо свежее как-нибудь называется?*

– Говя́дина ак говя́дина наве́рно и есь, све́жая.

– *А свежатина или свеженина?*

– Нет, не зна́ю.

– *А убой?*

– А уб**о́**й дак, на уб**о́**й свел**и́** телёнка дак.

– *А ещё у мяса нет никакого названия?*

– Нет, наве́рно не́ту.

– *А лён от чего едят коровы?*

– Дак **лён** да он лён от **ше́йн**. Лён э́тот то́лько вот на ше́йн.

– *А шейны это у коровы или у человека?*

– У коро́вы. Зако́лешь дак у всех ше́йны.

– *А когда рыбу жарите, как-нибудь блюда называете?*

– Нет, нет.

– *Только жареная?*

– Жа́реная, да. Кака́я, ры́бу жа́ришь, е́сли щу́ка, езёну ли, ёрш ли, суда́к ли.

– *А как у рыбы новорождённые называются?*

– Как, **сегода́ука**. Это бе́гает вот друго́й раз, вот вста́нешь на о́зеро, на́ берег, ой это сегода́ука бе́гает. Если покрупне́е, дак это **лоша́к**.

– *Их тоже не ловят?*

– Ак она пройду́т в се́тки-то, в се́тки-то пройду́т они́ все.

– *А молоко, которое в печку ставят, как называется?*

– Топлёное.

– *А больше нет никакого названия?*

– Парно́е. Парно́е дак наве́рно тёплое, сейча́с подаёное, парно́е. А так э́дак топлёное.

– *А вот «устоек» чего называют?*

– А вот это вот смета́ну. **Усто́ек** дак усто́ек, он жи́денький, а смета́на дак снима́ют с ки́слого молока́, сса́дкого.

– *Сседется молоко, так это чего с ним делается?*

– А пото́м, ски́слось, дак оно и **сса́лося**, а потом ставь на твора́г в пе́чку.

– *А вот сседется, так его можно пить?*

– А почему́ нельзя́?

– *То есть сседлое молоко пить можно?*

– Да.

– *А молоко, которое снимают, как называется?*

– Э́то **подсмётки**. Из-под смета́ны дак. Это обра́та. Кто ска́жет подсмётки, кто ска́жет обра́та.

– *А подсмётки куда девали?*

– Теля́там вот, теля́там. Это обра́ту-то и вылива́ют, смета́ну вот сольёшь, сли́вки.

– *А как чаще говорят: подсмётки или обрата?*

– Дак да, ска́жут **обра́та**. Я вот вы́лила обра́ту телёнку.

– *А вот как хлеб съели, остались маленькие кусочки, их как-нибудь назовут?*

– Дак как, кро́шки ли, чё ли, брось коро́ве.

– *А если шелёха осталась или недоеденное чего, их как назовут?*

– **Оскы́рки** дак оскы́рки. Като́шка вот, бу́дешь, Лёшка, есть оскы́рки? Нет, не бу́ду, отда́й соба́ке. Это вот чего́ оста́лось на жаро́вне.

– *А оскырков обычно много?*

– Чё мно́го, ничё не мно́го.

– *Не делали у вас яичницу с хлебом?*

– Яи́чницу с хле́бом, я наре́жу пирога́, залью́ яйцо́м и поста́влю в пе́чку, да и всё. Или вот други́е дак жа́рят я́йца, пра́вда? Хлеб с я́йцами жа́рят.

– *А не говорят «селянка»?*

– А **селя́нку** дак селя́нку де́лают. А селя́нку де́лают чё, крупа́, карто́шка и яйцо́. Каку́ю-нибу́дь кру́пу бро́сишь и яйцо́.

– А что такое верхосыт?

– Да, вы́пей молока́-то на **верхосы́т**. Пообе́дали так, су́пу пое́ли, ка́шу вот э́ту са́мую пое́ли, дава́й ишо́ чай, **на верхосы́тку**-то вы́пей хоть молочка́-то, вот и всё.

– А киселя из муки не бывает?

– А почему́ не быва́ло? Кисе́ль вот, пироги́ вот испечёшь, там оста́лися дро́жжи и возьмёшь, приболта́ешь ишо, мале́нько **прису́чишь** муку́, и всё.

– А из чего у вас кисель делают?

– Кисе́ль или из овся́ной вот муки́ кисе́ль де́лают, или вот овся́нку замочи́ть.

– А сладкий кисель не звали?

– Почему́ не зва́ли?

– Просто тоже кисель?

– Да, то́же кисе́ль.

– А из гороха тоже звали кисель?

– Да, из горо́ховой муки́. А е́сли горо́х дак горо́х, свари́ли горо́х да и съе́ли.

– А гороховник не звали?

– Горо́ховник дак опя́ть, горо́ховые пироги́.

– Гороховые пироги – так это в тесто горох добавляется?

– Нет, горо́ховая мука, наме́лят горо́ху и вот бу́дут и́сти горо́ховые пироги́. Это ра́ньше-то то́лько ро́стили в колхо́зах, да дава́ли по трудодня́м.

– А когда люди пили чай или молоко, это запивон или что?

– Нет.

– А запивон когда даётся?

– Не зна́ю.

– Не бывало?

– Нет, не слыха́ла.

– А вот ежели чего-то под градусами поставят, как это назовёте?

– А поди́, е́сли пи́во.

– А не скажут, что зелье на стол поставили?

– Нет, пи́во ска́жут.

– А пиво-то какое?

– А пи́во варя́т, как те сказа́ть, из бе́ленки, из свёклы и́ли из сухаре́й вот, из сухаре́й насуша́т да залью́т водо́й, да дрожже́й накладут, да песку́, да вот.

– А как варили сладкое пиво?

– А сла́дкое пи́во дак варя́т из со́лоду, изо ржы, ро́стят и варя́т.

– Не говорили, что пиво на весёлую или веселят?

– Не зна́ю, не слыха́ла. Навеселя́ли поди́, мол, мно́го. Навеселя́лась сёдня дополна́.

– Это чего?

– Да вот, того́ же пи́ва.

– А вот ежели вино выпил стакан и охмелел, так оно какое?

– Пья́ное.

– А ежели, допустим, брага. Варили брагу?

– Да.

– А было такое, что брагу варили на всю деревню?

– А колхо́зные-то пра́здники-то вари́ли ведь пива́. Наваря́т вон це́лые бо́чки пи́ва. Ра́ньше вина́-то не бы́ло и бо́чки це́лые вари́ли, ба́нки колхо́зные да.

– А с чего начинали и что потом?

– Ак чё в колхо́зе дак поди́ ведь, наве́рно, тоже ро́стили со́лод, да пото́м вари́ли пи́во. Со́лод вы́ростят да, попа́рят да, отдоду́т кой-кому́, стару́хам, что́бы вы́ростили да.

– А самогонку гнали раньше?

– И топе́ре го́нят.

– *Её не звали как-нибудь, «спотыкач»?*

– Нет, не слыха́ла.

– *Перегонка?*

– Перего́нка дак самого́нка, да самого́нку го́нят, дак чё бо́льше.

– *Так самогонка, значит?*

– Да, самого́нка.

– *А вот которая самая первая, не скажете?*

– Нет.

– *А на меду брагу не варили?*

– Дак ить как не вари́ли, одно́ вре́мя сахору не́ было, а мёд был дак, мёд покупа́ли, мёд кла́ли.

– *А не говорили, что медовуху варите?*

– Нет, э́того дак не слыха́ла.

– *А если с одного стакана забрало, так это какое вино?*

– Это пья́ное.

– *Это крепкое?*

– Кре́пкое, да, да.

– *А не говорили, что оно забористое или занозистое?*

– Нет, забо́ристое дак ска́жут, что, ну и пи́во, забо́ристое како́е сёдне.

– *А забористое так это как?*

– Пья́ное дак, пья́ное.

– *А на чём пиво, на солоде?*

– Да, со́лод да, вот как эти в горшка́х томя́т да, пото́м из горшко́в выгоне́ют су́сло да, вот как ра́ньше-то.

– *А сусло-то это чего?*

– А вот су́сло-то из э́того, из со́лоду-то го́нят.

– *А сусло-то это первое пиво?*

– Да, пи́во-то вот нагоне́ют на пи́во-то.

– *А квас варили дома?*

– Квас вот, квас-то и пото́м-то сго́нят пе́рвое-то, а пото́м-то квас-то и быва́ет.

– *Это когда первое сусло сгонят?*

– Да, да, да. А пото́м это вот квас-то и ква́сят. Залью́т водо́й пото́м да, и квас и де́лают.

– *А на чём квас-то квасят?*

– Дак вот со́лод-то э́тот-то и ква́сят.

– *Когда квас-то квасят, солод кладут туда?*

– Да, да, со́лод да, там чё, соло́ма да, всё это муку́, муку́ там поло́жат да. И полу́чится квас.

– *А когда пиво или квас сделали, что останется густое?*

– **Дроби́на**.

– *А дробина – вот это всё худое?*

– Да, да это всё вот дроби́на-то и оста́лася, вот это квас-то дроби́на и есь, и оста́нется.

– *Так квас-то уже сняли?*

– Да, квас всё пото́м уж вы́пьют, дак скоти́не эту дроби́ну, скоти́не отдаду́т.

– *А скотина-то не хмелела после дробины?*

– Да нет, это ведь не хода́лое и есь, то́лько заква́шенное.

– *А когда человек много выпил, не скажут, что он напился?*

– Да, напи́лся.

– *А набуздырился?*

– Нет, так поди́ и ска́жут – **набуздыри́лся**, напи́лся да.

– *А не скажут, что он надрызгался?*

– Дак ить как не ска́жут, **надры́згался**, коне́чно.

– А надрызгался, так он где валяется?

– Ле́ший его зна́ет, где валя́ется.

– А не скажут, что назюзился пьяный?

– Дак зю́зя, дак как же.

– Зюзя-то назюзился?

– Да, напи́лся.

– Если он напился, то он зюзя?

– Да.

– А зюзя чего потом делает?

– Пья́ница дак.

– А вот он напился, так не скажут, что он в дрызгу или дрязгу?

– Да, как надры́згался, напи́ться – надры́згаться, дак как же.

– А кто вот он, если надрызгался?

– Да вся́ко, **пьяню́шка** да, вся́ко.

– А пьянюшек-то много было?

– Да как не мно́го.

– Или теперь много?

– Да вся́ко, вся́ко и ра́ньше бы́ло. И ра́ньше бы́ло пья́ных мно́го.

– А если он пьёт не просыхая, так это чего он делает? Не говорят, что пьянствует, бражничает?

– Да, коне́чно, как не ска́жут, пья́нствует, как не пья́нствует, ско́лько де́нег, бу́дет пья́нствовать.

– А колькой день это какой?

– А поди́ дня три болта́ется, хо́дит собира́ет по дере́вне.

– А чего собирает?

– Да вот это же вино́, пи́во, хо́дит. Ра́ньше ходи́ли ещё собира́ли, как мале́нько попадёт в нос, так и побреду́т по дере́вне собира́ть.

– А если он сегодня пил, а завтра встал, так он какой стал?

– Не зна́ю, е́сли опя́ть схо́дит зало́жит, так как.

– А если не сходит?

– А не схо́дит, дак лёжи.

– А чего с ним?

– Дак лёжит, надо опохме́литься.

– А если голова уже соображает, так не скажут, что он очухался?

– Не зна́ю, как не ска́жут, протрезви́сь хоть мале́нько-то.

– А ежели он вообще не пьёт?

– Так хоро́ший челове́к, раз не пьёт дак. Телёнок не пьёт, дак коле́ет.

– Непьюшник не назовут?

– Нет, нет.

– А когда чай пьют, чего с чаем делают, вот с заваркой?

– С зава́ркой чего́ де́лают, чай пьют дак, зава́рят да, вот и всё, пей.

– Если он пришёл с улицы, с жары, пьёт и остановиться не может, не скажут, что он бузгает воду?

– Ничё, вон бе́гают всё вре́мя, пьют да, ничё не ска́жут.

– А как про них скажут?

– Ничё не говоря́т, вон бе́гают робя́та, всё вре́мя пьют, э́ка жара́ дак, ничё никто́ не говори́т.

– А не скажут, что они набучились воды?

– Нет, ничё не ска́жут.

– Если мясо или рыбу приготовили впрок и в подвал убрали, как это всё вместе?

– Как, мно́го, ска́жут, нагото́вили, хоть мя́са ли, ры́бы ли.

– А всё вместе никак не назовут? Харчи или ещё как?

– Как, не зна́ю, мно́го загото́вили дак, запасли́ся.

– А это всё запасом не назовут?

– Как не назову́т, запасли́ся ры́бой, запасли́ся мя́сом.

– А не скажут, что припасы? А запас?

– А запа́с дак как, вот с о́сени запаса́ешь, колёшь животи́ну дак, тушёнку де́лаешь да, буты́ли вот засоли́ли да, всё.

– А капусту рубите?

– Да.

– А как капусту рубите?

– Как, то́же ква́сят.

– А перед тем как квасят-то, её как рубят?

– Ру́бят э́той, **секачкой**.

– А секачка какая?

– А секачка желе́зная.

– А она толстая или как ножик?

– Нет, она э́ка вот кру́глая и с ру́чкой, вот так каду́шки и ру́бишь.

– А это скажут насечёшь или нарубишь?

– Ру́бишь, ру́бишь дак. Ру́бишь ли, сечёшь ли.

– Назовут это кислой капустой или квашенной?

– А кто ква́сит, я не зна́ю, ква́шена ли, ки́сла ли, ки́сло дак, ква́сили да, наруби́ли да, дёржим не оди́н день дак, ква́сим дак.

– А квасить можно только капусту?

– Я не зна́ю, ишо́ чего́ ква́сить.

– А вот ежели у меня суп худой стал, то оквасился или нет?

– Дак ить как не проки́с, проки́с дак.

– Прокис, скажут?

– Да.

– А оквасился суп, не скажут?

– Да, **ква́сился** как, ква́сился. Проки́с да, суп-то проки́с, не ста́ну и́сти, дак ки́слый.

– А чего, тётя Поля, может окваситься?

– Ква́ситься дак не зна́ю чё.

– А капуста оквасится?

– Да, ква́сится, ки́снет.

– А вот огурцы вы солите, огурцы съели, а чего осталось?

– Чё тебе́ сказа́ть-то, как его́ назва́ть-то. В буты́ле остаётся э́то.

– Эта жидкость-то?

– Да, вода́-то, вода́-то как, не зна́ю.

– Не скажут засол?

– Да, россо́л, россо́л оста́уся. У меня́ вон повезу́т де́вки в Мурма́нск, дак россо́л вы́льют, а огурцы́ укла́дывают в мешо́чек, а россо́л оставле́ют, вы́льют. Там до́ма де́лают россо́л.

– Тётя Поля, а муку раньше из чего делали? Белую или чёрную, какая мука раньше была?

– А ра́ньше чего́, моло́ли, на себе́ моло́ли, на свои́х жорнова́х дак, пшени́цу дак, пшени́цу. Хоть рожь, хоть ячме́нь, до́ма моло́ли дак.

– А из пшеницы-то как звали муку?

– Пшени́шная.

– А изо ржи?

– Ржана́я.

– А из ячменя?

– Я́шная.

– *А из гороха?*

– Горо́ховая.

– *Так это всё вот так, значит?*

– Да, из ячменя́ я́шная, из овса́ овся́ная.

– *А когда пироги готовят, тесто ходелое делают, чего туда кладут?*

– Дро́жжи, чё у нас, смета́ну, ма́сло.

– *А в чём всё это замешивают?*

– Да в кри́нке, кто в чём поди́, у меня́ ак вон ведро́.

– *А когда пекут чего-нибудь , не скажут «я печенье делаю»?*

– Пече́нье дак де́лают из оги́бки, пече́нье де́лают из оги́бки.

– *А из огибки, так это из чего?*

– Из мукй из как-нибу́тной, пшени́шна ли, бе́лая, топе́рь-то не́ту пшени́шных, всё одна́ бе́лая дак.

– *А огибка-то это тесто?*

– Да, те́сто то́же заме́шивают в чём-нибу́дь, в молоке́ ли, в смета́не ли де́лают.

– *А белый хлеб как назовут?*

– Как, бе́лый хлеб дак ра́ньше называ́ли си́тним, паклева́нным.

– *А паклеванный это какой?*

– Бе́лой.

– *А он на вкус-то какой?*

– Как тебе́ сказа́ть, вкус дак, наве́рно, чё-нибу́дь тут ло́жат в его́, мы ить са́ми не печём его́.

– *А дома-то паклеванный хлеб не делают?*

– Нет, нет, нет.

– *А из муки-то из белой?*

– Ага, из бе́лой, я и хле́ба не пеку́, я всё пироги́ дак, ничё никогда́ не пеку́.

– *А из тёмной муки как хлеб звали?*

– Изо ржано́й-то?

– *Да*.

– Изо ржано́й, дак ржано́й.

– *Ржаной?*

– Ага, ржано́й хлеб.

– *А был хлеб из овсяной муки?*

– Дак ить поди́ приме́шивали, из овся́ной поди́ хлеб худо́й, хоть я́шной, то́же худо́й.

– *А что худое остаётся?*

– **Одо́нки**.

– *Одонки?*

– Да.

– *А если от еды что-то осталось, что это?*

– Оста́тки.

– *А «помои» не скажем?*

– А помо́и дак, помо́и – это коро́ве, помо́и, мо́ешь посу́ду дак, поэ́тому помо́и, а соба́ке понесли́ оста́тки, пое́ла да оста́тки.

– *Тётя Поля, а ошурки – это чего?*

– **Ошу́рки** – это ошу́рки, вот зако́лят скоти́ну, и са́ло, из са́ла выта́пливают эти ошу́рки, ошу́рки эти называ́ются.

– *Тётя Поля, а ополоски не назовут?*

– **Ополо́ски** дак ить ополо́ски, вот чё-нить мо́ешь, дак ополо́ски, опе́ть ополо́ски, вы́плесни, грит, коро́ве, вы́полошшы, брось, вы́лей коро́ве.

– *А корове колоб понесли, а колоб-то из чего?*

– А **ко́лоб** быва́ет из льняно́го си́мя или из подсо́лнуха.

– А вот симя взяли, чего дальше?

– А выжима́ют, выжима́ют.

– Масло-то куда идёт?

– Выжима́ют этот ко́лоб, выжима́ют и си́мя, поджа́ривают его, и зала́живают мешо́к, и заколо́чивают, это я ви́дела в Дитя́теве, де́лали когда́.

– А колоб-то – это которое осталось?

– Да, вы́жали, чё оста́лося, оста́лось в мешке́ чего́, вот это вот ко́лоб и есь.

– А непропечённый хлеб как-нибудь называется? Или пироги непропечённые?

– Непропечённый дак сыро́й.

– А оля́быш не назовут его?

– Дак **оля́быш** дак, оля́быш, а оля́быш испечёшь, у тебя́ поди́ оста́лося те́сто дак, а от я сёдня оля́быш испекла́, на́те пое́ште. Чё-нить э́ко вы́скыркаешь да сде́лаешь, ой оля́быш оди́н оста́лся, на́те э́то робя́та.

– Тётя Поля, а вот скыркать чего можно?

– Чё, **скы́ркаешь** те́сто, из ведра́ **вы́скыркаешь**.

– А кашу из кастрюли тоже выскыркаешь?

– Да, да-да-да, да, то́же вы́скыркаю, а то́же вот дам кому-нибу́дь, соба́ке ли, ко́ли они́ не бу́дут робя́та и́сти.

– А непропечённый хлеб ока́лом не назовут?

– А как быва́ет ить, а ока́лом хлеб дак, это сел на ни́жнюю ко́рку.

– А сел на нижнюю корку – это как?

– А чё-то недоходи́л, ве́рно, недохода́лое это те́сто дак, это сел на ни́жнюю ко́рку, недохода́лой дак как варёной.

– Тётя Поля, а вот если на краишке кастрюли или крынки от молока пенка осталась, там мне отскыркивать её надо или так можно есть?

– Коне́чно **отскы́ркивать**, как, лиза́ть бу́дешь?

– Надо отскыркивать?

– Да, отскы́ркивать.

– Это оскырки будут?

– Дак а чё не оскы́рки, **оскы́рки** я оскы́ркала.

– А что я делала, скыркала?

– Да, скы́ркала, вы́скыркала да вы́мой, вот и всё.

– А чем скыркают?

– Но́жиком.

– А не говорят, что я выскыркиваю эту крынку?

– Да, кри́нку вы́скыркаешь.

– А до́лго вы́скыркивать по́сле те́ста?

– А те́сто дак, как, вы́скыркаешь те́сто да, воды́ нальёшь да, ведро́ вы́моешь да, вот и всё, коро́ве вы́льешь по́йло, оста́тки, да вот.

– А крошка хлеба как называется?

– А кро́шка, дак кро́шка и есь.

– А другого нет названия? Крохотина, допустим?

– Нет, нет, кро́шка дак кро́шка и есь.

– А крошенина?

– **Крошени́на** дак, в молоко́ накроши́ли, в суп накроши́ли, е́сли ухи́ сва́ришь дак, я люблю́ крошени́ну дак.

– Тётя Поля, а баранки пекли раньше?

– Да.

– А вот так вот и звали – баранки?

– Да, бара́нки.

– А как баранки пекли?

– Вот пекли́ бара́нки друго́й раз, вот е́сли охо́то дак вот, пусть, скида́ешь, наката́ешь да в горя́чую во́ду эти, как тебе сказа́ть, опа́рыши.

– *А потом?*

– Вот оно́ оварили́ся, вынима́ю на эту, на чё, как...

– *На сковородку?*

– Да, да, на сковороду́, на жаро́вню клади́ да в пе́чку, вот и всё.

– *Это опаршей?*

– Да, опа́рышей.

– *А которые побольше как называются? Калачи ли?*

– Поди́, бу́блики.

– *А витушкой не называется?*

– Витý шки дак это поди́ плю́шки – витý шки.

– *А когда хлеб засушили, чего стало с ним?*

– Ак сухари́, **заве́трел**.

– *А чего ещё заветреть может?*

– Ак всё заветреет. Пода́й, поло́ж да мя́со заве́трело, ры́ба заве́трела, всё заве́трело.

– *А вот рыба заветрела так это как?*

– Засо́хла дак, на со́лнышко дай друго́й раз попадёт, не оберёшь со стола́, она́ заве́трела.

– *А обрать со стола сразу нужно, как поел?*

– Да.

– *А если не обрал?*

– А если не обра́л, так вот и заве́трело.

– *А вот пряников не бывало раньше, из города не привозили?*

– Да.

– *И так пряниками и звали?*

– Да, пря́никами.

– *А медовики или печатные пряники бывали?*

– А не зна́ю, я не вида́ла ни медо́виков, ни печа́тных. Э́ти-то пря́ники всё во́зят да.

– *А не бывало, что печенье в печке пекли?*

– Почему́ не быва́ло? Вот то́же на оги́бку сде́лать да стака́нами наре́зать на жаро́вне.

– *И получается печенье?*

– Пече́нье, да, на́до в их то́же поло́жить чё-нибу́дь.

– *Тётя Поля, а пряженики не делали?*

– Пряже́ники – нет.

– *А говорили «покатушки делать»?*

– Нет, ничё не де́лали, не слыха́ла, не де́лывала.

– *Тётя Поля, а глухие пироги – это какие?*

– Я не зна́ю то́же глухи́е пироги́.

– *А чего у пирога внутрь кладут или сверху наливают?*

– Дак ить твороо́жники, карто́нные **налиту́шки**, твороо́жная налиту́шка, я́годники.

– *А налитушка – это которые сверху налиты?*

– Да, да.

– *А внутрь если кладут начинку, как скажут?*

– А внутрь дак я не зна́ю, чё поло́жишь вну́трь.

– *А яйцо если внутрь, морковь?*

– А морко́вники да, морко́вники де́лаешь.

– *Вот если сверху начинка – налитушка, а если внутрь?*

– Я не зна́ю чё, то́лько вот кро́ме морко́вки в серёдку поло́жить, а бо́льше дак чего́ поло́жить не зна́ю. У меня́ ак всё смета́нники или каки́е.

– *А пустыри?*

– Да, **пустырй́** да, раз одна́ смета́на дак, бо́льше ничё и нет.

– А если с грибами?

– А не зна́ю, я не пеку́ дак. Волну́шники-то, волну́шники, наприме́р.

– С волнушками?

– Да, с волну́шками е́сли.

– А если с другими грибами?

– Я не пека́ла да, не еда́ла с грибо́ми.

– А с луком?

– Не де́лала, кро́ме ры́бников. Сёдня вот е́здили, ходи́ли, принесли́ ма́леньких.

О рыбалке (49.34)

– Тётя Поля, мы знаем, что вы рыбачка. Расскажите нам, как ловят рыбу?

– Ры́бу как ло́вят? А как вам снача́ла расскаа́ть?

– Вот как собираетесь, как рыбу ловят?

– Снача́ла о́сенью заготовле́ют **мерёжки**, вя́жут мерёжки, свя́жут, пото́м не́вод сошью́т, а пото́м вот выезжа́ют на о́зеро, когда́ засты́нет о́зеро, лёд, а нет друго́й раз ле́том, о́сенью, по два́дцать челове́к на ло́дку ло́вят. На́до на крыле́ что́бы де́сять челове́к, и на друго́м. А зимо́й три́дцать челове́к ло́вят, то́же там, потому́ что зимо́й бо́льше на́до **пе́шать** да, вот как на жердь гони́ть да.

– А пешать зачем?

– А пе́шать, вотпе́шмя и ды́ры-то пе́шать. На́до мно́го, вот **заро́н** сде́лаем, а пото́м во́семь от заро́ну э́тих дыр э́тих сде́лают, а пото́м то́же больш у́ю.

– А зарон это чего?

– А вот не́вод-то зара́нивают, а пото́м зу́бка, в берегу́ сде́лают зу́бку, вот в зу́бку выте́гивают не́вод, вот **же́рники** приду́т, снача́ла **пешкари́**, а пото́м же́рники, а пото́м уж не́вод придёт, снача́ла верёвки, пото́м не́вод придёт в зу́бку.

– А как одевались?

– А одева́лись это, одева́лись зимо́й дак одева́лися в фуфа́йки, штаны́, в сапоги́ дли́нные.

– А на руки?

– А на́ руки ко́жанки, вот шьют из ко́жи.

– А сколько человек зарон заранивают?

– Четы́ре челове́ка на заро́не, а пешкаре́й...

ПРИМЕЧАНИЯ

Вы́скыркать – выскоблить, скобля, сделать чистым и гладким [СВГ, 1: 99].

Дроби́на – густой осадок, остающийся после приготовления пива, браги [СВГ, 2: 56].

Же́рдник – рыбак, который при подводном лове продвигает жердь с сетью или неводом подо льдом, ср.: *жердог н* [СВГ, 2: 84].

Заве́треть – зачерстветь (о хлебе) [СВГ, 2: 101].

Заро́н – вероятно, погружение сети под лёд (со слов информанта).

Карто́вный – картофельный [ВС: 106].

Ко́лоб – остатки семян льна после выжимания из них масла, жмых [ВС: 120].

Кори́на – кожура овощей и фруктов [ВС: 123].

Крошени́на – жидкая похлёбка (суп, молоко) с накрошенным хлебом [СВГ, 4: 3].

Ла́тка – глиняная посуда, употребляемая для жаренья; глиняная посуда, употребляемая для варки; кринка для молока; большая глиняная посудина, род квашни для замешивания теста [СВГ, 4: 32].

Лён – жилистая часть мяса, употребляемая в пищу в варёном виде [СВГ, 4: 36].

Лоша́к – животное или рыба второго года жизни, ср.: *лонш к* [СВГ, 4: 47].

Луче́нка – лучина, ср.: *луч на* [СВГ, 4: 55].

Мерёжка – ячеистая сеть, ср.: *мер жа*, сев., вост. [Даль, II: 319].

Набузды́риться – напиться вдоволь [СВГ, 5: 22].

Наверхосы́тку – после утоления голода, в конце приёма пищи, на десерт [СВГ, 5: 25].

Надры́згаться – напиться пьяным [СВГ, 5: 36].

Налиту́шка – открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху политый жидкой картофельной, ягодной или крупяной начинкой; выпекался обычно на сковородах [СВГ, 5: 49].

Обра́та – обезжиренное молоко, обрат [СВГ, 6: 3].

Одо́нок – осадок на дне сосуда от масла, кваса; остатки, получаемые при вытапливании масла; остаток какой-либо жидкой пищи [СВГ, 6: 28].

Оква́ситься – стать кислым, прокиснуть [СВГ, 6: 41].

Оля́быш – небольшой круглый хлеб, каравай; небольшой круглый хлеб из остатков теста [СВГ, 6: 53].

Опол ски – остатки какой-либо жидкой пищи [КСВГ].

Оскы́рки – остатки пищи, соскобленные со стенок посуды [КСВГ].

Отскы́ркивать – отчищать скоблением, соскабливать [КСВГ].

Ошу́рки – шкварки [СВГ, 6: 115].

Пе́шать – специальной пешней долбить лёд и делать лунки для подлёдного лова, а также проруби для полоскания белья и добывания воды [СВГ, 7: 56].

Пешк рь – тот, кто пешней долбит лёд и делает лунки для подлёдного лова, ср.: *пеш рь* [СВГ, 7: 56].

Подсмётки – жидкость, остающаяся после сбивания масла, пахта, ср.: *подсмётанье* [СВГ, 7: 111].

По́стлань – солома, плохое сено для подстилки скоту [СВГ, 8: 11].

Прису́чить – добавить, примешать (муку, крупу) [СВГ, 8: 65].

Пусты́рь – выпечное изделие без начинки, ср.: *пусты́шка* [СВГ, 8: 110].

Пьяню́жка – пьяница [СВГ, 8: 114].

Расщели́ться – растрескаться, ср.: *расщеля́ться* [СВГ, 9: 44].

Са́льник – каша, приготовленная с добавлением сала в русской печи; любая каша, приготовленная в русской печи [СВГ, 9: 87].

Сегода́вка – молодая рыба, ещё не достигшая своей нормальной величины, молодь; молодое животное, родившееся в этом году [СВГ, 9: 114].

Сека́чка – орудие для рубки, сечки чего-нибудь [СВГ, 9: 117].

Селя́нка – яичница из взболтанных с молоком или водой яиц; кушанье из мелкой рыбы или мяса, залитых яйцом; кушанье из яиц, картофеля, пшена и сметаны, запечённое в русской печи [СВГ, 9: 118].

Скы́ркать – скоблить, скрести, убирая что-то с поверхности; скрести, очищая от верхнего слоя; др. [СВГ, 10: 40].

Соломá́т – каша из овсяной крупы с маслом или жиром, приготовленная на воде, ср.: *салам т* [СВГ, 9: 86].

Усто́ек – верхний, густой и жирный отстой молока, сливки [СВГ, 11: 146].

Ш йна – шея [СВГ, 12: 81].

Яру́шка – детёныш овцы, ярочка [СВГ, 12: 138].

Я́чный – сделанный, приготовленный из ячменя, ячневый [СВГ, 12: 141].

§ 3. НИНА АРСЕНТЬЕВНА ИСАКОВА

Как далеко могут завести диалектологов поиски собеседников, сохранивших народный говор? Можно пройти несколько деревень ради одной беседы. Одной из таких удачных бесед и стала встреча в д. Плахино с Ниной Арсентьевной Исаковой летом 2013 года.

Пла́хино – это небольшая деревня в 14 километрах от Кириллова и в 4 километрах от Ферапонтова, сейчас эта деревня относится к Ферапонтовскому сельскому поселению. В последние годы в Плахине постоянно проживает один человек. Но весной и летом Плахино оживает: возвращаются старожилы, их дети и внуки, приезжают дачники, которые ценят прекрасную природу здешних мест, уединенность в сочетании с близостью исторических мест – Кириллова и Ферапонтова – с их знаменитыми историко-культурными памятниками.

Нина Арсентьевна Исакова, как и многие ее бывшие односельчане, теперь в родной деревне бывает только летом. В настоящее время она постоянно живет в городе Мончегорске Мурманской области. Градообразующим предприятием в этом городе является горно-металлургический комбинат «Североникель», на котором Нина Арсентьевна проработала много лет и о котором много рассказывала нам во время экспедиции.

Рассказы Нины Арсентьевны интересны, местами забавны, иногда трагичны. Рассказчица даёт проницательные характеристики героям своих историй, говорит о своей жизни, о своих родственниках, о старом укладе деревенского быта, о своих многочисленных трудах и немногих радостях. Удивляет и восхищает оптимизм Нины Арсентьевны, ее стойкость перед жизненными трудностями, заботливость по отношению не только к родным и близким, но и ко всем людям, ее стремление сохранить независимость.

Нина Арсентьевна родилась в 1928 году в большой многодетной семье. Жизнь была тяжелой, после смерти отца семейства поднимать восьмерых детей пришлось матери Нины Арсентьевны. Училась Нина в сельских

школах Борбушина (с 1 по 4 класс) и Ферапонтова (с 5 по 7 класс), потом работала в Кирилловской типографии наборщиком, а после увольнения из типографии уехала из родной деревни в Мончегорск. Там Нина Арсентьевна работала «землекопкой», помогала грузчикам, работала в гараже.

Семейная жизнь Нины Арсентьевны тоже не была безоблачной. В 2006 г. она потеряла мужа. О своей дочери она горько говорит – «спилась» (запись «Как свадьбы справляли»), но Нина Арсентьевна не отчаивается и ищет различные способы помочь дочери справиться с этой страшной зависимостью (запись «Как боролась с пьянством дочери»). Также Нина Арсентьевна много помогает своим внукам и гордится их успехами.

Наша собеседница, прожив большую часть своей жизни «на северах», сохранила многие черты родного говора. В её речи слышится предударное и заударное оканье (*хорошо́, пото́м-то*), изменение качества [*а*] и [э] между мягкими согласными (*оп’э́ть, зд’ил’и*), мягкое цоканье (*зац’э́м, о́тц’эству*), долгий твердый шипящий (*ишшо́, настойа́шшо, кла́дб’ишшэ*), утрата интервокального *j* в заударной позиции (*разгова́р’ивать, са́моэ*), упрощение сочетаний согласных на конце слова (*йэс’*). Среди морфологических явлений заметно отсутствие редукции возвратных постфиксов (*учи́лас’а мы́л’ис’а заблуд’и́лас’а*). Из синтаксических явлений, свойственных говорам этой территории, обращают на себя безличные конструкции с дополнениями в форме именительного падежа (*карт шка-то уж в дно*).

Далее приводятся расшифровки записей речи Нины Арсентьевны Исаковой, которые были выполнены в июле 2013 года во время диалектологической экспедиции в Кирилловский район. Диалектные слова, которые были зафиксированы в ходе беседы, выделены жирным шрифтом. Их значения прокомментированы в конце раздела с опорой на лексикографические источники.

Как теперь живём

– Ну вот, а теперь мы живём – дай боже. Я всё этот ругаюся, как другие обижаются на жизнь. Я говорю: «Уж теперь на жизнь обижаться: пьем-едим только, что хотим. Если я

не хочу, дак я и в рот не возьму. Уж теперь-то мы жить начали – дай боже. Это у нас – я же с Севера, с Мончегорска – туто одна из нас (ну тоже землячка, вместе работали) и говорит у меня соседка: «Спасибо мужикам, что деньги дают», – она грит. – «А каким мужикам-то спасибо?» – «Путину да Медведеву», – говорит. Ну дак кто-то спасибо говорит, а кто-то... Ой, Господи...

[ну вот / а т’эп’э́р’ мы жыв’о́м / дай бо́жэ // йа́ вс’о́ э́тот руга́йус’а / как друг’и́йэ об’ижа́йуцца на жыз’н’ // йа́ гр’у́ / уш т’эп’э́р’ на жыс’ об’ижа́цца // п’йом-йид’и́м то́л’ко / шт’о хот’и́м // йэ́сл’и йа н’э хоц’у́ / дак йа и в рот н’э воз’му́ // уш т’эп’э́р’-то мы жыт’ на́ц’ал’и / дай бо́жэ // э́то у нас / йа жэ с с’э́в’эра / с мончэго́рска / ту́то одна́ из нас / ну то́жэ з’эмл’а́ц’ка / в’м’э́с’т’э рабо́тал’и / и говор’и́т у м’ин’а́ сос’э́тка // спас’и́бо мужыка́м / што д’э́н’г’и дайу́т / она́ гр’ит // а как’и́м мужыка́м-то спас’и́бо // пу́т’ину да м’эдв’э́д’эву / говор’и́т // ну дак кто́-то спас’и́бо говор’и́т / а кто́-то // ой / го́спод’и //]

Как не называть по отчеству

– Ой, да по отчеству... Слушай, я ходила в это, на кройку шитья. У меня тоже рядом сидела одна. Я не люблю это. Ну я работала – землекоп-бетонщик. Я не люблю, чтоб меня по отчеству... а потом номер расскажу такой. Работала в гараже. Меня направили там: ну вообще на пенсию. А начальник всё подходит ко мне, разговаривает, и он меня – Нина Арсентьевна, а я говорю: «А я не люблю, когда меня...» Ой ты господи! После того он не стал ко мне подходить, потому что ему неудобно Ниной назвать, а я – ну а что делать, если у бабки уже ума не хватает. Ну тогда-то ещё была не бабка! Ну что делать...

[ой да по о́тц’эству / слу́шай йа ход’и́ла в э́то / на кро́йку шыт’йа́ // у м’ин’а́ то́жэ р’а́дом с’ид’э́ла онна́ // йа н’э л’уб’л’у́ э́то // ну йа рабо́тала / з’эмл’эко́п-б’это́нш’ик // йа н’э л’уб’л’у́ / штоп м’ин’а́ по о́тц’эству // а пото́м но́м’эр расскажу́ тако́й // рабо́тала в гаражэ́ // м’ин’а́ напра́в’ил’и там / ну вопш’э́ на п’э́н’с’ийу // а нача́л’н’ик фс’о потхо́д’ит ко мн’э / разгова́р’ивать / и он м’ин’а́ / н’и́на арс’э́н’т’йэвна / а йа гр’у́ / а йа н’э л’уб’л’у́ / когда́ м’ин’а́ // ой ты го́спод’и // по́сл’э тово́ он н’э стал ко мн’э потход’и́т’ / потому́ што йэму́ н’иудо́бно н’и́ной назва́т’ / а йа / ну а што д’э́лат’ / йэ́сл’и у ба́пк’и ужэ́ ума́ н’э хвата́йэт // ну то́гда-то ишшо́ была н’э ба́пка // ну што д’э́лат’]

Как потеряла работу и уехала

– Ну а жизнь была в то время неважная. Сестра была бригадиром, старшая. Вроде работы не хватало, чё-то стали, а потом-то, а потом-то не из-за этого я и уехала, а я уехала. Я работала в то время в Кириллове в типографии, наборщиком уже работала... А тогда, ты знаешь, это, мама, завидущие-то на работу... А в выходной пришла, а посылали тогда тоже там куда-то на выходной работать, она меня не отпустила: «Я тебе справку достану». Ну вот справку-то она мне достала, а начальник-то был злой. Он меня, как говорится, уволил. Ну уволил, дак я, это, и уехала.

[ну а жыс’ была́ ф то вр’э́м’а н’эва́жнайа // с’эстра́ была́ бр’игад’и́ром / ста́ршайа // вро́д’э рабо́ты н’э хвата́ло / чо́-то ста́л’и / а пото́м-то / а пото́м-то н’э из-за э́тово йа и уйэ́хала / а ай уйэ́хала / йа рабо́тала ф то вр’э́м’а ф к’ир’и́ллов’э / ф т’ипогра́ф’ийи // набо́ршшыком ужэ́ рабо́тала // а тогда́ / ты зна́йэш / э́то / ма́ма / зав’идущшыйэ-то на рабо́ту // а в выходно́й пр’ишла́ / а посыла́л’и тогда́ то́жэ там / куда́-то на выходно́й рабо́тат’ // она́ м’ин’а́ н’э отпуст’и́ла / йа т’иб’э́ спра́фку доста́ну // ну вот спра́фку-то она́ мн’э доста́ла / а нача́л’н’ик-то был злой // он м’ин’а́ / как говор’и́цца / уво́л’ил // ну уво́л’ил дак йа / э́то / и уйэ́хала]

Как учительствовали

– Вчера с последнего дому, дак это, Неля говорила, что девочки вроде учились у Ольги Павловны с Борбушина. Учитель... Ну учительницы дочка – первая деревня отсюда. Ну она учительствовала: за Горицы туда куда-то ездила. Ну давай, миленькая, чего там тебе? Что?

А у нас была вот Ольга училася, учительница – Любовь Александровна, очень хорошая женщина. А потом ушла в цех, ну а потом что-то разговаривала, что не понравилось, что зря. Она учила по четвертый класс, а потом она заочно училася, уже стала старшие классы. Хорошая учительница.

[фчэра с посл’э́д’н’эво до́му дак / это н’э́л’а говор’и́ла / што д’э́вочк’и вро́д’э учи́л’ис’а у о́л’г’и па́вловны з борбушына́ // учи́т’эл’ // ну / учи́т’эл’н’ицы до́чка / п’э́рвайа д’эр’э́вн’а отс’у́да // ну / она́ учи́т’эл’ствола / за гор’и́цы туда́ куда́-то йэ́зд’ила // ну дава́й / м’и́л’эн’кайа / чэво́ там т’иб’э́ / што //

а у нас была́ вот о́л’га учи́лас’а / учи́т’эл’н’ица / л’убо́ф’ ал’экса́ндровна / о́чэн’ хоро́шайа жэ́ншшына // а пото́м ушла́ ф цэх / ну а пото́м што́-то разгова́р’ивала / што н’э понра́в’илос’ / што зр’а // она́ учи́ла по чэтв’о́ртый класс / а пото́м она́ заочно учи́лас’а / ужэ́ ста́ла ста́ршыйэ кла́ссы // хоро́шайа учи́т’эл’н’ица]

Как считаем возраст

– Вот я вчера девочкам сказала, спросили. А вы считайте, девочки, а то я навру. Я с двадцать восьмого года. Вот дак, отними настояще. Это соседка сказала. Отними двадцать восемь, с двадцать восьмого.

– *Восемьдесят пять лет.*

– Ну вот, а я ей сказала: «Чё-то вроде девяносто пять». Она говорит: что ты, уже, говорит, то есть семьдесят пять». А она говорит: «Что ты уже моложе меня?». Ладно, я говорю.

[вот йа фчэра́ д’э́вочкам сказа́ла / спрос’и́л’и // а вы ш’ш’ита́йт’э / д’э́воц’к’и / а то йа навру́ // йа з два́ццат’ вос’мо́во го́да // вот дак / отн’им’и́ настойа́шшо // э́то сос’э́тка сказа́ла / отн’им’и́ два́ццат’ во́с’эм’ / з два́ццат’ вос’мо́во //

во́сим’д’ис’ат п’ат’ л’эт //

ну вот / а йа йэй сказа́ла / чо́-то вро́д’э д’эв’ано́сто п’ат’ // она́ гр’ит / што ты / ужэ́ гр’ит / то йэс’ с’э́м’д’эс’ат п’ат’ // а она́ гр’ит / што / ты ужэ́ моло́жэ м’ин’а́ // ла́дно / йа гр’у]

Как о лешем читала

– Леший... Вот раньше ещё молодая была, раньше говорили, что вот у нас озеро, за озером там раньше он ещё песни пел, а потом у меня книга куплена. Подожди. Ой, название забыла, как. Дак я вот её читала, девочки, так если её почитать, дак и не уснёшь. Что там и леший есть, и домовой, и всё такое, что и вот это в озере купаются, и бывает, что как тонут, и вот эти с ними живут, ну вот такое всё. Не буду рассказывать, а то, знаешь, и вы не уснёте.

[л’э́шый // вот ра́ншэ ишшо́ молода́йа была́ / ра́ншэ говор’и́л’и / што вот у нас о́з’эро / за о́з’эром там ра́ншэ он ишшо / п’э́с’н’и п’эл / а пото́м у м’ин’а́ кн’и́га ку́пл’эна // подожд’и́ // ой / назва́н’ийэ забы́ла / как // дак йа вот йийо́ чита́ла / д’э́воц’к’и / так йэ́сл’и йийо́ почита́т’ / дак и н’э усн’о́ш // што там и л’э́шый йэ́с’ / и домово́й / и фс’о тако́йэ / што

и вот э́то в о́з’эр’э купа́йуцца / и быва́йэт / што как то́нут / и вот э́т’и с’ н’им’и жыву́т / ну вот тако́йэ фс’о // н’э бу́ду расска́зыват’ / а то / зна́йэш / и вы н’э усн’о́т’э]

Как домовых видели

– А вот это я слыхала один раз, что вроде зашла в баню (ну а там уже много мылися, а она последняя), она зашла в баню, а там вот эти, эти как нечистая. Ну она пришла да моется, чё там в бане нужно там помыть. Женщина зашла, а она... А как, говорит, зашла, так и выходи!

А потом услыхала, девки, если я вам наговорю, вы и не уснёте. Одна женщина родила, роженица, там надо мыть. Ну её этот в баню-то они пришли с ребёнком. Она мать-то и говорит: «Мама, не уходи!» Она уже что-то это чувствовала. И, милая моя, мать и ушла. Она пришла, мать-то это, роженица-то мёртвая.

[а вот это йа слыха́ла од’и́н рас / што вро́д’э зашла́ в ба́н’у // ну а там ужэ́ мно́го мы́л’ис’а / а она́ посл’э́д’н’айа // она́ зашла́ в ба́н’у / а там вот э́т’и / э́т’и как н’эчи́стайа // ну она́ пр’ишла́ да мо́йэцца / чо там в ба́н’э ну́жно так помы́т’ // жэ́ншына зашла́ / а она́ // а как / говор’и́т / зашла́ / так и выход’и́ //

а пото́м услыха́ла / д’э́фк’и / йэ́сл’и йа вам наговор’у́ / вы и н’э усн’о́т’э // одна́ жэ́ншына род’и́ла / рожэн’и́ца / там на́до мыт’ // ну йийо́ э́тот / в бан’у́-то / он’и́ пр’ишл’и́ /с р’эб’о́нком // она́ ма́т’-то и говор’и́т / ма́ма / н’э уход’и́ // она́ ужэ́ што́-то это чу́ствола // и м’и́лайа мойа́ / мат’ и ушла́ // она́ пр’ишла́ / ма́т’-то э́то / рожэн’и́ца-то м’о́ртвайа]

Как к бабушке ходила

– Мы жили в бараке в одном доме, и потом получилося. Он работал, муж её, высоковольтником, он должен привязаться, а не привязался, и упал. Упал, и его до больницы не довезли, и он помер. Ну вот. Ну это на самом деле было.

Ну вот, и я этот, ну а мы очень хорошие знакомые, жили в одном доме – в одном бараке. Я прохожу, а бабушка и говорит: «Не спит и не ест ничего» (это жена-то). Ну у них сын был такой, как и вы. Ну вот, а я где жила, была внизу дом, жили, жила старуха, а она, как говорится, как колдовать умела. Ну вот, я и прихожу. Ну она говорит, не спит и не этот.

Ну я пошла. Эта бабушка там сказала, купи, идёшь – раньше было дешёвое вино, там рубель две ли как-то вот так. Я купила. И вот, девочки, вот я лично видела, когда она наговаривала, а голова вот так о стол брякалась. Она говорит: «Вот я людям-то добро делаю, а...» Ну она мне и сказала: «Вино пусть пьют все, но первую стопочку ей», – слова. Ну а вода, это уж я знала, что надо её спрыснуть, да чтоб она пивнула.

Ну я и прихожу, прихожу, постучала. Вижу, что она в той комнате. Я сразу воды набрала, её спрыснула. Потом я говорю «гони» раза два-три. Ну а бабушке сказала, что пейте так. И вы знаете, что я говорю, больше я ходить не пойду к бабушке, потому что надо платить, я говорю, приходи сама. И они пошли на кладбище. Я, говорит, если б мама не заплакала, я бы уже, говорит, и не заплакала.

[мы жы́л’и в бара́к’э в одно́м до́м’э / и пото́м получи́лос’а // он рабо́тал / муш йийо́ / высоково́л’тн’иком / он до́лжэн пр’ив’аза́цца / а н’э пр’ив’аза́лс’а / и упа́л // упа́л / и йэво́ до бол’н’и́цы н’э дов’эзл’и́ / и он по́м’эр // ну вот // ну э́то на са́мом д’э́л’э бы́ло //

ну вот / и йа э́тот / ну а мы о́чэн’ хоро́шыйэ знако́мыйэ / жы́л’и в одно́м до́м’э / в одно́м бара́к’э // йа прохожу́ / а ба́бушка и говор’и́т / н’э сп’ит и н’э йэс н’ичэво́ // э́то жэна́-то // ну у н’их сын был тако́й / как ы вы // ну вот / а йа гд’э жыла́ / была́ в’н’изу́ дом / жы́л’и / жыла́ стару́ха / а она́ / как говор’и́цца / как колдова́т’ ум’э́ла // ну вот / йа и пр’ихожу́ // ну она́ говор’и́т / н’э сп’ит и н’э э́тот //

ну йа пошлá // э́та ба́бушка там сказа́ла / куп’и́ / ид’о́ш / ра́ншэ бы́ло д’эшо́войэ в’ино́ / там ру́б’эл’ дв’э́ л’и / ка́к-то вот так // йа куп’и́ла // и вот / д’э́вочк’и / вот йа л’и́чно в’и́д’эла / когда́ она́ наговáр’ивала / а голова́ вот так / о стол бр’а́калас’ // она́ говор’и́т / вот йа л’у́д’ам-то добро́ д’э́лайу / а // ну она́ м’н’э и сказа́ла / в’ино́ пуст’ п’йут ф’с’э / но п’э́рвуйу сто́почку йэй / слова́ // ну а вода́ / э́то уш йа зна́ла / што на́до йийо́ спры́снут’ / да штоп она́ п’ивну́ла //

ну йа и пр’ихожу́ / пр’ихожу́ / постуча́ла // в’и́жу / што она́ ф той ко́мнат’э // йа сра́зу воды́ набра́ла / йийо́ спры́снула // пото́м йа гр’у́ го́н’и ра́за два́-тр’и́ // ну а ба́бушк’э сказа́ла / што п’э́йт’э так // и вы зна́йэт’э / што / йа гр’у́ / бо́л’шэ йа ход’и́т’ н’э пойду́ к ба́бушк’э / потому́ што на́до плат’и́т’ / йа гр’у / пр’иход’и́ сама́ // и он’и́ пошл’и́ на кла́дб’ишшэ // йа / гр’и́т / йэ́сл’и б ма́ма н’э запла́кала / йа бы ужэ́ / гр’и́т / и н’э запла́кала]

Как попадали в беду

– Леший, правда, это раньше было. Так раньше не то что было, и водили лешие это. Опять, если расскажу, это у нас продавщица была и рассказывала. Вот там, километров за сорок, там. Особенно нельзя ругаться, особенно этими...

– *Матами?*

– Лешим да вот такими руганиями – ни в коем случае. Вот вы ещё молодые, вы идите **взамуж**, родите ребёнка. Ни в коем случае ты ребёнка, хоть чё он что наделал, за дверь никогда не выталкивай, никогда, особенно с руганью. Это я бабушку в Мончегорске у этой, которая **знала**, и говорит, женщина там с ребёнком шёл, и она его вытолкала. Ну и видимо, мало ли толкнула и сказала: «Гони тебя леший». Бабушка увидала: «Что ты сделала-то! Ребёнка-то кому отдала!» Хорошо, бабка.

А потом вот этот и рассказывали, что здесь за сорок километров и тоже, и дак и никакой ни ругани, ничего не было, а девочка гуляла небольшая, и девочки – пропала. Девочку искали, искали, к старухе сходила, она и сказала: «Пойдёте, что попадёт по дороге, всё перекидайте. Хоть вот поленница – дров перекидайте, хоть стог сена – перекидайте». Ну там, ну сена стог ли чего ли. Ну вот они перекидали, а там оказалась змея. Ну вот они и оробли. Надо было эту змею перекрестить и брать в руки, ну вот, а они оробли. Ну и что? Что девочка? Пошли опять к знатоку, она говорит: «Было дело, теперь всё, пропало». Эту девочку он убил и в огороде, в огороде затолкал. Вот так. Надо, она и говорит, было, надо было, ну вот видишь, нам бестолковым не сказала, что надо перекрестить-то. Вот такое дело, это здесь было.

И здесь у нас было, что вот, ну километров за тридцать так бывало, там водит, вообще, вообще нельзя ругаться этими руганиями, ни в коем случае. И это вот я слыхала, что вот если обедаешь, обедаете, а вас вот трое, а вы положите ложек, вилок пять штук. Особенно если ругаетеся, вот они садятся вместе и едят, а вы не видите.

А это было – опять я вас разговорю – было в газете здешней монче... в этой, в кирилловской. Старуха, ну не то что она, не такая старая, но любила в лес ходить и любила выпить. И пошла в лес, купила маленькую, эту, взяла маленькую там, закусочки. Ну и этот там походила, выпила, закусила, заболталася и заблудилася.

Идёт мужчина: «Что, заблудилась?» – «Заблудилася». – «Пойдем выведу». Она его называет, а это оказался вот, например, мёртвый другой деревни, сосед, а она его знает. Ну он её привел в эту, в свою избушку. Там это хозяйка тоже, говорит, ходит готовит, с ребёнком. Вот она этого ребёнка на себе катала, говорит, ягоды собирала.

А потом пошли к **знатоку**. Ну вот, говорит, пришли к знатоку, она и сказала: «Идите, вот она заходила с этой стороны, и заходите с этой стороны». Ну там сказала, чего делать. И пошли мужики, её увидали. Она там в речке стала пить. Эти мужики еле достали, **дознали** её, еле её привели, притащили домой.

Ну вот и пришла подружка её. Ну говорит, мы же ведь с тобой. Ну, говорит, она пришла, она вроде с кем-то разговаривает, разговаривает и, говорит, я вот говорю, а она,

говорит, ничего ведь не говорит. А всё, говорит, смотрит на угол, смотрит на угол. Я, говорит, её стала спрашивать: «Да мы ведь с тобой вместе дружили, вместе ходили гулять, что». А оказывается этот, как говорится, кто там, лесник, ой, **лесовой**-то и был. Ну вот. Ну потом, говорит, опять же сходили к бабке, бабка там что-то наговорила, да. Вот раньше лошадь-то запрягают, хомут называется. Вот этот хомут что-то сделали. Ну вот так он потом пошёл и сказал: «Что, догадалась?» Вот так.

[л’э́шый / пра́вда / э́то ра́ншэ бы́ло // так ра́ншэ н’э то што бы́ло / и вод’и́л’и л’э́шыйэ э́то // оп’а́т’ / йэ́сл’и расскажу́ / э́то у нас продафшшы́ца была́ и расска́зывала // вот там / к’ило́м’этроф за со́рок / там // осо́б’энно н’эл’з’а́ руга́цца / осо́б’энно э́т’им’и //

ма́там’и //

л’э́шым / да вот так’и́м’и руга́н’йам’и / н’и ф ко́йэм слу́чийэ // вот вы ишшо́ молоды́йэ / вы ид’и́т’э / вза́муш / ро́д’ит’э р’эб’о́нка // н’и ф койэм слу́чийэ ты р’эб’о́нка / хот’ чо он што над’э́лал / за дв’эр’ н’икогда́ н’э выта́лк’ивай / н’икогда́ / осо́б’энно с ру́ган’йу // э́то йа ба́бушку в мончэго́рск’э / у э́той / кото́райа зна́ла / и говор’и́т / жэ́ншшына / там с р’эб’о́нком ш’ол / и она́ йиво́ вы́толкала // ну и в’и́д’имо / ма́ло л’и толкну́ла и сказа́ла / гон’и́ т’а л’э́шый // ба́бушка ув’ида́ла / што ты з’д’э́лала-то // р’эб’о́нка-то кому́ отдала́ // хорошо́ / ба́пка //

а пото́м вот э́тот и расска́зывал’и / што зд’эс’ за сорок к’илом’э́троф и то́жэ / и дак и н’икако́й н’и ру́ган’и / н’ичэво́ н’э́ было / а д’э́вочка гул’а́ла / н’ибол’ша́йа / и д’э́вочк’и / пропа́ла // д’э́вочку иска́л’и / иска́л’и / к стару́х’э сход’и́ли / она́ и сказа́ла / пойд’о́т’э / што попад’о́т по доро́г’э / ф’с’о п’эр’эк’ида́йт’э // хот’ вот пол’э́нн’ица / дроф п’эр’эк’ида́йт’э / хот’ сток с’э́на / п’эр’эк’ида́йт’э // ну там / ну с’э́на сток л’и чэво́ л’и // ну вот он’и́ п’эр’эк’ида́л’и / а там оказа́лас’ зм’эйа́ // ну вот он’и и оро́бл’и // на́до бы́ло э́ту зм’эйу́ п’эр’экр’эс’т’и́т’ и брат’ в ру́к’и / ну вот / а он’и́ оро́бл’и // ну и што // што д’э́вочка // пошл’и́ оп’а́т’ г знатоку́ / она́ говор’и́т / бы́ло д’э́ло / т’эп’э́р’ ф’с’о / пропа́ло // э́ту д’э́вочку / он уб’и́л и в огоро́д’э / в огоро́д’э затолка́л // вот так // на́до / она́ и гр’и́т / надо́ бы́ло / ну вот в’и́д’иш / нам б’эстолко́вым н’э сказа́ла / што на́до п’эр’экр’эс’т’и́т’-то // вот тако́йэ д’э́ло / э́то з’д’эс’ бы́ло //

и з’д’эс’ у нас бы́ло / што вот / ну к’ило́м’этроф за тр’и́ццат’ / так быва́ло / там во́д’ит / вопшэ́ / вопшэ́ н’эл’з’а́ руга́цца э́т’им’и руга́н’ийам’и / н’и ф ко́йэм слу́чийэ // и э́то вот йа слыха́ла / што вот йэ́сл’и / об’э́дайэш / об’э́дайэт’э / а вас вот тро́йэ / а вы поло́жыт’э ло́жэк / в’и́лок / п’ат’ штук // осо́б’энно йэ́сл’и руга́йэт’эс’а / вот он’и́ / сад’а́цца вм’э́с’т’э и йид’а́т / а вы н’и в’и́д’ит’э //

а э́то бы́ло / оп’а́т’ йа вас разговор’у́ / бы́ло в газ’э́т’э з’д’э́шн’эй мончэ // ф э́той / ф к’ир’и́ллофской // ста́руха / ну н’э то што она́ / н’э така́йа ста́райа / но л’уб’и́ла в’ л’эс ход’и́т’ / и л’уб’и́ла вы́п’ит’ // и пошла́ в’ л’эс / куп’и́ла ма́л’эн’ку / э́ту / вз’а́ла ма́л’эн’куйу там / заку́сочк’и // ну и э́тот там поход’и́ла / вы́п’ила / закус’и́ла / заболта́лас’а и заблуд’и́лас’а //

ид’о́т муш’ш’и́на / што / заблуд’и́лас’ // заблуд’и́лас’а // пойд’о́м вы́в’эду // она́ йэво́ называ́йэт / а э́то оказа́лс’а вот / напр’им’э́р / м’ортвый друго́й д’ир’э́вн’и / сос’э́т / а она́ йэво́ зна́йэт // ну он йийо́ пр’ив’о́л в э́ту / ф свою́ избу́шку // там э́то хоз’а́йка то́жэ / гр’и́т / хо́д’ит гото́в’ит / с р’эб’о́нком // вот она́ э́тово р’эб’о́нка на с’иб’э́ ката́ла / говор’и́т / йа́годы соб’и́рала //

а пото́м пошл’и́ к знатоку́ // ну вот / гр’и́т / пр’ишл’и́ к знатоку́ / она́ и сказа́ла / ид’и́т’э / вот она́ заход’и́ла с э́той стороны́ / и заход’и́т’э с э́той стороны́ // ну там сказа́ла / чэво д’э́лат’ // и пошл’и́ мужык’и́ / йийо́ ув’ида́л’и // она́ там в р’э́чк’э стала п’ит’ // э́т’и мужык’и́ йэ́л’э доста́л’и / дозна́л’и йийо́ / йэ́л’э йийо́ пр’ив’эл’и / пр’иташшы́л’и домо́й //

ну вот и пр’ишла́ подру́шка йийо́ // ну говор’и́т / мы жэ в’эт’ с тобо́й // ну / говор’и́т / она́ пр’ишла́ / она́ вро́д’э с к’э́м-то разгова́р’ивать / разгова́р’ивать и / говор’и́т / йа вот говор’у́ / а она́ / гр’ит / н’ичэво́ в’эт’ н’э говор’и́т // а ф’с’о / гр’ит / смо́тр’ит на у́гол / смо́тр’ит на у́гол // йа / гр’ит / йийо́ ста́ла спра́шыват’ / да мы в’эт’ с тобо́й в’м’э́с’т’э

дружы́л’и / в’м’э́с’т’э ход’и́л’и гул’а́т’ / што // а ока́зывайэцца э́тот / как гвор’и́цца / кто там / л’эс’н’и́к / ой / л’эсово́й-то и был // ну вот // ну пото́м / говор’и́т / оп’а́т’ жэ сход’и́л’и к бапк’э / ба́пка там што́-то наговор’и́ла / да // вот ра́ншэ ло́шат’-то запр’ага́йут / хому́т называ́йэцца // вот э́тот хо́мут што́-то з’д’э́лал’и // ну вот так он пото́м пош’о́л и сказа́л / што / догада́лас’ // вот так]

Как картошку сажали

– И садила, дак землю лопатой копала, и садила, а когда у кого есть, да теперь ведь куплены, как говорится, такие штуки – дак вспашут и садят. Бывало раньше, что картошки мало, дак с этим, с глазками, дак картовину обрезают. Обожди. Вот если картошки мало, это я помню, что вот, вот видишь росточек, вот эти глазки, вот отрезают вот столько, и в золу ложили, что оно самое главное, вот эти ростки. Ну вот. Ну вот, она, а потом уже её, она взойдёт, там она сколько уже подрастёт вот примерно. Вот такая, потом её **обрываешь**, обровываешь, потом второй раз обрываем. Лопатой.

– Лопатой, не тяпкой?

– Да, лопатой, лопаткой. Ну а раньше, раньше, конечно, целые поля садили дак под плуг. Лошадь там, человек идёт, а плуг держит. И вот садили под плуг. Вот он, плуг посадим, ряд, потом он два раза проедет, ровно в третий раз вот садим. И копали тоже, что он проедет, картошка-то уже видно, дак тоже копали. Так раньше ведь в полях садили дак, а теперь ничего нету дак. А теперь, теперь все люди-то стали ленивые. Я говорю, а раньше мы-то, вот у нас вокруг деревни раньше всё косят – на силос, а потом уже косили, а теперь посмотри-ка, травы такие всё, куда всё девалось, не знаю, не знаю, до чего доживем. И люди разные, и люди есть, и рабочие, и работают хорошо есть и плохо – всякие раньше были: и лодыри, вот так, так, не знаю.

[и сад’и́ла / дак з’э́мл’у лопа́той копа́ла / и сад’и́ла / а когда́ у ково́ йэс’ / да т’эп’э́р’ в’эт’ ку́пл’эны / как говор’и́цца / так’и́йэ шту́к’и / дак вспа́шут и са́д’ат // быва́ло ра́ншэ / што карто́шк’и ма́ло / дак с э́т’им / з гласка́м’и / дак карто́в’ину обр’эза́йут // обожд’и́ // вот йэ́сл’и карто́шк’и ма́ло / э́то йа по́мн’у / што вот / вот в’и́д’иш росто́чэк / вот э́т’и гла́ск’и / вот / отр’эза́йут вот сто́л’ко / и в золу́ ложы́л’и / што оно́ са́мо главнойэ // вот эт’и́ роск’и́ // ну вот // ну вот / она́ / а пото́м ужэ́ йийо́ / она́ взойд’о́т / там она́ ско́л’ко ужэ́ подрас’т’о́т вот пр’им’э́рно // вот така́йа / пото́м йийо́ обрыва́йэш / обро́вывайэш / пото́м фто́рой рас обрыва́йэм // лопа́той //

лапа́той / н’и т’а́пкой //

да / лопа́той / лопа́ткой // ну а ра́ншэ / ра́ншэ / кон’э́шно / ц’э́лыйэ пол’а́ сад’и́л’и дак / пот плук // ло́шад’ там / чэлов’э́к ид’от / а плук д’э́ржыт // и вот сад’и́л’и пот плук // вот он / плук поса́д’им / р’ат / пото́м он два ра́за пройэ́д’эт / ро́вно ф тр’э́т’ий ра́с вот са́д’им // и копа́л’и то́жэ / што он пройэ́д’эт / карто́шка-то ужэ́ в’и́дно // дак то́жэ копа́л’и // так ра́ншэ в’эт’ ф пол’а́х сад’и́л’и дак / а т’эп’э́р’ н’ичэво́ н’э́ту дак // а т’эп’э́р’ / т’эп’э́р’ вс’э л’у́д’и-то ста́л’и л’эн’и́выйэ // йа гвор’у́ / а ра́ншэ мы́-то / вот у нас вокру́к д’эр’э́вн’и ра́ншэ фс’о кос’а́т / на с’ило́с / а пото́м ужэ́ кос’и́л’и / а т’эп’э́р’ посмотр’и́-ка / тра́вы так’и́йэ / фс’о / куда́ фс’о д’эва́лос’ / н’э зна́йу / н’э зна́йу / до чэво́ дожыв’о́м // и л’у́д’и ра́зныйэ / и л’у́д’и йэс’ / и рабо́чийэ / и рабо́тайут хоро́шо йэс’ и пло́хо / вс’а́к’ийэ ра́ншэ бы́л’и / и ло́дыр’и / вот так / так / н’э зна́йу]

Как свадьбы справляли

– А свадьбы... Дак чего? У меня свадьбы не было. Так что раньше свадьбы справляли. Сестре старшей, дак помню, справляли свадьбу. Помню, этот. Я ещё тогда была, как говорится, соплюшка. Ну дак, в этом доме справляли ей. А я выходила в Мончегорске, дак свадьбы не было. Купили водки, да и вся эта квартира моя да уборщица

– просто выпили, да и всё. Расписалися – и порядок. И всё. А уж тут... Старшая сестра – дак конечно свадьбу справляли, брату. Ой. Сватовство? Ну дак как тебе сказать. Старшую сестру дак приезжали, как уж, сватать, верно, я не знаю. Жених был ли, нет. А была с Вазеринца. С Вазеринец соседка, приезжала. Так, наверно, уж и жених был. Наверно, и её увезли тогда. Ну чего? Пошли ко мне. Вот. Ну а потом свадьбу справляли. Помню эту свадьбу, свадьба была.

Ну её, значит, увезли, а, милая, мы ходили сватать невесту. Вот ниже меня дом был. А мой, дурень, у него брат двоюродный был, и пошли, это, Женька, Царство небесное, сватать. Да нас сестра всех сватовей и нас выгнала. Вот так. Хорошо, не сосватали. А так ну вот, ну что тебе сказать на это? Слушай, как она... Увезли, жила, потом свадьба, свадьба была, а потом чего, потом уже... Ничего раньше не было, это же бедно люди жили, только что на свадьбу там ужо готовили всё. Пиво варили да то-другое. А что так, дак не было: это теперь уже стали богато жить.

Вот, вот теперь я говорю, вот слушай. Это у меня внук-то женился, дак у него тоже свадьба вот тоже была, просто обеды. Он с института, и невеста с института. А у невесты родители из деревни. Вот так. Дак у них и то хорошо, вот я, а дочь у меня, дочь пьёт, спилася. Вот я её, я опять же обвиняю себя с мужиком. В то время старалися, думаем, как лучше. Мы, этот, уезжали, а пенсию мы на книжку переводим, что сюда летом ездили. Его-то пенсию полностью за весь год – она каждый год приезжала, пенсию евонную снимали и отдавали. Они и привыкли пить.

А у ней старший сын, два института кончил. Я тебя заговорю. И, милая моя, и был в Иране, вот вспомнила, в Иране, два года в командировке. И вот он, когда жениться решил, он приезжал с Ирана. Ну а они, белорусы, как католики, пить нельзя. И вот они тоже справляли. Ну было это там четыре или пять вин, шампанское, да вот это красное, ну обеды вот у него, вот и этот стали свадьбу так. А я и говорю: «Миша, а невеста-то готова, согласна к этой свадьбе?» – «Согласна». Но потом она лично со мной разговаривала, он верно сказал. Она грит: «Бабушка, дак как я у Алеши-то на свадьбе была, а у них что?» Ну и тут я, правда, не хотела на свадьбу ехать, потому что здесь, в Кириллове вот живёт, жила старшая сестра, теперь померла. Тоже этот, дочки сын женился и нас приглашал на свадьбу, и вот в то время как раз надо в деревню ехать. Я и хотела сюда, а дочь: «Ты что! К любимому внуку и не поедешь!» Ну что? Я сняла пятьдесят тысяч – наши, русские – и поехала. Ну а там в Белоруссии, там же русские деньги уже дороге. Ну вот, я ему и... Она говорит: «У Миши денег мало». А у Миши какие деньги? Где тут? Она взошла, захожу: «Миша, вот тебе мой свадебный подарок». – «Спасибо, бабушка».

Ну вот, а потом телефон понравился мой, я телефон подарила. А потом он, надо к невесте ехать, надо колеса новые, денег нет. А она опять же: «Попроси у бабушки». А у меня были деньги взяты, чтобы в деревню-то ехать. Ну я говорю: «А сколько-то надо?» – «Пять тысяч». Ну, я достала пять тысяч: «На, пять тысяч на колеса». Вот так, и потом мы сюда и приехали.

А что это тебе надо старинные-то свадьбы? Он что-то загордился, не рассказывает. У него свадьба была, свадьбу справляли здесь. Ну а здесь вот у сестры свадьба дак… Ну гуляли, помню, даже родственники каравай хлеба несут. Ну а тогда чего там – варили пиво, хмельное.

Ну дак раньше даже свадьбы гуляли два ли три дня. Первый день гуляют у невесты, второй день должны у жениха гулять. Но у сестры у жениха не было, не справляли, только наша. Ну, третий день в этом доме гуляют. У жениха ли, у невесты.

[а свад’бы // дак чэво́ // у м’ин’а́ сва́д’бы н’э́ было // так што ра́ншэ сва́д’бы справл’а́л’и // с’эстр’э́ ста́ршэй / дак по́мн’у / справл’а́л’и сва́д’бу // по́мн’у / э́тот // йа ишшо́ тогда́ была́ / как говор’и́цца / сопл’у́шка // ну дак / в э́том до́м’э справл’а́л’и йэй // а йа выход’и́ла в мончэго́рск’э / дак сва́д’бы н’э было // куп’и́л’и во́тк’и / да и ф’с’а э́та кварт’и́ра мойа́ да убо́ршшыца / про́сто вы́п’ил’и да и ф’с’о // расп’иса́л’ис’а / и пор’а́док

// и ф’с’о // а уш тут // ста́ршайа с’эстра́ / дак кон’э́шно сва́д’бу справл’а́л’и / бра́ту // ой // сватофство́ // ну дак / как т’иб’э́ сказа́т’ // ста́ршу с’эстру́ дак пр’ийэжжа́л’и / как уш / сва́тат’ / в’э́рно / йа н’э зна́йу // жэн’и́х бы́л л’и / н’эт // а была́ з ва́з’эр’инца // з ва́з’эр’ин’эц сос’этка / пр’ийэжжа́ла // так / нав’э́рно / уш и жэн’и́х был // нав’э́рно / и йийо́ ув’э́зл’и тогда́ // ну чэво́ // пошл’и́ ко м’н’э // вот // ну а пото́м сва́д’бу справл’а́л’и // по́мн’у э́ту сва́д’бу / сва́д’ба была́ //

ну йийо́ / зна́чит / ув’эзл’и́ / а / м’и́лайа / мы ход’и́л’и сва́тат’ н’эв’э́сту // вот н’и́жэ м’ин’а́ дом был // а мой / ду́р’эн’ / у н’эво́ брат двойу́родный был / и пошл’и́ / э́то / жэ́н’ка / ца́рство н’эб’э́снойэ / сва́тат’ // да нас с’э́стра / ф’с’эх сватов’э́й и нас вы́гнала // вот так // хорошо́ / н’э сосва́тал’и // а так ну вот / ну што т’иб’э́ сказа́т’ на э́то // слу́шай / как она́ // ув’эзл’и́ / жыла́ / пото́м сва́д’ба / сва́д’ба бы́ла / а пото́м чэво́ / пото́м ужэ́ // н’ичэво ра́ншэ н’э́ было / э́то жэ б’э́дно л’у́д’и жы́л’и / то́л’ко што на сва́д’бу там ужо́ гото́в’ил’и ф’с’о // п’и́во вар’и́л’и да то́ друго́йэ // а што так / дак н’э́ было / э́то т’эп’э́р’ ужэ́ ста́л’и бога́то жыт’ //

вот / вот т’эп’э́р’ йа говор’у́ / вот слу́шай // э́то у м’ин’а́ вну́к-то жэн’и́лс’а / дак у н’эво́ то́жэ сва́д’ба вот то́жэ была́ / про́сто об’э́ды // он с ын’с’т’иту́та / и н’эв’э́ста с ын’с’т’иту́та // а у н’эв’э́сты род’и́т’эл’и из д’эр’э́вн’и // вот так // дак у н’их и то хорошо́ / вот йа / а доч у м’ин’а́ / доч п’йот / сп’ила́с’а // вот йа йийо́ / йа оп’а́т’ жэ обв’ин’а́йу с’иб’а́ с мужыко́м // ф то вр’э́м’а стара́л’ис’а / ду́майэм / как лу́тшэ // мы / э́тот / у’эжжа́л’и / а п’э́н’с’ийу мы на кн’и́шку п’эр’эво́д’им / што с’у́да л’э́том йэ́зд’ил’и // йэво́-то п’э́н’с’ийу по́лност’йу за в’эс’ гот / она́ ка́ждый гот пр’ийэжжа́ла / п’э́н’с’ийу йэво́ннуйу сн’има́л’и и отдава́л’и // он’и́ и пр’ивы́кл’и п’ит’ //

а у н’эй ста́ршый сын / два инс’т’иту́та ко́нчил // йа т’иб’а́ заговор’у́ // и / м’и́лайа мойа́ / и был в ыра́н’э / вот фспо́м’н’ила / в ыра́н’э / два го́да ф команд’иро́фк’э // и вот он / когда́ жэн’и́цца р’эшы́л / он пр’ийэжжа́л с ыра́на // ну а он’и́ / б’элору́сы / как като́л’ик’и / п’ит’ н’ил’з’а́ // и вот он’и́ то́жэ справл’а́л’и // ну бы́ло э́то там чэты́р’э и́л’и п’ат’ в’ин / шампа́нскойэ / да вот э́то кра́снойэ / ну об’э́ды вот у н’эво́ / вот и э́тот ста́л’и сва́д’бу так // а йа и говор’у́ / м’и́ша / а н’эв’э́ста-то гото́ва / согла́сна к э́той сва́д’б’э // согла́сна // но пото́м она́ л’и́чно со мной разгова́р’ивала / он в’э́рно сказа́л // она́ гр’ит / ба́бушка / дак как йа у ал’о́шы-то на сва́д’б’э была́ / а у н’их што // ну и тут йа / пра́вда / н’э хот’э́ла на сва́д’бу йэ́хат’ / потому́ што зд’эс’ / ф к’ир’и́ллов’э вот жыв’о́т / жыла́ ста́ршайа с’эстра́ / т’эп’э́р’ пом’эрла́ // то́жэ э́тот / до́чк’и сын жэн’и́лс’а / и нас пр’иглаша́л на сва́д’бу / и вот ф то вр’э́м’а как рас на́до в д’эр’э́вн’у йэ́хат’ // йа и хот’э́ла с’у́да / а доч / ты што // к л’уб’и́мому вну́ку и н’э пойэ́д’эш // ну што // йа сн’ала́ п’иис’а́т ты́с’ач / на́шы / ру́сск’ийэ / и пойэ́хала // ну а там в б’элору́сс’ийи / там жэ ру́сск’ийэ д’э́н’г’и ужэ́ доро́г’э // ну вот / йа йэму́ и // она́ говор’и́т / у м’и́шы д’э́н’эк ма́ло // а у м’и́шы как’и́йэ д’э́н’г’и // гд’э тут // она́ взошла́ / захожу́ / м’и́ша / вот т’иб’э́ мой сва́д’эбный пода́рок // спас’и́бо / ба́бушка //

ну вот / а пото́м т’эл’эфо́н понра́в’илс’а мой / йа т’эл’эфо́н подар’и́ла // а пото́м он / надо́ к н’эв’э́ст’э йэ́хат’ / надо кол’о́са но́выйэ / д’э́н’эк н’эт // а она́ оп’а́т’ жэ / попрос’и́ у ба́бушк’и // а у м’ин’а́ бы́л’и д’э́н’г’и вз’а́ты / што́бы в д’эр’э́вн’у-то йэ́хат’ // ну йа говор’у́ / а ско́л’ко-то на́до // п’ат’ ты́с’ач // ну / йа доста́ла п’ат’ ты́с’ач / на / п’ат’ ты́с’ач на кол’э́са // вот так / и пото́м мы с’уда́ и пр’ийэ́хал’и //

а што э́то т’иб’э́ на́до / стар’и́нныйэ-то сва́д’бы // он што́-то загорд’и́лс’а / н’э расска*зыват // у н’эво́ сва́д’ба была́ / сва́д’бу справл’а́л’и з’д’эс’ // ну а з’д’эс’ / вот у с’эстры́ сва́д’ба дак // ну гул’а́л’и / по́мн’у / да́жэ ро́цтв’энн’ик’и корова́й хл’э́ба н’эсу́т // ну а тогда́ чэво́ там / вар’и́л’и п’и́во / хм’эл’но́йэ //

ну дак ра́ншэ да́жэ сва́д’бы гул’а́л’и два́ л’и тр’и дн’а // п’э́рвый д’эн’ гул’а́йут у н’эв’э́сты / фторо́й д’эн’ должны́ у жэн’иха́ гул’а́т’ // но у с’эстры́ у жэн’иха́ н’э́ было / н’э справл’а́л’и / то́л’ко на́ша // ну / тр’э́т’ий д’эн’ в э́том до́м’э гул’а́йут // у жэн’иха́ л’и / у н’эв’э́сты]

Как пиво варили

– Пиво? Ну, варят. Раньше ведь, это, пиво варили так вот. Ну вот рожь, зерно ростят, ростят это зерно. Когда оно взрастёт, а потом – подожди, что же это делали – сушат, мелют, а потом такие горшки были, большие горшки. И там это, у горшка там внизу краник. И вот это делают даже с соломой как-то, ложат этой соломы в печку, ставят, потом это оно там уж как это усолодится, они потом это, это в краник-то и текёт. Вот это хмельное пиво и делали. Вот так. А теперь уже это ещё зерно взращивают, как оно это теперь называется вот, лечатся. А раньше-то зерно, этот. Пиво у них было – бабье пиво называлося. Пекли. Оно не хмельное пиво. Я в жизни не забуду тётя Кать меня – вот там вот у пруда дом – меня раз заставила чашечку выпить, да мне так было плохо – ужас! А я так-то ведь это не пью, вот так что. Ну а теперь, теперь все богатые, дак теперь хватает. Теперь бедных нет. Теперь вот только вам надо учиться, так родители, родители кормят и поят, куда денешься.

[п’и́во // ну ва́р’ат // ра́ншэ в’эт’ / э́то / п’и́во вар’и́л’и так вот // ну вот рош / з’эрно́ ро́ст’ат / ро́ст’ат э́то з’эрно́ // когда́ оно́ взраст’о́т / а пото́м / подожд’и́ / што́ жэ э́то д’э́лал’и / су́шат / м’э́л’ут / а пото́м так’и́йэ горшк’и́ бы́л’и / бол’шы́йэ горшк’и́ // и там э́то / у горшка́ там вн’изу́ кра́н’ик // и вот э́то д’э́лайут да́жэ с соло́мой ка́к-то / ло́жат э́той соло́мы ф’ п’э́чку / ста́в’ат / пото́м э́то оно́ там уш /как э́то усолод’и́цца / он’и́ пото́м э́то / э́то ф кра́н’ик-то и т’эк’о́т // вот э́то хм’эл’но́йэ п’и́во и д’э́лал’и // вот так // а т’эп’э́р’ ужэ́ э́то ишшо́ з’эрно́ взра́шшывайут / как оно э́то т’эп’э́р’ называ́йэцца вот / л’э́чацца // а ра́ншэ-то з’эрно́ / э́тот // п’и́во у н’их бы́ло / ба́б’йэ п’и́во называ́лос’а // п’экл’и́ // оно́ н’э хм’эл’но́йэ п’и́во // йа в жы́з’н’и н’э забу́ду т’от’а ка́т’ м’ин’а́ / вот там вот у пруда́ дом / м’ин’а́ рас заста́в’ила ча́шэчку вы́п’ит’ / да мн’э так было пло́хо / у́жас // а йа та́к-то в’эт’ э́то н’э п’йу / вот так што // ну а т’эп’э́р’ / т’эп’э́р’ ф’с’э боха́тыйэ / дак т’эп’э́р’ хвата́йэт // т’эп’э́р’ б’э́дных н’эт // т’эп’э́р’ вот то́л’ко вам на́до учи́цца / так род’и́т’эл’и / род’и́т’эл’и ко́рм’ат и по́йат / куда́ д’э́н’эс’с’а]

Как рожали детей

– Я тогда говорила, что у нас в том доме, да вот в том доме семеро было детей, а так дак у кого сколько, большинство – по пятёрке детей было. А у меня вот одна только. Ну вот например, раньше ведь не было, это теперь уже, что вот все в роддом везут. А раньше-то стало это плохо рожать, и зовут вот эту бабушку. Бабушка и принимала роды. Ну она уж и называется повитуха, потому что она там принимала роды. Раньше ведь в больницу-то не возили, так что большинство дома рожали.

– В бане?

– Зачем, дома. Прямо.

– А потом крестили детей?

– Ну дак, конечно. Там пройдёт сколько – месяц ли сколько дак. Крестили. Носили в церкву. Там уже и крестили, но я этого-то не знаю, потому что я уж не помню. Нас **пораз** везили, в церкву везли на лошади, в церкву. А напугали, что мы вас там-от в озеро, в озеро бросим, мы все заревели, нас матки всех забрали. Так что.

А теперь так ведь крестят. У меня например: вот я дочку дак крестила бабушка у меня. Бабушка крестила. А я жила в Мончегорске дак, я уже как крестная дак пятерым крестила. Тогда тоже церкви не было, и привозили с Кировска, там кто-то приезжал, дак вот их крестили всех в одном доме дак. Я их крестила. А ни один крёстной не зовёт. Вот у сестры – сын, сейчас уехал, тот крёстник. Было маленький от меня не отходил, а теперь и крёстной не называет. И не поздоровается, вот так. Крёстной... Всё это забывается.

[а тогда́ говор’и́ла / што у нас ф том до́м’э / да вот ф том до́м’э / с’э́м’эро бы́ло д’эт’э́й / а так дак у ково́ ско́л’ко / бол’шынство́ / по п’ат’о́рк’э д’эт’э́й бы́ло // а у м’ин’а́

вот одна́ то́л’ко // ну вот напр’им’э́р / ра́ншэ в’эт’ н’э́ было / э́то т’эп’э́р’ ужэ́ / што вот ф’с’э в роддо́м в’эзу́т // а ра́ншэ-то ста́ло э́то пло́хо рожа́т’ / и зову́т вот э́ту ба́бушку // ба́бушка и пр’ин’има́ла ро́ды // ну она́ уш и называ́йэцца пов’иту́ха / потому́ што она там пр’ин’има́ла ро́ды // ра́ншэ в’эт’ в бол’н’и́цу-то н’э воз’и́л’и / так што бол’шынство́ дома рожа́л’и //

в ба́н’э //

зачэ́м / до́ма // пр’а́мо //

а пото́м кр’ис’т’и́л’и д’ит’э́й //

ну дак / кон’э́шно // там пройд’о́т ско́л’ко / м’э́с’ац л’и ско́л’ко дак // кр’эс’т’и́л’и // нос’и́л’и ф цэ́ркву // там ужэ́ и кр’эс’т’и́л’и / но йа э́тово-то н’э зна́йу / потому́ што йа уш н’э по́мн’у // нас по́рас в’эз’и́л’и / ф цэ́ркву в’эзл’и́ на лошад’и́ / ф цэ́ркву // а напуга́л’и / што мы вас та́м-от в о́з’эро / в о́з’эро бро́с’им / мы ф’с’э зар’эв’э́л’и / нас ма́тк’и ф’с’эх забра́л’и // так што //

а т’эп’э́р’ так в’эт’ / кр’э́с’т’ат // у м’ин’а́ напр’им’э́р / вот йа до́чку дак кр’эс’т’и́ла / ба́бушка у м’ин’а́ // ба́бушка кр’эс’т’и́ла // а йа жыла́ в мончэго́рск’э дак / йа ужэ́ как кр’о́снайа дак п’ат’эры́м кр’эс’т’и́ла // тогда́ то́жэ цэ́ркв’и н’э́ было / и пр’ивоз’и́л’и с к’и́рофска / там кто́-то пр’ийэжжа́л / дак вот их кр’эс’т’и́л’и ф’с’эх ф одно́м до́м’э дак // йа их кр’эс’т’и́ла // а н’и од’и́н кр’о́сной н’э зов’о́т // вот у с’эстры́ / сын / с’иц’а́с уйэ́хал / тот кр’о́с’н’ик // бы́ло ма́л’эн’к’ий от м’ин’а́ н’э отход’и́л / а т’эп’э́р’ и кр’о́сной н’э называ́йэт // и н’э поздоро́вацца / вот так // кр’о́стной // ф’с’о э́то забыва́йэцца]

Как праздники справляли

– Как праздники? Вот у нас второго августа Ильин день, праздник, гулянка. Гулянка была там у церквы, а потом уже в нашей деревни ночью гуляли. А теперь гуляют всегда три дня было. Ну а дак чего? Праздники... ну там уже в какой деревне когда.

– Ну вот тогда у нас вот это время дак раньше ходили к этой к церкве и там гуляли, а тут последнее время дак по деревне просто ходят гуляют взад-вперед с гармошкой. Просто гуляют и всё. И драки бывают, и всё. И вчера и рассказывала. Я говорю: на **уколот** была в няньках тятиной сестры у дочки – лето гостила. И в праздник-то здесь и было. И пошли и мы, сопляки, на гулянку. А там барышня: кавалер пьяный напился, лежит. Они соврались, меня заставили караулить, а я тогда, как чокнутая, не понимаю – караулить, а потом ихние-то все подходят: «А если бить будут, дак чего будешь делать?» – «Побегу!» А они говорят: «Дак не беги, а кричать надо». А теперь думаю: надо же додумалася меня, соплюшку, караулить её; думаю: насрать мне твой кавалер – карауль пьяного. Вот так, так что. Ой, девочки милые.

[как пра́з’н’ик’и // вот у нас фторо́во а́вгуста ил’йи́н д’эн’ / пра́з’н’ик / гул’а́нка // гул’а́нка была́ там у цэ́рквы / а пото́м ужэ́ в на́шэй д’эр’э́вн’и но́чйу гул’ал’и // а т’эп’э́р’ / гул’а́йут ф’с’эгда́ тр’и дн’а бы́ло // ну а дак чэво́ // пра́з’н’ик’и // ну там ужэ́ ф како́й д’эр’э́вн’э когда́ //

ну вот тогда́ у на́с / вот э́то вр’э́м’а дак ра́ншэ ход’и́л’и к э́той / к цэ́ркв’э / и там гул’а́л’и / а тут посл’э́дн’эйэ вр’э́м’а дак по д’эр’э́вн’э / про́сто хо́д’ат гул’а́йут взя́т-фп’эр’о́т з гармо́шкой // про́сто гул’а́йут и ф’с’о // и дра́к’и быва́йут / и ф’с’о // и вчэра́ и расска́зывала // йа говор’у́ / на уколо́т была́ в н’а́н’ках / т’а́т’иной с’эстры́ у до́чк’и / л’э́то гост’и́ла // и ф пра́з’н’ик-то з’д’эс’ и было́ // и пошл’и́ и мы / сопл’ак’и́ / на гул’а́нку // а там ба́рышн’а / кавал’э́р п’йа́ный нап’и́лс’а / л’эжы́т // он’и́ соврал’ис’а / м’ин’а́ заста́в’ил’и караул’ит’ / а йа тогда́ / как чо́кнутайа / н’э пон’има́йу / караул’ит’ / а пото́м и́хн’ийэ-то ф’с’э потхо́д’ат / а йэ́сл’и б’ит’ бу́дут / дак чо́ бу́д’эш д’э́лат’ // поб’эгу́ // а он’и́ говор’а́т / дак н’э б’эг’и́ / а кр’ича́т’ на́до // а т’эп’э́р’ ду́майу / на́до жэ доду́малас’а м’ин’а́ / сопл’у́шку / караул’ит’ йийо́ // ду́майу / насра́т’ мн’э твой кавал’э́р / караул’ п’йа́ново // вот так / так што // ой / д’э́вочк’и м’и́лыйэ]

Как сено косили

– На сенокос? Ну раньше с отцом ходила. Ходили, косили. Тут тоже, уже когда вот сюда приехали, дак вот Игорь корову держал, дак ходили было утром косили, косили. Теперь это сено всегда сушили, помогали всё время. Это мы ходили. Вот у Риммы у Тихоновны, корову держала, дак всё время. Тут уж у Риммы муж трактористом был, так он косил этим. Как накосит, так накосит. По пятьдесят было копён! И вот мы трясли, сушили, помогали. Ну а как жили ведь – жили-то в то время, сейчас уже пороскошнее жить стали, а тогда были бедные, дак они нам чем-то помогают, а мы им, вот так и жили.

[на с’энокóс // ну рáншэ с отцóм ход’и́ла // ход’и́л’и / кос’и́л’и // тут тóжэ ужэ́ когдá вот с’у́да пр’ийэ́хал’и / дак вот и́гор’ корóву д’эржа́л / дак ход’и́л’и бы́ло у́тром кос’и́л’и / кос’и́л’и // т’эп’э́р’ э́то с’э́но ф’с’эгдá сушы́л’и / помогá́л’и ф’с’о вр’э́м’а // э́то мы ход’и́л’и // вот у р’и́ммы у т’и́хоновны / корóву д’эржа́ла / дак ф’с’о вр’э́м’а // тут уш у р’и́ммы муш трактор’и́стом был / так он кос’и́л э́т’им // как накóс’ит / так накóс’ит // по п’иис’а́т бы́ло коп’óн // и вот мы тр’асл’и́ / сушы́л’и / помогá́л’и // ну а как жы́л’и в’эт’ / жы́л’и-то ф то вр’э́м’а / с’эча́с ужэ́ пороскóшн’эйэ жыт’ ста́л’и / а тогдá бы́л’и б’э́дныйэ / дак он’и́ нам чэ́м-то помогáйут / а мы им / вот так и жы́л’и]

Как дают пенсию и пособие от предприятия

– Да, раньше, вот я и говорю, раньше думали: «Господи, неужели досыта хлеба чистого поедим?» А теперь наелися-от, уже того не хочу, и другого не хочу, и третьего не хочу. Теперь уже пенсию заработали-от. Вот сейчас с ним разговаривали. У него пенсия, вот надо не наврать, десять ли тринадцать тысяч. А у меня сейчас двадцать. Вот он мне и: «Вот в цехе работал», а что пенсия у меня больше, значит, ты не заработал, а я заработала. А тут, милая моя, теперь уехала (тоже с Мурманска, как-то, где это, а вот – вот эта штука) получали медаль, а как-то раз ну вон как эти полоски. Это медаль нам давали. Ну и тогда были десятиклассники, девятиклассники, там приходили. Мы идём, они нас встречают, вот эту штуку прикрепили, ну а потом это собрание, там вычитают из всякого, и там бежит этот военный, эту медаль вручают, и это всё, а школьники – подарок. А она идёт, я иду с того краю: «Что, купила?» А я, милая, не подумала, потому что я была в той куртке, к которой прицеплена эта. Домой-то пришла, как в зеркало-то посмотрела, а у меня эта штука: ах вот оно что. А она работала, работает и сейчас в покойницкой. Если б я подумала, я бы ей резанула: «А тебе покупать не надо, ты у покойника можешь снять». Ну хорошо, что не дошло до меня, так что я не нагрубила.

– А, думаю, сейчас вот ему и говорю: «На следующий год все, кто ведь медаль эту дают и дают это..» Ну назови ты эту бумагу-то!

– *Георгиевская ленточка?*

– Ну вот, я говорю: «Я все принесу, привезу и покажу, что у меня сколько медалей». А я как-то раз и говорю: «А зачем они эти медали?» – А Ольга, дочка: «Пусть внуки посмотрят». – «Да что внуки не видали?» Ну а что я в жизни не забуду: мне этот военный-то принес медаль-то, вручил. Я и говорю: «Спасибо». А он говорит: «Не нам спасибо, а вам спасибо». Потому что я ветеран военного труда, ветеран, что мы уже столько отработали. Вот. А я и говорю: я в Кириллове работала в типографии. Я оттуда справку взяла, у меня и та была записана, так что я пятьдесят шесть лет или больше отработала.

Так что мы живем нормально. Нам, как я от комбината работала всю жизнь, дак нам... Вот сейчас разговаривала с этой, ну вот нашей, и говорю. Дак я говорю, не знаю сколько, она говорит. В этот год, грит, полторы тысячи. Ну вот я вот каждый год пойдем там: ну у нас-то вот это самый главный это, в этом, в этом, ну там кинотеатр был, идём,

трудовую книжку, все документы берём. Там записывают, и каждый год нам дают деньги. Раньше мы ходили получать в сберкассу, а **сегод** сказал, переведут на книжку. Дак вот она и сказала, что сегод полторы тысячи. Каждый год дают, так что нас ещё, нет-нет да подкидывают. А теперь **съеду**, опять узнаю, где давали на девятое мая: на девятое мая сколько-то дадут, так что нас ещё, стариков, не забывают – живите да радуйтесь, вот вам.

Но нас выручает комбинат. Я вот здесь лежала в больнице, у меня вот болел бок, делали операцию. Правда, отношение очень было хорошее, но питание против нашего. А у нас комбинат, правда, питание, кормят, ко мне, этот, ходят соседи. Я говорю (а у нас внизу у меня живёт такая скупая, всё себя морила), я говорю: «Здесь кормят – не каждый дома так питается». Правильно, что кормили исключительно. Вот. И у нас ещё, мало того, у нас вот теперь мы пенсионеры нерабочие, в каждый год могу один раз взять ходить на обеды. Вот десять, десять – это завтрак, каша. Каша, потом чай, кусок батона с маслом, а в два тридцать обед. В обед обязательно салатик. А мне соседи и говорят: «Ой, там справляют поминки, да вот останется, вскипятят да и кормят». Я говорю: «Не ври, ради бога, не ври. Я ведь не дура: вижу, что дают-то. Всё сготовлено только свежее». Я говорю: «Вот салатик. Потом дают суп, но в супе мяса нет. Мясо идет на второе или там котлеты или чего, или там окорочек. И второе, эти, беф-строганов там с чем-то. Кормят исключительно. Потом ещё блины или оладьи». А то тут что, я говорю. Я ещё стою это, блинов не дождалася. «А блины-то?» – «Да уж некуда вроде и ложить». Но заставляют это домой забирать, так что там бери и забирай домой. Вот каждый год можешь один раз сходить на обеды. Бесплатно.

[да / ра́ншэ / вот йа и говор’у́ / ра́ншэ ду́мал’и / го́спод’и / н’эужэ́л’и до́сыта хл’э́ба чи́стово пойэд’и́м // а т’эп’э́р’ найэ́л’ис’а-от / ужэ́ тово́ н’э хочу́ / и друго́во н’э хочу́ / и тр’э́т’йэво н’э хочу́ // т’эп’э́р’ ужэ́ п’э́н’с’ийу зарабо́тал’иот // вот с’эча́с с н’им разгова́р’ивал’и // у н’эво́ п’э́н’с’ийа / вот на́до н’э навра́т’ / д’э́с’ат’ л’и тр’ина́ццат’ ты́с’ач // а у м’ин’а́ с’эча́с два́ццат’ // вот он мн’э и / вот ф цэ́х’э рабо́тал / а што п’э́н’с’ийа у м’ин’а́ бо́л’шэ / зна́чит / ты н’э зарабо́тал / а йа зарабо́тала // а тут / м’и́лайа мойа́ / т’эп’э́р’ уйэ́хала // то́жэ с му́рманска / ка́к-то / гд’э э́то / а вот / вот эта шту́ка // получа́л’и м’эда́л’ / а ка́кто рас / ну вон как э́т’и поло́ск’и // э́то м’эда́л’ нам дава́л’и // ну и тогда́ бы́л’и д’эс’ат’икла́с’н’ик’и / д’эв’ат’икла́с’н’ик’и / там пр’иход’и́л’и // мы ид’о́м / он’и́ нас фстр’эча́йут / вот эту шту́ку пр’икр’эп’и́л’и / ну а пото́м э́то собра́н’ийэ / там вы́читайут ис ф’с’а́ково / и там б’эжы́т э́тот войэ́нный / э́ту м’эда́л’ вруча́йут / и э́то ф’с’о / а шко́л’н’ик’и / пода́рок // а она́ ид’о́т / йа иду́ с тово́ кра́йу / што / куп’и́ла // а йа / м’и́лайа / н’э поду́мала / потому́ што йа была́ ф той ку́ртк’э / к кото́рой пр’ицэ́пл’эна э́та // домо́й-то пр’ишла́ / как в з’э́ркало-то посмотр’э́ла / а у м’ин’а́ э́та шту́ка / ах вот оно́ што // а она́ рабо́тала / рабо́тайэт и с’эча́с ф поко́йн’ицкой // йэ́сл’и п / йа поду́мала / йа бы йэй р’эзану́ла / а т’иб’э́ покупа́т’ н’э на́до / ты у поко́йн’ика мо́жэш сн’ат’ // ну хорошо́ / што н’э дошло́ до м’ин’а́ / так што йа н’э нагруб’и́ла //

а ду́майу / с’эча́с вот йэму́ и говор’у́ / на сл’э́дуйушшый гот ф’с’э / кто в’эт’ м’эда́л’ э́ту дайу́т и дайу́т э́то // ну назов’и́ ты эту бума́гу-то //

г’ио́рг’ийэфскайа л’э́нтачка //

ну вот / йа говор’у́ / йа ф’с’э пр’ин’эсу́ / пр’ив’эзу́ и покажу́ / што у м’ин’а́ ско́л’ко м’эда́л’эй // а йа ка́к-то рас и говор’у́ / а зачэ́м он’и́ э́т’и м’эда́л’и // а ол’га / до́чка / пуст’ ну́к’и посмо́тр’ат // да што ну́к’и н’э в’ида́л’и // ну а што йа в жы́з’н’и н’э забу́ду / мн’э э́тот войэ́нный-то пр’ин’о́с м’эда́л’-то / вручи́л // йа и гр’у́ / спас’и́бо // а он говор’и́т / н’э нам спас’и́бо / а вам спас’и́бо // потому́ што йа в’эт’эра́н войэ́нново трудэ́ / в’эт’эра́н / што мы ужэ́ сто́л’ко отрабо́тал’и // вот // а йа и говор’у́ / йа ф к’ир’и́ллов’э рабо́тала ф т’ипогра́ф’ийи // йа оттуда́ спра́фку вз’а́ла / у м’ин’а́ и та / была́ зап’и́сана / так што йа п’иис’ат шэст’ л’эт / и́л’и бо́л’шэ отрабо́тала //

так што мы жыв’о́м норма́л’но // нам / как йа от комб’ина́та рабо́тала ф’с’у жы́з’н’ / дак нам // вот с’эча́с разгова́р’ивала с э́той / ну вот на́шэй / и говор’у́ // дак йа говор’у́ / н’э

зна́йу ско́л’ко / она́ говор’и́т // ф э́тот гот / гр’ит / полторы́ ты́с’ачи // ну вот йа вот ка́ждый гот пойд’э́м там / ну у на́с-то вот э́то са́мый гла́вный э́то / в э́том / в э́том / ну там к’инот’а́тр был / ид’о́м / трудову́йу кн’и́шку / ф’с’э докум’э́нты б’эр’о́м // там зап’и́сывайут / и ка́ждый гот нам дайу́т д’э́н’г’и // ра́ншэ мы ход’и́л’и получа́т’ ф сб’эрка́ссу / а с’эго́т сказа́л / п’эр’эв’эду́т на кн’и́шку // дак вот она́ и сказа́ла / што с’эго́т полторы́ ты́с’ачи // ка́ждый гот дайу́т / так што нас ишшо́ / н’э́т н’э́т да подк’и́дывайут // а т’эп’э́р’ сйэ́ду / оп’а́т’ узна́йу / гд’э дава́л’и на д’эв’а́тойэ ма́йа / на д’эв’а́тойэ ма́йа ско́л’кото даду́т / так што нас ишшо́ / стар’ико́ф / н’э забыва́йут / жыв’и́т’э да ра́дуйт’эс’ / вот вам //

но нас выруча́йэт комб’ина́т // йа вот з’д’эс’ л’эжа́ла в бол’н’и́цэ / у м’ин’а́ вот бол’э́л бок / д’э́лал’и оп’эра́цийу // пра́вда / отношэ́н’ийэ о́чэн’ бы́ло хоро́шэйэ / но п’ита́н’ийэ про́т’иф на́шэво // а у нас комб’ина́т / пра́вда / п’ита́н’ийэ / ко́рм’ат / ко мн’э / э́тот / хо́д’ат сос’э́д’и // йа говор’у́ // а у нас вн’изу́ у м’ин’а́ жыв’о́т така́йа скупа́йа / ф’с’о с’иб’а́ мор’и́ла // йа говор’у́ / з’д’эс’ ко́рм’ат / н’э ка́ждый до́ма так п’ита́йэцца // пра́в’ил’но / што корм’и́л’и искл’учи́т’эл’но // вот // и у нас ишшо́ / ма́ло това́ / у нас вот т’эп’э́р’ мы п’эн’с’ион’э́ры н’эрабо́чийэ / ф ка́ждый гот могу́ од’и́н рас вз’ат’ ход’и́т’ на об’э́ды // вот д’э́с’ат’ / д’э́с’ат’ / э́то за́фтрак / ка́ша // ка́ша // пото́м чай / кусо́к бато́на́ с ма́слом / а в два тр’и́ццат’ / об’э́т // в об’э́т об’аза́т’эл’но сала́т’ик // а мн’э сос’э́д’и и говор’а́т / ой / там справл’а́йут пом’и́нк’и / да вот оста́н’эцца / фск’ип’ат’а́т / да и ко́рм’ат // йа говор’у́ / н’э вр’и / ра́д’и бо́га / н’э вр’и // йа в’эт’ н’э ду́ра / в’и́жу / што дайу́т-то // ф’с’о зготовл’эно то́л’ко св’э́жэйэ // йа говор’у́ / вот сала́т’ик // пото́м дайу́т суп / но ф су́п’э м’а́са н’эт // м’а́со ид’о́т на фторо́йэ / и́л’и там котл’э́ты / и́л’и чэво́ / ил’и там окоро́чэк // и фторо́йэ / э́т’и / б’э́ф-стро́ганоф там с чэ́м-то // ко́рм’ат искл’учи́т’эл’но // пото́м ишшо́ бл’ины́ и́л’и ола́д’йи // а то тут што / йа говор’у́ // йа ишшо́ стойу́ э́то / бл’ино́ф н’э дождала́с’а // а бл’ины́-то // да уш н’э́куда вро́д’э и ло́жыт’ // но заставл’а́йут э́то домо́й заб’ира́т’ / так што там б’эр’и́ и заб’ира́й домо́й // вот ка́ждый гот мо́жэш од’и́н рас сход’и́т’ на об’э́ды // б’эспла́тно]

Как выделяют социального работника

– Вот у вас это есть и у нас. Вот могу я человека, ко мне дадут человека, что ко мне он будет ходить, в магазин ходить и всё. Дочка уже не один год хотела. Мне не надо человека, понимаешь? Я на это очень худая. Ну чё, я уже привыкла так, дак зачем? А я говорю, я если заболела, я беру булку – белого булку, чёрного. Я говорю, могу неделю лежать, хлеба хватит. А как встану, дак я сама сброжу. Чего надо, того и беру, вот так.

[вот у вас э́то йэ́с’ и у нас // вот могу́ йа чэлов’э́ка / ко мн’э дадут чэлов’э́ка / што ко мн’э он бу́д’эт ход’и́т’ / в магаз’и́н ход’и́т’ и ф’с’о // до́чка ужэ́ н’э од’и́н гот хот’э́ла // мн’э н’э на́до чэлов’э́ка / пон’има́йэш // йа на э́то о́чэн’ худа́йа // ну чо / йа ужэ́ пр’ивы́кла так / дак зачэ́м // а йа говор’у́ / йа йэ́сл’и забол’э́ла / йа б’эру́ бу́лку / б’э́лово бу́лку / чо́рново // йа говор’у́ / могу́ н’эд’э́л’у л’эжа́т’ / хл’э́ба хва́т’ит // а как фста́ну / дак йа сама́ зброжу́ // чэво́ на́до / това́ и б’эру́ / вот так]

Как боролась с пьянством дочери

– А дедко пил. И дочь вот. Так вот сейчас не знаю, раза три или четыре звонила, вроде трезвая. Но не знаю; сейчас подожди-ка, покажу. Ой, беда, нелад: бабка тебя заговорит. Вот – купила от водки. От водки. Пятьсот рублей. Вот, послала такую штуку ему, внуку, что давай. Вот там порошочек, вот это вот гриб вот такой, и вот там такая маленькая ложечка, и надо или в суп или там в питьё по этой ложечке давать.

– *Незаметно?*

– А?

– Незаметно?

– Да, надо чтоб не знала. Вот я ему послала. Тут было у меня куплено, я тебе много наговорю) куплена такая, ну как мне понравилася чёрная, эта, ну как тебе сказать, ну такая как футболочка, но она вроде шерстяная, чёрная. Вторая накидочка, и тут такие красивые вышит или как-то сделан, и третья. А мне-то куда ходить, думаю, куда мне? А она-то терапевт, в больнице. Я ёй и послала, написала в письме, это, то есть, бандеролью: «Марта, тебе будет очень хорошо на работу ходить». Ну уже такая штука, я думаю, что понравится, но только чёрная. «А это драгоценной доченьке». Ну и написала, как надо. Он говорит: «Это пустое дело». А дядечка, у которого покупала, он и говорит: «Даже пить не будет, изредка надо давать». Ну вот это вот ни и здесь – на навозе растёт этот гриб. Вот его надо высущить, в муку растереть и вот такую капелечку и давать в суп. Ну дак вот я покупала три штуки: одну послала, одну вот привезла, а одну выпросила соседка. Ну вот дак не знаю, **откупит** она мне или нет. А я ей сказала: «Если приедешь, я тебе отравлю».

Слушай, так мне уж надоело. Она у меня столько пропила денег: ой! Тысячами вытаскивает. Я как усну, и пьёт, и пьёт. Я уже с грехом её отправила. Отправила я её туда с грехом. Не знаю, как они там бьются.

А подружки у ней очень хорошие, очень. Особенно одна, приедут, говорят, говорят: «Ты детей-то позоришь», что дети-то такие грамотные. Ну что делать, человек уже привыкла пить. Ну что делать вот так? Вот так жизнь бы всё бы хорошо.

И она что: у меня книжка. Здесь было прошлый год. Пошла – тридцать тысяч ей дали. А потом у меня в Мончегорске книжка, и я сто тысяч положила как на похороны на книжку, отдельно, а завещание на неё. И она что решила? А до меня не доходит! Она решила (соседке сказала): «Я пошлю – своего мужа – солнышку деньги, она мне сказала. А я думаю: «Она какие деньги пошлет?» А потом оказывается, она уже сходила с этой книжкой, а ей в Мончегорске не дали. Но тут я дошла, она и говорит: «Если ты помрешь, придётся денег мне занимать у подружек: что не дадут деньги. Тут до меня дошло: тогда я эту книжечку подобрала. И вот я сегод перед отъездом сходила и переписала на сына на еённого. Думаю: «Вот тебе ничего, ничего ты от меня не получишь, раз такое дело». Вот так вот. Так что детей выучишь...

А другой раз бывает так, что вроде как скуповатая, бывает, что оговариваем. А оказывается, видишь, много-то нельзя давать, а они... Я же с этим, со старшим нянчилась, когда она училася в Ленинграде. Там так они пьют – ужас! Она мне и говорит, что в праздник на колидор не выходи, утром если встанешь в колидоре – десять–двадцать сантиметров всё стёклом набито. А я и говорю: «Родители высылают, что на житьё, а они пьют». Вот так что. Вот не дай Бог. Вот жизнь прожить – не поле перейти. А всё равно, вот видишь, а помирать – смерти нет.

[а д’э́тко п’ил // и до́ч вот // так вот с’эча́с н’э зна́йу / ра́за тр’и́ и́л’и чэты́р’э звон’и́ла / вро́д’э тр’э́звайа // но н’э зна́йу // с’эча́с подожд’и́-ка / покажу́ // ой / б’эда́ / н’эла́д / ба́пка т’эб’а́ заговор’и́т // вот / куп’и́ла от во́тк’и // от во́тк’и // п’ат’со́т рубл’э́й // вот / посла́ла таку́’йу шту́ку йэму́ / вну́ку / што дава́й // вот там порошо́чэк / вот э́то вот гр’и́п вот тако́й / и вот та́м така́йа ма́л’эн’кайа ло́жэчка / и на́до и́л’и ф суп и́л’и та́м ф п’ит’йо́ по э́той ло́жэчк’э дават’ //

н’изам’этна //

а //

н’изам’этна //

да / на́до штоп н’э зна́ла // вот йа йэму́ посла́ла // тут бы́ло у м’ин’а́ ку́пл’эно / йа т’иб’э́ мно́го наговор’у́ // купл’эна така́йа / ну как мн’э понра́в’илас’а чо́рнайа / эта / ну как т’иб’э́ сказа́т’ / ну така́йа как футбо́лочка / но она́ вро́д’э шэрст’ана́йа / чо́рнайа // фтора́йа нак’и́дочка / и тут так’и́йэ крас’и́выйэ вы́шыт и́л’и ка́к-то з’д’э́лан / и тр’э́т’йа // а м’н’э́-то куда́ ход’и́т’ / ду́майу / куда́ мн’э // а она́-то т’эрап’э́фт / в бол’н’и́чэ // йа йой и посла́ла / нап’иса́ла ф п’ис’м’э́ / э́то / то йэст’ / банд’эро́л’йу / ма́рта / т’иб’э́ бу́д’эт о́чэн’ хорошо́ на

рабо́ту ход’и́т’ // ну ужэ́ така́йа шту́ка / йа ду́майу / што понра́в’ицца / но то́л’ко чо́рнайа // а э́то драгоче́нной до́чэн’к’э // ну и нап’иса́ла / как на́до // он говор’и́т / э́то пусто́йэ д’э́ло // а д’а́д’эчка / у кото́рово покупа́ла / он и говор’и́т / да́жэ п’и́т’ н’э бу́д’эт / и́зр’эдка на́до дава́т’ // ну вот э́то вот н’и и зд’эс’ / на навоз’э раст’о́т э́тот гр’и́п // вот йэво́ на́до вы́суш’ит’ / в муку́ раст’эр’э́т’ и вот таку́у ка́п’эл’эчку и дава́т’ ф суп // ну дак вот йа покупа́ла тр’и шту́к’и / одну́ посла́ла / одну́ вот пр’ив’эзла́ / а одну́ вы́прос’ила сос’э́тка // ну вот дак н’э зна́йу / отку́п’ит она́ мн’э и́л’и н’эт // а йа йэй сказа́ла / йэ́сл’и пр’ийэ́д’эш / йа т’иб’э́ отравл’у́ //

слу́шай / так мн’э уш надойэ́ло // она́ у м’ин’а́ сто́л’ко проп’ила́ д’э́н’эг / ой // ты́с’ачам’и выта́ск’ивайэт // йа как усну́ / и п’йо́т / и п’йо́т // йа ужэ́ з гр’эхо́м йийо́ отпра́в’ила // отпра́в’ила йа йийо́ туда́ з гр’эхо́м // н’э зна́йу / как он’и́ там б’йу́цца //

а подру́шк’и у н’эй о́чэн’ хоро́шыйэ / о́чэн’ // осо́б’энно одна́ / пр’ийэ́дут / говор’а́т / говор’а́т / ты д’эт’э́й-то позо́р’иш / што д’э́т’и-то так’и́йэ гра́мотныйэ // ну што д’э́лат’ / чэлов’э́к ужэ́ пр’ивы́кла п’и́т’ // ну што д’э́лат’ вот так // вот так жызн’ бы ф’с’о бы хорошо́ //

и она́ што́ / у м’ин’а́ кн’и́жка // зд’эс’ бы́ло про́шлый гот // пошла́ / тр’и́ццат’ ты́с’ач йэй да́л’и // а пото́м у м’ин’а́ в мончэго́рск’э кн’и́жка / и йа сто ты́с’ач положы́ла как на по́хороны на кн’и́жку / од’д’э́л’но / а зав’эш’а́н’ийэ на н’э’о // и она́ што р’эшы́ла // а до м’ин’а́ н’э дохо́д’ит // она́ р’эшы́ла // сос’э́тк’э сказа́ла // / йа пошл’у́ / свойэво́ му́жа / со́лнышку д’э́н’г’и / она́ мн’э сказа́ла // а йа́ ду́майу / она́ как’и́йэ д’э́н’г’и пошл’о́т // а пото́м ока́зывайэцца / она́ ужэ́ сход’и́ла с э́той кн’и́шкой / а йэй в мончэго́рск’э н’э да́л’и // но тут йа дошла́ / она́ и говор’и́т / йэ́сл’и ты помр’э́ш / пр’ид’о́цца д’э́н’эк мн’э зан’има́т’ у подру́жэк / што н’э даду́т д’э́н’г’и // тут до м’ин’а́ дошло́ / тогда́ йа эту кн’и́жэчку подобра́ла // и вот йа с’эго́т п’эр’эд отйэ́здом сход’и́ла и п’эр’эп’иса́ла на сы́на на йийо́нново // ду́майу / вот т’иб’э́ н’ичэво́ / н’ичэво́ ты от м’ин’а́ н’э полу́чиш / ра́с тако́йэ д’э́ло // вот так вот // так што д’эт’э́й вы́учиш //

а друго́й рас быва́йэт так / што вро́д’э как скупова́тайа / быва́йэт / што огова́р’ивайэм // а ока́зывайэцца / в’и́д’иш / мно́го-то н’эл’з’а́ дава́т’ / а он’и́ // йа жэ с э́т’им / со ста́ршым н’а́нчилас’ / когда́ она́ учи́лас’а в л’эн’ингра́д’э // там так он’и́ п’йу́т / у́жас // она́ мн’э́ и говор’и́т / што ф пра́з’н’ик на кол’идо́р н’э выход’и́ / у́тром йэ́сл’и фста́н’эш ф кол’идо́р’э / д’э́с’ат’ два́ццат’ сант’им’э́троф ф’с’о́ ст’окло́м наб’и́то // а йа и говор’у́ / род’и́т’эл’и высыла́йут / што на жыт’йо́ / а он’и́ п’йут // вот так што // вот н’э да́й бох // вот жызн’ прожы́т’ / н’э по́л’э п’эр’эйт’и́ // а ф’с’о равно́ / вот в’и́д’иш / а пом’ира́т’ / см’э́рт’и н’эт]

Как лечились и как заботились о детях

– Ну как лечили, не знаю в деревне. В деревне не очень-то, знаешь. И помрет – вот и слава Богу. Семьи всегда большие. Вот и нас фактически восьмеро, я так считаю: вот Шурка старшая, Колька, Володька, я, второй Володька, Валька, Витька, ещё Оля была. А ещё бы отец не помер, она бы ещё нарожала. Вот так раньше было. Дак они рады были, который и помрет, дак и слава Богу. Не больно и... Это теперь уже вот. Так что не очень беспокоились.

– *Ну какие-то были!*

– А у всех детей было много.

– *Ну что-то да лечили? Как-то ведь, какие-нибудь!*

– Ну маленько-то лечили чем-то. Ну а чего: простыл – дак на печку, затолкают – сиди на печке, грейся. Так что, так что не беспокоились раньше. И дети были крепче. Видишь, опять же теперь все считают: раньше всё равно деревенский человек, он же более крепче, потому что ничего такого, теперь этой химии-то не едят, а мы-то дак там какое там! Так что, бог его значет. Ну раньше крепче дети были, вот.

В бане намоют, напарят, и ходили, как говорится, и босые и всё, и не **тетюнькались**. Я в жизни не забуду. Как-то мама... Был двоюродный брат отца, а он и говорит: «Посади ребенка на печку». А тот подтолкнул что-то. Ну вот, дак он подошёл да маме ударил, что она попросила. Вот так раньше было. Раньше не тетюнькалися, это теперь уже стали, что.

А теперь, видишь, не знаю, как у вас, а у нас, у нас сосед, в соседнем доме, женился, двое детей, родила одного, потом второго. И он купил машину и квартиру на эти деньги. Вот такие деньги теперь. Теперь можно выходить замуж и рожать. Теперь деньги плотят – дай боже. А не знаю, у вас как, а у нас вот так.

А раньше, а раньше маленькому ещё, господи, нажуют вон хлеба, дадут в рот – и жуй. Матка где-то на работе дак. Раньше-то дети жили. А игрушек не было. Отец работал там, вот дак вот какие-то щепки – да игрушки. А что это ничего не было. А теперь вон всяких игрушек, всего.

Рог, рог был, рог. Не было, дак это титькой, дак это рог это помню, ну дак от коровы рожок, рог. И этот рог ну дак и поили. Да.

Вот это было, ну это вот в том доме, дак там это было кольцо, зыбка привешена, и вот и качаешь, качаешь. А у меня против дедко жил: «Не хочешь нянчится, дак ты возьми ущипни, ребёнок заплачет». Эх, как, милая, как щипнёшь, как он заревит, тут уже некогда, мамке придется брать. Вот дедко учил. А потом: «Не хочешь нянчится, так ты закрести ему рот да и убеги». Дак по одному лету каждый день меня били. Только прибегут с работы – в озеро, ну и я – в озеро. А придут, а он в это время заревит, вот так вот. Дак старыя это мужик и вот так учил, научил дак. Так люди-то разные дак.

[ну как л’эчи́л’и / н’э зна́йу в д’эр’э́вн’э // в д’эр’э́вн’э н’э о́чэн’то / зна́йэш // и помр’э́т / вот и сла́ва бо́гу // с’э́м’йи ф’с’эгда́ бол’шы́йэ // вот и нас факт’и́чэск’и во́с’м’эро / йа так счита́йу / вот шу́рка ста́ршайа / ко́л’ка / волот’ка / йа / фто́рой волот’ка / ва́л’ка / в’и́т’ка / ишшо́ о́л’а была́ // а ишшо́ бы от’э́ц н’э по́м’эр / она́ бы ишшо́ нарожа́ла // вот так ра́ншэ бы́ло // дак он’и́ ра́ды бы́л’и / кото́рый и помр’о́т / дак и сла́ва бо́гу // н’э бо́л’но и // э́то т’эп’э́р’ ужэ́ вот // так што н’э о́чэн’ б’эспоко́’ил’ис’ //

ну как’и́йэ-та бы́л’и //

а у ф’с’эх д’эт’э́й бы́ло мно́го //

ну што́-та да л’ичи́л’и // ка́к-та в’эт’ / как’и́йэ-н’ибут’ //

ну мал’э́н’ко-то л’эчи́л’и чэ́м-то // ну а чэво́ / просты́л / дак на п’э́чку / затолка́йут / с’ид’и́ на п’э́чк’э / гр’э́йс’а // так што / так што н’э б’эспоко́’ил’ис’а ра́ншэ // и д’э́т’и бы́л’и кр’э́пчэ // в’и́д’иш / оп’а́т’ жэ т’эп’э́р’ ф’с’э счита́йут / ра́ншэ ф’с’о равно́ д’эр’эв’э́нск’ий чэлов’э́к / он жэ бол’э́’э кр’э́пчэ / потому́ што н’ичэво́ тако́во / т’эп’э́р’ э́той х’и́м’ийи-то н’э йэд’а́т / а мы́-то дак там како́йэ там // так што / бох йэво́ зна́эт // ну ра́ншэ кр’э́пчэ д’э́т’и бы́л’и / вот //

в ба́н’э намо́йут / напа́р’ат и ход’и́л’и / как говор’и́цца / и босы́йэ и ф’с’о / и н’э т’эт’у́н’кал’ис’ // йа в жы́зн’и н’э забу́ду // как-то ма́ма // был двойу́родный брат оцца / а он и говор’и́т / посад’и́ р’эб’о́нка на п’э́чку // а тот поттолкну́л што́-то // ну вот / дак он подош’о́л да ма́м’э уда́р’ил / што она́ попрос’и́ла // вот так ра́ншэ бы́ло // ра́ншэ н’э т’эт’у́н’кал’ис’а / э́то т’эп’э́р’ ужэ́ ста́л’и / што //

а т’эп’э́р’ / в’и́д’иш / н’э зна́йу / как у вас / а у нас / у нас сос’э́т / ф сос’э́д’н’эм до́м’э / жэн’и́лс’а / дво́йэ д’эт’э́й / род’и́ла одно́во / пото́м фторо́во // и он куп’и́л машы́ну и кварт’и́ру на э́т’и д’э́н’г’и // вот так’и́йэ д’э́н’г’и т’эп’э́р’ // т’эп’э́р’ мо́жно выход’и́т’ за́муш и рожа́т’ // т’эп’э́р’ д’э́н’г’и пло́т’ат / да́й бо́жэ // а н’э зна́йу / у вас как / а у нас вот так //

а ра́ншэ / а ра́ншэ ма́л’эн’кому ишшо́ / го́спод’и / нажуу́т вон хл’э́ба / даду́т в рот / и жу́й // ма́тка гд’э́-то на рабо́т’э дак // ра́ншэ-то д’э́т’и жы́л’и // а игру́шэк н’э́ было // от’э́ц рабо́тал там / вот дак вот как’и́йэ-то ш’э́пк’и / да игру́шк’и // а што э́то н’ичэво́ н’э́ было // а т’эп’э́р’ вон ф’с’а́к’их игру́шэк / ф’с’эво́ //

ро́к / ро́к бы́л / ро́к // н’э́ было / дак э́то т’и́т’кой / дак э́то ро́к э́то по́мн’у / ну дак от коро́вы рожо́к / ро́к // и э́тот ро́к ну дак и по’и́л’и // да //

вот э́то бы́ло / ну э́то вот ф том до́м’э / дак там э́то бы́ло кол’цо́ / зы́пка пр’ив’э́шэна / и вот и кача́йэш / кача́йэш // а у м’ин’а́ прот’иф д’э́тко жы́л / н’э хо́чэш н’а́нчицца / дак ты воз’м’и́ уш’ипн’и́ / р’эб’о́нок запла́чэт // эх / как / м’и́лайа / как ш’ипн’о́ш / как он зар’эв’и́т / тут ужэ́ н’э́когда / ма́мк’э пр’ид’о́цца бра́т’ // вот д’э́тко учи́л // а пото́м / н’э хо́чэш н’а́нчицца / так ты закр’эст’и́ йэму́ ро́т да и уб’эг’и́ // дак по одному́ л’э́ту ка́ждый д’э́н’ м’ин’а́ б’и́л’и // то́л’ко пр’иб’эгу́т с рабо́ты / в о́з’эро / ну и йа́ / в о́з’эро // а пр’иду́т / а он в э́то вр’э́м’а зар’эв’и́т / вот так вот // дак ста́рыа э́то мужы́к и вот так учи́л / научи́л дак // так л’у́д’и-то ра́зныйэ дак]

Как развлекались

– Я, например, танцы никаких не танцевала. Кадрель. У нас кадрель была, кадрель. Там сколько пар встаёт, что и вот там, там один командует. У нас кадрель здесь, а что дедко там из-за Гориц, у них ленца плясяли, а у нас кадрель, а у них ленца.

– А чем отличаются?

– Ну у них совсем уже другая пляска, но тоже там командует. А после как эту там прокомандует, там проиграет, тут уже девки пляшут по паре, по двое ходят. А потом уже **кужляют**, этот ну скужляют нас, скужляют уже, когда этот тут потом. Там этот парень выходит, пляшет, а девка выходит – тебя, когда с песнями, парень песни поёт, вот и все эти, а так... Ну раньше было, я думаю, чё-то веселей, лучше, чем сейчас. На гулянки ходили, было весело. Придешь с работы, устанешь, господи. И думаешь: «Не пойду сегодня». – «Пошли!» – кричат. Эх, созывся и побежал. Раньше этот чё-то веселей, а теперь не знаю.

Ну у нас, вот у меня дом это, этот, у меня с часовенки. У нас была часовенка такая. Ну как тебе сказать, ну раньше в церкви были. Это от церквы это была часовенка. Потом она это была там это как склад, как кладовая. Зерно там хранили. И вот на этой часовенке каждый день до трёх ночи – а у нас деревня была сорок пять домов – и каждый день до трёх ночи пляска, гулянка, гармошка своя. Народу много, была гулянка, так что.

Ну раньше ведь гуляли, беседы делали. Вот тут девки, вот примерно у вас в деревне пусть хоть троё, значит, эту беседу ты делаешь, потом вторая, потом третья там. То этот в деревнях, там пишут записку: «плахинская молодежь...», то есть «борбушинская молодежь, приглашает вас на беседу плахинская молодежь вот в такой-то день». И вот все и приходили, и кадрель и плясали.

В общем, ребята встают, берут девок, и там уже один командует, а остальные... ну не знаю, раньше было как-то... А теперь видишь, всё за деньги, всё везде. Не все-то богаты, кто-то может, а у кого-то и бедно есть, так что да.

[а / напр’им’э́р / та́нцы н’икак’и́х н’э танцэва́ла // кадр’э́л’ // у нас кадр’э́л’ была́ / кадр’э́л’ // там ско́л’ко пар фстайо́т / што и вот там / там од’и́н кома́ндуйэт // у нас кадр’э́л’ з’д’эс’ / а што д’э́тко там из-за гор’и́ц / у н’их л’энца́ пл’ас’а́л’и / а у нас кадр’э́л’ / а у н’их л’энца́ //

а чэм отл’ича́йуцца //

ну у н’их соф’с’э́м ужэ́ друга́йа пл’а́ска / но то́жэ там кома́ндуйэт // а по́сл’э как э́ту там прокома́ндуйэт / там про’игра́йэт / тут ужэ́ д’э́фк’и пл’а́шут по па́р’э / по дво́йэ хо́д’ат // а пото́м ужэ́ кужл’а́йут / э́тот ну скужл’а́йут нас / скужл’а́йут ужэ́ / когда́ э́тот тут пото́м // там э́тот па́р’эн’ выхо́д’ит / пл’а́шэт / а д’э́фка выхо́д’ит / т’иб’а́ / когда́ с п’э́с’н’ам’и / па́р’эн’ п’э́сн’и пойо́т / вот и ф’с’э эт’и / а так // ну ра́ншэ бы́ло / йа ду́майу / чо́-то в’эс’эл’э́й / лу́тшэ / чэм с’эча́с // на гул’а́нк’и ход’и́л’и / бы́ло в’э́с’эло // пр’ид’о́ш с рабо́ты / уста́н’эш / хо́спод’и // и ду́майэш / н’э пойду́ с’эво́дн’а// пошл’и́// кр’ича́т // эх / созы́фс’а и поб’эжа́л // ра́ншэ э́тот чо́-то в’эс’эл’э́й / а т’эп’э́р’ / н’э зна́йу //

ну у нас / вот у м’ин’а́ дом э́то / э́тот / у м’ин’а́ ш’ш’асо́в’энк’и // у нас была́ часо́в’энка така́йа // ну как т’иб’э́ сказа́т’ / ну ра́ншэ ф цэ́ркв’и бы́л’и // э́то от цэ́ркви э́то была́ часо́в’энка // пото́м она́ э́то была́ там э́то как склат / как кл’адова́йа // з’эрно́ там хран’и́л’и // и вот на э́той часо́в’энк’э ка́ждый д’эн’ до тр’ох но́чи / а у нас д’эр’э́вн’а была́ со́рок п’ат’ домо́ф / и ка́ждый д’эн’ до тр’ох но́чи пл’а́ска / гул’а́нка / гармо́шка свойа́ // наро́ду мно́го / была́ гул’а́нка / так што //

ну ра́ншэ в’эт’ гул’а́л’и / б’эс’э́ды д’э́лал’и // вот тут д’э́фк’и / вот пр’им’э́рно у вас в д’эр’э́вн’э пуст’ хот’ тро́йо / зна́чит / э́ту б’эс’э́ду ты д’э́лайэш / пото́м фтора́йа / пото́м тр’э́т’йа там // то э́тот в д’эр’эвн’а́х / там п’и́шут зап’и́ску / пла́х’инскайа молод’о́ш// то йэс’ борбуш ы́нскайа молод’о́ш / пр’иглаша́йэт вас на б’эс’э́ду пла́х’инскайа молод’о́ш / вот ф тако́й-то д’эн’ // и вот ф’с’э и пр’иход’и́л’и / и кадр’э́л’ и пл’аса́л’и //

в опшэм / р’эб’а́та фстайу́т / б’эру́т д’э́вок / и там ужэ́ од’ин кома́ндуйэт / а остал’н ы́йэ // ну н’э зна́йу / ра́ншэ бы́ло ка́к-то // а т’эп’э́р’ в’и́д’иш / ф’с’о за д’э́н’г’и / ф’с’о в’эз’д’э́ // н’э ф’с’э́-то бога́ты / кто́-то мо́жэт / а у ково́-то и б’эдно́ йэс’ / так што да]

ПРИМЕЧАНИЯ

Вз муж – замуж [СВГ, 1: 68].

Дозн ть (прост. или устар.) – узнавать наверное, разузнавать [БАС, 3: 898]

Знать – уметь колдовать, ворожить, быть знахарем, колдуном [СРНГ 11: 311].

Знат к – знахарь, колдун [СРНГ 11: 311]

Кужля́ть – возможно, кружить, ср.: *кужля́вый* «кудрявый, раскидистый, ветвистый, др.» [СВГ, 4: 13].

Лесов й – одичавший в лесу; нелюдимый [СВГ, 4: 37].

Настоя́ще– должным образом, как нужно, по-настоящему [СВГ, 5: 75].

Обрыв ть – окучивать (картофель) [СРНГ, 22: 218]

Откуп ть – купить с целью отдать долг, ср.: *откуп ть* «взять в наём»[СВГ, 6: 92].

Сег д – в этом году [СВГ, 9: 114].

Съ хать – приехать [СВГ, 10: 175].

Тетю́нькаться – возиться, заниматься; ср. *тете́нькаться* ‘ухаживать, присматривать за детьми, нянчиться’ [СВГ, 11: 21].

§ 4. НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ШАБРОВ

Николай Павлович Шабров – самый «юный» из наших информантов. Он родился в деревне Борбушино Кирилловского района 11 апреля 1938 года, после десятилетки закончил Сасовское летное училище в Рязанской области и более двадцати лет провёл в российском небе: летал командиром корабля в Вологодском авиаотряде, был пилотом-инструктором, обучал лётному мастерству многих молодых пилотов. После выхода на пенсию Николай Павлович много времени и сил отдал родной деревне: отремонтировал родительский дом, привел в порядок земельный участок, развел пасеку, посадил на краю деревни небольшую сосновую рощу. Он

всегда рад гостям, особенно студентам-диалектологам, с которыми охотно беседует об истории родной деревни, о крестьянском труде, о событиях в жизни своей семьи и о нюансах своей профессии.

Мы надеемся, что ещё долгие годы гостеприимный дом Николая Павловича будет открыт для нас, а хозяин раскроет перед нами ещё не известные страницы истории родной земли. По просьбе родных и друзей накануне одного из своих юбилеев Николай Павлович взялся за перо. Здесь мы публикуем семь небольших его рассказов, посвященных истории родной семьи и родной деревни.

1. Дмитрий Петрович Татауров

Мой прадед по матери, Татауров Пётр Михайлович, умер в возрасте 92 лет приблизительно в 1947 году. У него было три сына. Как жили Николай и Алексей, нетрудно узнать из архивных данных, а вот о сыне Дмитрии были самые загадочные сведения. Он очень редко бывал у отца в деревне, по словам родственников, не был женат и служил у какого-то князя камердинером. Известно, что он приезжал на крестины моей матери (примерно, в 1911–1912 гг.), подарил ей золотой крестик, который она не сохранила. Последний раз его видели в родной деревне накануне отъезда князя за границу: Дмитрий приезжал поздно ночью и очень быстро уехал, чтобы никто его приезд не видел. Потом было письмо. Его кто-то привёз так же поздно ночью, никто даже не видел лица. В письме было написано, что Дмитрий живёт во Франции, занимается сельским хозяйством. Естественно, письмо тут же уничтожили, Пётр Михайлович и его сыновья, Николай и Алексей, хранили тайну о том, что у них есть сын и брат за границей. Достаточно было знать, что он жив.

Через много лет мы нашли в Интернете списки русских эмигрантов, которые нашли приют во Франции. Среди них был Татауров, того же времени и места рождения (1882 год, д. Дымково Новгородской губернии), что и наш родственник. Он служил камердинером у великого князя Николая Николаевича (младшего), эмигрировал с ним в Константинополь, жил в Италии, во Франции, в Приморских Альпах. Место и время кончины его неизвестно. Тот ли это человек, не знаю: в семье от Дмитрия Петровича осталась только его юношеская фотография начала XX века.

Дед умер ещё до моего рождения: его нашли мёртвым у дороги в снегу, когда лошадь пришла в деревню с пустыми розвальнями. Это был примерно 1931 год. Мать старалась не говорить о смерти отца. Прадед был крепкий крестьянин. В колхоз не вступал, облагался всякими налогами, подвергался всяческим унижениям. В начале 30-х годов его раскулачили и собирались выслать в Кировск вместе с моей бабушкой и её малолетними детьми, Валентиной и Дмитрием, на руках. Пожалел их семью капитан корабля в Горицах. Сказал: «Дед, поезжай обратно в деревню со своими бабами и ребятишками».

Прадеда в живых я уже не застал, а бабушку Анну Александровну ещё видел. Она называла меня «красное солнышко». С того времени, как пришли они из Гориц и увидели раззор и нена ʾ дтьи о ǂ х ± ʒ מʿ ʒ и в ра и Дмит,

благодарность я получил за баню: я её натопил так, как дома в деревне, нагрел столько воды, что командир эскадрильи поставил меня всем в пример. А потом он же закатил мне пять нарядов вне очереди: курсанты умудрялись воровать у меня ракеты, а я не уследил.

Сначала при полётах я не видел всей красоты земли. Была задача выполнить все элементы полёта, вовремя делать развороты, снижаться, не потерять аэродромные знаки, не заблудиться. Всего на ПО-2 я сделал 331 полёт. А на ЯК-12 уже 118 полётов, без особых эмоций.

15 сентября 1957 года я был зачислен в состав 71-го лётного отряда, базирующегося в г. Вологде (аэродром «Прилуки»). Имею общий налёт 17088 часов, из них больше всего на АН-2 (7000) и ЯК-40 (7800). Первый класс получил в 1978 году. Работал пилотом-инструктором, заочно окончил Московский авиационный институт. Ушёл на пенсию по состоянию здоровья 2 августа 1985 года.

В Вологодском авиаотряде встретил свою судьбу, женился на Галине Васильевне Морозовой. Наш сын тоже пошёл в авиацию. Каждый из его 3600 часов в воздухе был одинаково сложен и опасен.

Не найдёшь ни одной книги, где эмоции от полёта были бы переданы точно: об этом стараются не говорить – получишь не один инфаркт! Часто приходила на ум мысль: «Как дожить до земли?» Страха не было, но и спокойствия за благополучное завершение полёта тоже не было: каждая минута могла стать последней! Но работали, зарабатывали себе на жизнь и думали, что наша работа не так уж плоха. А сын Павел ещё и падал на вертолёте в лес по причине потери пространственного положения. Удар, потеря сознания – очнулся, а по нему течёт керосин, и механик тащит его и я кабины вертолёта наружу. Об

оставшиеся километры идёшь с хорошим настроением, уже забыл, что только что дрожал от страха на лесной дороге.

Вот так прошли три года учёбы в Ферапонтове. Те чувства, что терзали детскую душу на лесной дороге, не забыть никогда! Для смелости в руках всегда была палка. И это придавало силы, уверенности, что лес преодолею. Не знаю, какие чувства терзали взрослых, которые знали о том, что дети идут сейчас лесом одни по ночной дороге.

Зимой ходили через Оденьево. Но и там, как стемнеет, было жутко. Лезли в голову мысли, что нападут волки, съедят и оставят только ноги в катаниках, так как катаники труднее всего разгрызть. Зимой ходили обычно толпой. А потом опять приходила весна, было много солнца, и по дороге уже веселее было ходить.

5. О ловле кротов

Говорят, что крот полезен. В природе не бывает вредного. Для меня же крот был добычей. Шкурка его ценилась и шла на шубы и шапки. Но прежде чем получить шкурку крота, надо его изловить.

К ловле кротов меня привлекало то обстоятельство, что за шкурку давали белую муку. Отце лежал больной (с июля по май), был уже не председатель, можно сказать, а только числился, а за его спиной бухгалтер и заместитель делали свои чёрные дела по разрушению колхоза, отпускали всех работоспособных, кто только мог куда убежать.

Я изловил около 200 кротов, везде ставил кротоловки: и в полях, где их было великое множество, и в огороде, и на боровине у озёр. Мне надо было поймать крота, аккуратно разрезать шкурку по животу, вытащить тушку, выкинуть её собаке или кошкам. Дальше тушку растягивал на доске и сушил. Накопив таким образом около ста шкурок, я отправился в «Заготпушнину» г. Кириллова и на все эти шкурки получил десять килограммов белой муки.

Таким усталым и радостным я возвращался домой! Обрадовалась мать, а ещё больше отец: никогда я не слышал от него такой похвалы. Пусть этот мой маленький труд был скромен, но радость от него, может быть, на несколько дней продлила моему отцу жизнь.

С наступлением осени добычу кротов пришлось прекратить. А со смертью отца прекратился и весь мой промысел. Мне было жалко кротов. А кротоловки долго висели в сарае, пока его не сломали и не уничтожили многие хранившиеся в нём старые вещи. А главное – сожгли старые бумаги. Все документы о дедушке, об отце, о прочих членах семьи были безвозвратно потеряны. А иконы мать отдала жадным чужим людям, пообещавшим отнести их в музей. Осталась только икона Божьей Матери из Семипалатной крепости. Как выглядит сейчас эта икона, видел в последние мгновения жизни мой отец.

6. О речке Юзе

Мимо нашего дома течёт небольшой ручеёк, который весной разливается и превращается на короткое время в настоящую речку. Я называю её «речка Юза»: она юзит между холмиками, и не найти двадцати метров, чтобы речка куда-нибудь не повернула. Это теперь крохотный ручеёк, продолжение того ручья, что впадает в пруд, пересекает шоссейную дорогу по трубе и берёт своё начало под горой у дороги на Плахино.

Вот вся вода, стекающая с водораздела Горы до границы местечка Заполица, что западней Сосновины, собирается в ручей, впадает в пруд, а из пруда мимо нашего дома речкой Юзой уходит ко Ступам в болото, а по канавам в болоте попадает в озеро Круглое, затем в «узки» через бывшую когда-то мельничную плотину в Северодвинский канал и далее в Кубенское озеро. А поскольку речка течёт и текла мимо нашего дома, то это всегда было любимым местом моего детского времяпрепровождения. Это сейчас она

похожа на ручеёк, а лет пятьдесят тому назад это был бурный поток, текущий по омутам. На каждом повороте реки – глубокие омута, но самый глубокий – на Ступах. Там мы с ребятишками купались всё лето, ловили щурят и карасей. Рыболовными снастями у нас были обыкновенные решёта, которыми сеяли муку. Если ребята куда-нибудь уходили без меня, то я шёл за дом на речку, чтобы бабушка видела меня из окна. Утонуть в этой речке было невозможно, так что она не беспокоилась. А для меня это была великая забава. И

Боров на – сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте, бор [СВГ, 1: 40].

В ца – гибкий прут, ветка [СВГ, 1: 73].

Зав р – разборное звено изгороди из свободно вынимающихся жердей, служащее воротами [СВГ, 2: 103].

К таник – валенок [ВС: 107].

твод – ворота из жердей или тёса при въезде в деревню, в полевой изгороди, в изгороди, которой обнесена усадьба [СВГ, 6: 86].

Пест рь – большая плетёная заплечная корзина для переноски тяжестей (сена, соломы, мха, травы) [СВГ, 7: 49].

Тряп к – ветхая, изношенная одежда; лоскут ткани; тряпка; др. [СВГ, 11: 68].

Ч нки – небольшие сани, санки [СВГ, 12: 54].

Юз жс

Проект «Народная речь Вологодского края» открывает перед читателем мир самобытной крестьянской культуры. В основе этой культуры – существование человека в гармонии с природой, с людьми и с самим собой: «Хорошую жизнь пронизывает *лад*, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» (В.И. Белов).

«Лад» крестьянской жизни находит своё отражение в речи. Для всего, что имеет смысл, существуют слова. Для горожанина удивительно, например, множество народных названий дождливой погоды: *морось, морозга,непогодь, погода, падера* и др. Для крестьянина в этом, наоборот, ничего удивительного: жизнь и благополучие его семьи зависели от того, какова погода во время сбора урожая, *вёдро* стоит или *ненастье*.

В книге записаны воспоминания наших старших современников о тяжёлом времени колхозного строительства и о технических чудесах времён индустриализации, трудностях и победах послевоенного времени, о радостях и обидах последних десятилетий, когда практически на глазах опустели сотни вологодских деревень. Эти деревни продолжают жить в слове: в именах односельчан, в названиях пашен и лесов, в рассказах о жизни той самой деревни, которой уже может не быть на географической карте, но которая продолжает существовать в народной памяти.

Изучение народной речи жителей Вологодского края ждёт своего продолжения. В настоящее время сложился значительный по объему архив записей речи жителей Сямженского и Вытегорского районов (архив записей Л.Ю. Зориной), Шекснинского района (архив записей Е.П. Андреевой), в Вологодском государственном педагогическом университете выполнена серия выпускных квалификационных работ, посвящённых анализу говора одной деревни и описанию диалектной языковой личности. Все это вселяет надежду на продолжение серии «Народная речь Вологодского края», издания которой направлены не только на решение научных задач, но и на

привлечение внимания к проблеме изучения народной речевой культуры, сохранения лингвистического своеобразия родного края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М., 1965. С. 26–42.

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М, 1956.

Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.

Антипов А.Г. Словообразовательная морфонология русских говоров. Кемерово,1997.

Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе. Кемерово, 2001.

Араева Л.А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора. Томск, 1981.

Араева Л.А. Словообразоваетльный тип как семантическая микосистема. М., 1994.

Башенькин А.Н. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–XIII вв // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 12–21.

Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Бувальцева Н.М. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории: Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук. М., 1955.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Вологодское словечко: школьный словарь вологодских говоров. Вологда, 2013.

Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

Вяткина М.В. Полисемия словообразовательной формы. Кемерово, 2004.

Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнёзда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6–10. СПб., 1995–2002.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.

Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

Горшкова К.В. Развитие вокализма в Белозерских говорах Вологодской области // Филологические науки, 1958. № 4. С. 75–83.

Гудкова С.Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора. Томск, 1983.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978.

Диалектологический атлас русского языка. Вып. I–III. М., 1986. (ДАРЯ)

Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Евдокимова Е.А. Отглагольные словообразовательные субстантивы в среднеобских говорах: опыт системно-функционального описания. Кемерово, 1997.

Завалишина А.И. Словопроизводство глаголов в говоре с. Михайловки Залегощенского р-на Орловской обл. Дисс ... канд. филол. наук. Орел, 1981.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говоров. Вологда, 2014.

Иванова Л.В. Структурно-семантическая типология глаголов (на материале говора с. Татищево Переволоцкого р-на Оренбургской обл.). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1972.

Ильина Е.Н. Морфемика диалектного глагола. Вологда, 2012.

Ильина Е.Н., Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Диалектный словарь строения слов // Свидетельство Роспатента о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2013611057.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Кемерово, 2001.

Кодзасов С. В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

Кузнецова А.М. О гиперкорректных формах в области произношения согласных в русских говорах // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны. СПб, 2001. С. 31–58.

Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск. СПб, 2005. (ЛАРНГ)

Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1987.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М., 1997.

Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говоров. Кемерово, 1990.

Михова Н.Г. Говоры Кирилловского района Вологодской области (фонетический аспект). Череповец, 2006.

Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1961.

Новикова Л.Н. О соотношении словообразовательных категорий и семантических групп лексики в тверских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов международной конференции 23–25 октября 2006 г. М., 2006. С. 140–141.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970

Оглезнева Е.А. Номинативное поле производного имени существительного конкретной семантики в русских говорах Приамурья. Томск, 1996.

Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.

Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

Павленко П.А. О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 135–145.

Пантелеева Е.М. Характер словообразовательных связей слов внутри словообразовательного гнезда // Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976.

Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник императорского Русского географического общества. Ч. I. Кн. 1. СПб., 1981.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка.: Т. 1–2. М., 1990.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.

Чайкина Ю.И. О традиционных прозвищах в Белозерье // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1969. № 3. С. 104–109.

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.

Чайкина Ю.И. Очерки по лексике севернорусских говоров // Вопросы истории и лексики Белозерья. Вологда, 1975. С. 3–187.

Чайкина Ю.И. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // Вопросы языкознания. 1976. № 2.

Чайкина Ю.И. О субстратных топонимах с формантом *-гумзь* (*-гумезь*) в Белозерье // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. С. 119–124.

Чайкина Ю.И. О диалектном членении старорусского языка по данным антропонимии // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. Ужгород, 1984.

Чайкина Ю.И. Памятники деловой письменности русского Севера XVII – XVIII вв. Вологда, 1986.

Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988.

Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: этимологический словарь. Вологда, 1995.

Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.

Чайкина Ю.И., Новосёлова О.Н. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Пробные словарные статьи // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999. С. 12–30.

Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. История русских личных имен, отчеств и фамилий: Материалы в помощь учителю. Вологда, 2001.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. СПб., 2003.

Шаброва Е.Н. Производные глаголы в русских говорах. Вологда, 1998.

Шелепова Л.И. Особенности словообразовательной системы говоров и этимология // Историческое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985. С. 157–167.

Яцкевич Л.Г. Словарь со связанными основами: Словарь-справочник. Вологда, 2006.